

Константин Мзареулов

Хорек в мышеловке

Повести –

<http://www.fenzin.org>

Константин Мзареулов

Хорек в мышеловке

От автора

Даже не боюсь показаться банальным, делая такое признание: много десятилетий назад я стал горячим поклонником Братьев. Как и все фэны шестидесятых, а тем более семидесятых, я с жадным нетерпением ждал появления очередной книги любимых писателей, каждая из которых принималась с бурным восторгом.

Однако, была во всех повестях деталь, которая вызывала бешеное раздражение: всякий раз Братья обрывали действие на самом интересном месте, оставляя на долю читателей неблагодарную обязанность самим додумать выход из филигранно выписанной ситуации. Стоит ли удивляться, что такая орава фантастов моего (так называемого «четвертого») поколения взялась разрабатывать продолжения сюжетных или идейных линий, достраивая чудный мир, рожденный вдохновением А.Н. и Б.Н. Лично у меня настроение писать продолжения в стиле «Время учеников» появилось примерно после появления «Жука», а может, и раньше — после «Обитаемого острова».

Массу забавных выводов можно было сделать из различий между журнальными и книжными текстами некоторых повестей. Например, меня всегда тревожили обстоятельства административных катаклизмов, происходивших в Мире Полдня: Комитет Галактической Безопасности таинственным образом трансформировался в Совет по идентичной проблематике, а Прогрессоры столь же загадочно переподчинялись из Института экспериментальной истории в ведение неназванной службы при КОМКОНе-1. Одно лишь разбирательство коллизий подобной перетряски способно породить множество лихо закрученных сюжетных линий. Во всех таких случаях я отдавал предпочтение журнальному варианту «Обитаемого острова» перед книжным и «Возвращению» перед «Полднем, XXII».

И еще одно обстоятельство всегда смущало меня (и, похоже, не только меня): в разных повестях Братьев не совпадало время действия, из-за чего порой было трудно разобраться, в какой последовательности происходили те или иные события. В клубных фэнзинах предпринимались попытки выстроить подобную хронологию, однако авторы таких исследований с непонятным упорством тщились втиснуть все известные им факты в узкие рамки XXII века. Стало ясно, что надо разбираться самому.

Задача осложнялась тем пикантным обстоятельством, что сами Братья о подобных мелочах явно не слишком заботились, а потому допустили изрядную путаницу в датах. Пришлось двинуться окольным путем, вычисляя хронологию по косвенным признакам. К примеру, в финале «Возвращения» Горбовский говорит, что Комиссия по Контактм организована около пятидесяти лет назад, тогда как в «Попытке к бегству» возраст КОМКОНа-1 приближается к двум сотням лет. Кстати, один лишь этот факт означает, что Эпоха Полдня длилась не менее 150 лет, то есть никоим образом не могла ограничиваться одним (пусть даже Двадцать Вторым!) веком.

Дальнейшие рассуждения о хронологии приводят к еще более занимательным выводам. Судя по «Жуку в муравейнике», Максим оказался на Саракше в 56-57 гг. (если следовать одной из систем летосчисления) и вскоре после этого принимал участие в усмирении Островной империи. Однако те же события совпадают по времени с «Малышом», который датирован 245-м (вероятно, имелся в виду 2245-й!) годом. Чтобы преодолеть этот парадокс,

пришлось предположить, что с 2185 года было введено новое летосчисление.

Таким вот образом — где конспектируя, где вычисляя, где экстраполируя, где домысливая, удалось свести описанные мэтрами события и явления в единую таблицу, объединенную четкой временной последовательностью:

- 2040 Родился Леонид Андреевич Горбовский.
- 2072 Образован КОМКОН-1.
- 2073 Стартовала межзвездная экспедиция под командованием Л.А.Горбовского.
- 2080 Начались полеты сигма-Д-звездолетов.
- 2102 Введена в эксплуатацию и через 4 минуты отключена Массачусетская машина.
- 2103 Вернулась экспедиция Л.Горбовского. С учетом релятивистских эффектов Горбовскому должно быть около 40 биологических (локально-земных) лет.
- 2106 Родился Геннадий Комов.
- 2120 Сигма-Д-звездолеты имеют 4-6 км в поперечнике и преодолевают до 40 световых лет за полгода.
- 2125 Начало систематического применения биоблокады (фукамизации).
- 2129 Родился Айзек Бромберг.
- 2135 Экспедиционная группа Г.Комова открыла цивилизацию на планете Леонида.
- 2154 Начато строительство эпсилон-Д-звездолетов типа «призрак», основанных на принципе Нуль-транспортировки.
- 2160 Родился Павел Григорьевич Сикорский, он же Экселенц, он же Странник, он же Рудольф Сикорски.
- 2185 Начало нового летосчисления.
- 2221 [36] Родился Максим Ростиславский (по матери — Каммерер).
- 2222 [37] Март-ноябрь. Операция «Зеркало» — глобальные военные учения, на которых отрабатывалось отражение агрессии из космоса. Ответственный — Р.Сикорски.
- 24 декабря. Экспедиционная группа Г.Комова обнаружила в системе ЕН-9173 инкубатор с Подкидышами.
- 2223 [38] 6 октября родились 13 Подкидышей.
- 2226 [41] Родилась Майя Тойвовна Глумова.
- 2234 [49] На борту звездолета «Пилигрим» родился Пьер Семенов (Мальш).
- 2237 [52] Комитет Галактической Безопасности направил Р.Сикорского резидентом на планету Саракш.
- 2241 [56] М.Ростиславский потерпел кораблекрушение на Саракше.
- 2242 [57] М.Ростиславский уничтожил генератор «черного излучения». Подполье взяло власть в Стране Неизвестных Отцов.
- 2243 [58] Восстание в Пандее. На Саракш прибыл Г.Комов, в составе его группы — Л.Абалкин (Гурон). Первый массовый десант Островной Империи.
- 2245 [60] Операция «Ковчег». Дикая выходка М.Глумовой помешала Г.Комову установить контакт с высокоразвитой цивилизацией, воспитавшей Малыша.
- 2246 [61] Г.Комов под псевдонимом К.Оксовью опубликовал книгу «Движение о вертикали», в которой, помимо прочего, утверждается, что фукамизация может оказать неконтролируемое воздействие на генотип.
- 2248 [63] Июль-август. Л.Абалкин и голован Щекн работают на планете Надежда.
- 2250 [65] Туристы-отпускники случайно открыли гуманоидную цивилизацию на планете Саула. В экспедиции необъяснимым образом оказался человек из XX века — танкист-красноармеец.
- Эпсилон-Д-звездолеты прогулочного класса имеют радиус действия до 600 световых лет. Прыжок через нуль-пространство происходит практически мгновенно.
- 2252 [67] Родился Тойво Глумов. На Саракше начата операция «Штаб» — инфильтрация Л.Абалкина в высшие военные структуры Островной Империи.
- 2257 [72] Расформирован Комитет Галактической Безопасности.
- 2263 [78] 29 мая Л.Абалкин (Гурон) бежал с Саракша на Землю.

4 июня, пресекая попытку завладеть детонатором, Экселенц был вынужден применить оружие.

Примерно в это же время головы прекратили контакты с человечеством.

2266 [81] Началась эпидемия фукамифобии.

2267 [82] На рассмотрение Всемирного Совета вынесен проект поправки к «Закону об обязательной биоблокаде».

2269 [84] Зафиксирован «синдром пингвина», феномен наблюдался на протяжении 82-86 гг.

2270 [85] Всемирный Совет отменил обязательную биоблокаду.

2271 [86] Умер Р.Сикорски.

2276 [91] Прогрессор Т.Глумов приступил к работе в Арканаре.

2279 [94] 11 июня умер А.Бромберг

Декабрь. Т.Глумов поступил на службу в КОМКОН-2.

2282 [97] На Землю вывезен Гаг из спецподразделения «Бойцовые Коты» (планета Гиганда). Отряд Прогрессоров под командованием Корнея Яшмаа прекратил войну на Гиганде.

2284 [99] Возглавляемый М.Каммерером отдел ЧП (сектор Урал-Север) КОМКОНа-2 раскрыл существование люденов (метагомов).

2287 [102] Метагомы прекратили контакты с людьми.

Сколоченная с грехом пополам хронология событий приводила к неожиданным выводам. Чего стоило одно лишь открытие того факта, что Комов оказался на четверть века старше (!) Бромберга. Процесс формирования сюжета сразу принял клиническую форму, а точнее — форму клинча.

Завершая это затянувшееся вступление, должен сделать важную оговорку. Разумеется, «Хорек в мышеловке» никоим образом не является продолжением «Трилогии о Максиме» и остальных повестей той же серии. Скорее уж, я попытался ответить на вопросы, над которыми сами Братья даже не задумывались. Это — описание событий, которые вполне могли бы произойти в том мире, который создан Стругацкими.

ЧАСТЬ I СТРЕЛЯЙ ПЕРВЫМ.

1. Земля. 4 июня 78 года.

Запасное место для засады он оборудовал еще четвертого дня, когда стало известно о возвращении Гурона. С удобной позиции между парочкой громоздких конструкций, вывезенных в начале века с Беллерофонта, просматривалась большая часть зала, включая стенд, на котором стоял накрытый чехлом контейнер с приманкой. В то же время нежелательный визитер на всем пути от дверей до упомянутого стенда никак не мог бы углядеть затаившегося в углу охотника. Если, конечно, означенный посетитель не имел глаз на затылке.

Экселенц сидел, облокотясь на массивного идола ируканских еретиков и положив снятый с предохранителя пистолет на лоснящийся от обильной смазки корпус пандейского термоядерного фугаса. Начинку из этой мины извлекли еще в незапамятные времена Шестого Пугча, а пустая оболочка продолжала восхищать нечастых посетителей не самого популярного из музеев Планеты.

Полуживой обруч мультисенсора, мягкой хваткой накрывший глаза и уши, позволял различать даже самые слабые звуки в радиусе двух десятков метров и видеть в густом полумраке, слегка разреженном струйками света, льющимися сквозь незашторенные прозрачные стены. Старик не стал опускать портьеры: оказавшись в полной тьме, гость может включить плафоны и тогда наверняка обнаружит засаду. А при таком освещении,

каким бы скучным оно не было, он не захочет выдавать своего присутствия, понадеявшись на отлично развитое ночное зрение.

Шорох осторожных, почти бесшумных шагов проник в слух старика, едва объект охоты поднялся до середины лестницы. Потом кто-то долго кружил по соседней комнате, и складки на лице охотника невольно сложились подобием улыбки — посетитель явно не нашел того, что искал, и старик прекрасно знал, почему он этого не нашел. Какое-то мгновение даже держалась паническая мысль: вдруг, не обнаружив контейнер в глумовской мастерской, гость покинет музей...

Нет, ночной визитер не ушел, а направился напрямик в умело расставленные силки. Дверь слабо скрипнула, и плоские окуляры фотонного усилителя подтвердили: в зале появился именно Абалкин. Не издавая лишних звуков, он стремительно скользнул вдоль стеллажей, витрин, экспонатов, проекторов и остановился перед той самой тумбой, на которой покоился контейнер-саркофаг.

Разумеется, Гурон не стал включать светильники, беспечно доверившись чуткости органов, полученных от природы и приумноженных процедурами генной архитектуры... либо — дарованных щедротами других, еще более могущественных демиургов. И, как следовало ожидать, он стоял спиной к старику.

Оружие оказалось в руке Экселенца еще до того, как начала открываться дверь подсобки, и теперь, когда широченная спина предполагаемого нечеловека приковала к себе профиль прицельной бороздки, пупырчатый пластик пистолетного кожуха привычно ласкал ладонь. Сикорский был уверен — если придется применить оружие, он не промахнет. Самонаводящиеся боеприпасы калибра 6,604 мм всегда попадали в цель без промаха.

А долговязый кандидат в покойники уже почти справился с хитроумным замочком, над которым в свое время не одну неделю ломали голову лучшие специалисты Вышестоящей Организации. Что это было — вульгарное везение, извечно благоволившее дуракам и новичкам? А может быть, точное знание, десятки тысячелетий назад неведомым образом отпечатанное в хромосомах или зародышах нейронов «подкидыша»?

Опыт и уважение к здравому смыслу приучили старика не верить в возможность случайной удачи. До сих пор Гурон действовал так, словно каждым своим движением тужился подтвердить безусловно самоубийственную для него версию Экселенца, и это также не могло оказаться случайностью. Логика, выгравированная Скальпелем Оккама, настоятельно требовала: пора стрелять, потом будет поздно.

Однако дичь имела право на последний шанс, поэтому Экселенц дернул щекой, и микроскопический сенсорный датчик включил систему «чучело». В темноте, окутавшей противоположный угол зала, шевельнулась голографическая тень. Затем с того же направления раздался звук старческого голоса:

— Остановись, мальчик. Не стоит этого делать.

Не отвечая, даже не взглянув в сторону замаскированного динамика, Гурон небрежно взмахнул рукой и вернулся к прежнему занятию, а выточенные из монокристаллов углерода диски, которые он швырнул, прошли пустоту, заполнявшую голограмму. Седьмой «подкидыш» явно не был настроен шутить и твердо решил любой ценой завладеть детонаторами. Щелкнул побежденный замок, затем громко чавкнул, отделяясь от гнезда, цилиндр, размером и формой напоминавший хоккейную шайбу. Вот теперь уже точно не оставалось времени для академических рассуждений о глобальных проблемах, как то: «Стоит ли безопасность человечества слезинки существа, которое, скорее всего, человеком не является?»

Экселенц спустил курок.

Отрывистый треск выстрела. Светлячок трассера прочертил след в полумраке. Словно в замедленном фильме, Экселенц наблюдал, как пробитая пулей рука Гурона дернулась, выпустив детонатор, и тот отлетел к центру комнаты, подпрыгивая на тетриловых плитках мозаичного пола. Однако болевой шок, которым славились поражающие элементы «Герцога», не остановил ночного посетителя.

«Подкидыш» начал поворачиваться, здоровой рукой вытаскивая из кармана очередной комплект смертоносных дисков с неудержимо острыми алмазными ободками. От мультисенсора не укрылся молниеносный — голова Гурона не шевельнулась, только метнулись туда-обратно зрачки — взгляд, проводивший упавший на пол детонатор. Абалкин явно посчитал, что успеет вернуться к этой бляшке позже, когда нейтрализует охотника. Он не успел — Экселенц выстрелил еще дважды.

Такого потрясения не мог выдержать даже самый нечеловеческий организм, включая андроидов глубоководной серии, равно как Номо Super из пробирок гениального безумца Ионафана Перейры или зомбированных псевдодемонов Морганы, в разное время испытавших на себе действие боеприпасов этого класса. Не завершив поворот, Гурон стал как бы ниже ростом, сделал на подгибавшихся ногах пару неуверенных шагов по направлению к старику и медленно повалился на пол, зажав ладонью страшную сдвоенную рану возле правого плеча. Движение было чисто рефлекторным и указывало, что сознание Абалкина отключилось — в противном случае он занялся бы не этими крохотными дырочками, а огромными выходными отверстиями, зиявшими в спине.

Включив верхний свет, Экселенц покинул свое укрытие и осторожно двинулся к лежащему прогрессору, который даже в обморочном состоянии продолжал скрести пальцами по тетрилону, словно не оставил намерения ухватить детонатор. Держа пистолет наготове, охотник остановился в пяти шагах от самой опасной в его жизни дичи, когда громко распахнулись дверные створки, и в зал ворвались запыхавшиеся Мак и Водолей. Оба выглядели умеренно помятыми, как будто кто-то очень сильный и умелый отрабатывал на них приемы субакса. Экселенц даже догадывался, кто именно так круто обошелся с бравыми сотрудниками чрезвычайного розыска.

— Наконец-то явились, — проскрипел шеф, только сейчас почувствовав, как пересох его язык. — Вас только за смертью посылать.

— По-моему, это здесь смерть гуляла, — Мак глянул на распластанного в кровавой луже Гурона и вдруг удивленно воскликнул: — Шеф, а он, кажется, еще живой...

Презрительно фыркнув, старик подошел к установленному рядом с входом автомату, залпом выпил один за другим несколько стаканчиков газированного сока, после чего сварливо буркнул в ответ:

— Разумеется, живой. Даже недоучки вроде тебя должны знать, что летальный исход наступает лишь при поражении мозга, а я ему стрелял отнюдь не в лоб... Гриша, окажи первую помощь.

Гриша Серосовин, он же Водолей, бросился к распростертому существу, ловко стянул с Гурона тунику, затем выдавил на пулевые кратеры щедрую порцию коллоидного заживителя из походной аптечки. Кровотечение сразу прекратилось. Застонав, Абалкин пошевелился, веки его дрогнули, и вдруг раненый пробормотал:

— Стояли звери около двери. Они кричали — их не пускали.

— Что он бухтит? — насторожился Экселенц.

Старик ждал новых проявлений загадочной программы, заложенной Странниками в гены кроманьонских гамет. Невразумительный бред мог содержать важную информацию. Комментарий Мака несколько разочаровал ветерана борьбы за галактическую безопасность.

— Он придумал этот стишок еще в школе, если не раньше, — пояснил Максим. — Похоже на детскую считалку. Все, кто знал Абалкина в те годы, рассказывают, что он был буквально помешан на флоре и особенно фауне. Я же отмечал этот момент в отчете.

— Помню, — Экселенц кивнул, временно забыв о стишке. — Гриша, этот тип опасен. Как только залечим ему раны — снова бросится в бой.

— Я надену наручники...

— Желательно — на него, — к старику возвращалось чувство юмора.

Водолей уже входил в ментальный контакт: сидел рядом с Гуроном, скрестив ноги в позе древнего заклинателя змей. При этом он мягко касался краев ран подушечками пальцев. Теперь травмы выглядели не так ужасно. Чтобы не отвлекать Серосовина от сеанса полевой

терапии, Мак сам нацепил титановые кольца на запястья Абалкина. Затем перевернул раненого на спину — так Грише было бы сподручнее заживлять входные отверстия. Краем уха он расслышал, как Экселенц, приблизив к губам микрофон радиобраслета, вызывает оперативную группу из его, Максима Каммерера, отдела ЧР. И тут начались эксцессы.

Резким движением — откуда только силы взялись! — Абалкин оттолкнул Гришу и всем телом, по-змеиному извиваясь, метнулся вперед, пытаясь дотянуться до детонатора скованными руками. Опыт и предусмотрительность снова взяли верх над грубой силой — Экселенц и на этот раз опередил противника. Коротким толчком мокасина он отфутболил двухдюймовый диск к стене, а Максим прыжком настиг излишне прыткую дичь и отправил в глубокий аут, приложив по затылку классическим приемом субакса, известным среди профи под названием «черная дыра».

— Будет знать, как «поворачивать вниз» без предупреждения, — мстительно прошептал Мак, потирая отвыкшее от подобных перегрузок ребро правой ладони.

В тот же миг по ушам хлестнул пронзительный, на грани перехода в диапазон ультразвука, женский вскрик. Майя Глумова — смертельно бледная, с чудовищно расширившимися зрачками, побелевшими губами и неестественно выпрямленной спиной — медленно шла, пошатываясь, со стороны своей мастерской. Опустившись на колени около обездвиженного Абалкина, она затараторила перемешанные со всхлипами невразумительные причитания:

— Левушка, что с тобой случилось, кто с тобой это сделал, говорила я тебе, уезжай обратно, хоть куда-нибудь, пока не поздно, зачем ты полез в эту историю, знал же, что плохо кончится, все равно не послушался, всегда такой был дикий, никого не признавал, все сам да сам, вот и помяла тебя проклятая машина Странников, как в тот раз медведь, а ведь и тогда я предупреждала, так нет, ты ж у нас лучше других все понимаешь...

Она горько разрыдалась, уронив голову на плечо лежащего, а тот вдруг перевернулся на бок и, не разомкнув плотно зажмуренные веки, снова забубнил:

— Стояли звери около двери... около двери... — он глотнул, застонал, на мгновение приоткрыл глаза и закончил совсем слабым голосом, еле слышно: — В них стреляли, они умирали.

— Стреляли?!

Похоже, только сейчас Глумова смекнула, что травмы Абалкина имеют вполне земное происхождение, а техника древних пришельцев здесь абсолютно ни при чем. Бешеный взгляд — огромные глаза стали совсем черными, лишь узенькое серое колечко окружало зрачок — просканировал обстановку и сфокусировался на пистолете, который Экселенц убирал в подмышечную кобуру. Новый приступ истерики сопровождался истошными воплями: «Убийцы! Как я вас всех ненавижу!» Она отталкивала их, не слушая уговоров, что Абалкин нуждается в помощи, и только орала: «Ему ничего от вас не нужно, вы уже сделали все, что могли!»

Трое мужчин в легком оторопении беспомощно наблюдали, как она беснуется, и не представляли, что можно предпринять. А потом откуда-то появились двое незнакомцев атлетического сложения в серо-стальных одеждах, сумевшие навести порядок быстро и сноровисто — даже приснопамятный ротмистр Чачу позавидовал бы.

Тот, который выглядел постарше, мертвой хваткой взял Глумову за ворот блузы, приподнял рывком и, удерживая левой рукой в подвешенном состоянии, правой ладонью лениво и несильно отвесил пару звонких оплеух. Затем, убедившись, что истерика благополучно завершилась, он бросил полузадохнувшуюся Майю в объятия своего спутника, и тот, придерживая женщину за плечи, отвел к дальнему стеллажу, где усадил на какой-то экспонат, доставленный в музей то ли с Саулы, то ли с Дануты.

Максим принял к сведению профессионализм неизвестных союзников (так решительно и рационально могли работать только специалисты из какого-нибудь смежного ведомства) и попытался сообразить, какая именно организация прислала подкрепление. А Экселенц проворчал беззлобно:

— Поздравляю. К нам приехал ревизор.

Старший незнакомец весело сказал:

— Привет, коллеги.

— Будем работать вместе? — спросил Экселенц. — Я имею в виду — по данному делу.

— Мы уже пятый день работаем вместе, — сообщил старший «ревизор». — И как раз по данному делу.

А Мак, не отрываясь, смотрел на второго гостя, который рассеянно поглаживал по плечу плачущую Глумову. Наконец-то шеф отдела чрезвычайного розыска узнал этого гуманоида, и все окончательно запуталось, потому что существовал старый, но никем не отменявшийся пункт Закона о Kontakтах, ограничивавший перемещение на обитаемые миры носителей иного разума. Было категорически запрещено впускать на планеты земной цивилизации представителей разумных видов, не вступивших в официальные дипломатические отношения с человечеством.

Боевик-подпольщик Тахи Орк просто не имел права находиться на Земле, а тем более присутствовать при проведении операций высшей степени засекреченности. Массаракш! Он вообще не мог нигде находиться и присутствовать, потому что погиб на родной планете Саракш почти двадцать лет назад!

2. Саракш. 21 декабря 57 года.

На рассвете в столицу вступила механизированная колонна — без малого четыре сотни освободившихся каторжников на проржавевших доисторических танках и броневиках. Мегаполис ошеломил их разгулом кладбищенского веселья: три миллиона полутрупов и несколько тысяч обезумевших резистов. На въезде в город отряд Инженера встречала половина Ревкома во главе с Копытом Смерти, который привел свою партизанскую бригаду двумя днями раньше.

Мак и Зеф стояли за спиной Вепря и наблюдали, как обнимаются старые бойцы, так и не сумевшие до конца поверить в свою победу. И к тому же не подозревавшие, что победа достанется столь жуткой ценой.

— Здесь то же самое... — угрюмо констатировал Инженер. — По всей трассе мы имели удовольствие лицезреть аналогичные пейзажи. Что с ними?

— Мак первым обнаружил эту болезнь и назвал лучевым голоданием, — сказал Вепрь. — За четверть века люди привыкли к излучению, и теперь их организмы отказываются работать без волновой подпитки.

— Есть какое-нибудь лекарство?

— Есть, но запас невелик. И врачей тоже не хватает.

— Крысы снова стали исключением, — добавил Инженер. — Их число не уменьшилось...

Омерзительные грызуны действительно превращались в проблему, соизмеримую с угрозой, исходившей от Островной Империи. Как установили цитологи земной базы, вариопластичные белковые рецепторы крысиных клеток легко перенесли исчезновение «белого» излучения (оно же — А-поле), и теперь бесчисленные стаи серых тварей хозяйничали в городах, обгрызая бесчувственные тела людей саракшианцев.

— Потом все обсудите, — вмешался в их беседу Копыто Смерти. — Разместим вас, накормим, в бане помоемся, а там и разговоры начнутся.

...Повстанцы и подпольщики, внезапно ставшие властью, обосновались в бывшем Императорском Дворце, где еще недавно жили Неизвестные Отцы. Самих Отцов больше не было: Папу, Дядю, Тестя и Кузена ликвидировала боевая группа Вепря — как только свалились от лучевой голодухи охранявшие Дворец легионеры. Потом общее командование приняли на себя освобожденные из Равелина вожди старого поколения — Генерал, Секретарь и Кузнец. Казни без суда и следствия прекратились, поэтому Брат, Свекор, Шурин, Умник и еще несколько министров понижее рангом отправились вместо виселицы в

камеры и ждали, пока у новых правителей дойдут руки сформировать трибунал. А Дворец был переименован в Дом Свободы...

Колонна остановилась возле гвардейских казарм, в которых сейчас были расквартированы части повстанцев. Бронетехнику загнали в боксы машинного парка, где и без того хватало такого добра, к тому же — новейших моделей. Когда личный состав отправился в баню, Инженер возбужденно заявил:

— Феску, я в шоке. На всех улицах завалы — люди, собаки, автомобили. Ты видел? Канализация засорилась, а дождь не прекращается, и скоро весь город будет залит нечистотами... О мусоре я даже не вспоминаю!

Тик Феску, он же Вепрь, тихо вздохнув, ответил:

— Думаешь, мы не ужасаемся? Только ничего поделать не можем. У нас всего-то полторы тысячи штыков — еле хватает, чтобы поддерживать видимость порядка. Успели кое-как отмотилизовать наших, расчищаем улицы в центре, растаскиваем больных по квартирам, чтобы крысы их до скелета не объели.

Мак вмешался в их разговор, деликатно напомнив, что должен заглянуть в Институт.

— Ступай, — разрешил Вепрь. — К трем часам вернешься во Дворец и доложишь Ревкому, чем способна помочь наука.

Учреждение, возглавляемое Странником, носило вполне безобидное название — Институт низковольтных электротехнологий, но именно здесь, в ИНЭТ, велись все работы в области волновой психотехники. Кроме того, с некоторых пор Институт превратился в опорный пункт Комитета Галактической Безопасности, и сегодня резидент собрал на совещание руководителей основных оперативных позиций.

Резидентом был сам Странник, известный на Саракше под именем Леб Шомери, он же Павел Григорьевич Сикорский, переброшенный на эту идиотскую планету с должности начальника управления "К". Кроме него в кабинете сидели не менее колоритные фигуры: Карл-Густав Штирмер (Кохинор) — старший советник государственной контрразведки, Ричард Александер (Снайпер) — третий координатор столичного штаба подполья, а также Никандр Брегвазов (Черный) — референт вице-директора Департамента снабжения и заготовок. Пятым землянином был Максим Саввич Ростиславский, в недавнем прошлом — лоботряс из Группы свободного поиска, постоянно проживавший на планете Ружена, а ныне — член Ревкома по имени Мак Сим (подпольная кличка — Мак, что означало в переводе с местной фени — Стиллет).

Все оперативники, включая Максима, владели ситуацией, поэтому Странник не требовал полного отчета, а лишь продемонстрировал на многооконном голографическом мониторе сводные графики. Обстановка в крупнейшем государстве континента не просто напоминала катастрофическую — это была самая настоящая катастрофа.

После внезапного исчезновения поля психокоррекции сто тридцать миллионов саракшианских гуманоидов оказались поражены различными формами лучевого голодания. На ногах держались около миллиона резистов (прежде их называли «выродками») и примерно столько же или чуть больше обычных саракшиацев, на которых отключение излучателей подействовало не слишком болезненно. В настоящее время Земля не имела даже технической возможности перебросить на Саракш необходимое количество медикаментов, врачей и продовольствия. К тому же подобная операция означала бы открытое вмешательство, для которого требовалось специальное постановление Всемирного Совета.

Более или менее благополучная обстановка сохранялась лишь в прифронтовой полосе, где мобильные генераторы военной жандармерии поддерживали А-поле слабой напряженности. Поэтому армейские корпуса пока удерживали оборонительный рубеж на хонтийской территории. Впрочем, командующие обоих направлений регулярно напоминали столичным инстанциям, что власть может меняться хоть ежедневно, но армия все равно нуждается в подвозе провианта, боекомплекта и прочих припасов.

Данные видеонаблюдения с орбиты указали на другую опасность — в последние дни резко активизировался флот Островной Империи. К берегам континента двигались

небольшие группы многоцелевых подводных крейсеров, а в акваториях Архипелага концентрировалась колоссальная группировка, включавшая полторы сотни субмарин, дюжину авиаматок и бесчисленные армады грузовых кораблей. Все варианты компьютерного моделирования стратегической ситуации неотвратимо приводили к выводу, что «островитяне» готовятся высадить десант численностью до восьми полнокровных дивизий морской пехоты со всем тяжелым вооружением.

Остальные проблемы, вроде хромающей экономики, нехватки продовольствия и загрязненной природы, относились к числу хронических и на фоне главных бедствий представлялись не слишком важными.

— Как намерены новые власти выпутываться из этой ситуации? — хмурясь, осведомился Странник, когда завершилась демонстрация.

Мак открыл было рот, чтобы ответить, но вовремя сообразил: вопрос адресован не ему, а более ответственному и опытному работнику резидентуры. Снайпер деловито доложил:

— Ревком, в основном, уладил организационные моменты и собрал информацию по губернским ячейкам трех партий, образовавших девять лет назад подпольный Фронт Сопротивления. Насколько мне известно, Секретарь и Генерал всю ночь совещались с ведущими функционерами и полевыми командирами, чьи воинские части реально контролируют положение в стране. Сведений о принятых решениях в штаб не поступало. Как вам должно быть известно, мы пока не оборудовали апартаменты лидеров аудио-видео-устройствами проникновения, но уже завтра-послезавтра эта недоработка будет исправлена, и База сможет непосредственно наблюдать интересующие нас события. Пока же выскажу собственное мнение: Секретарь и впредь намерен опираться на своих партайгеноссе, то есть на старых конспираторов-прагматиков с имперским стажем. Я имею в виду Вепря, Матроса...

— Не повторяй общедоступных истин, — буркнул резидент. — Мак, что нового у тебя?

— У меня сложилось такое впечатление... — Максим замылся. — Вепрь и другие искренне хотят спасти всех, но не знают, как взяться за дело, чтобы не навредить еще больше. Вепрь просил выяснить возможности научного департамента.

— Ты в курсе наших возможностей. — Странник обвел коллег немигающим взглядом. — Кто-нибудь знает, для чего Копыто Смерти приказал своим боевикам вывезти из Равелина генерала Шекагу?

Известие оказалось для всех полным сюрпризом. Снайпер промямлил: дескать через штаб Ревкома такой приказ не проходил.

Кажется, сразу после этого они обсуждали какие-то второстепенные вопросы. Затем Странника вызвала на связь Земля. Терминатор сообщил, что конфиденциально прозондировал обстановку во Всемирном Совете и встретил неутешительную реакцию. Даже самые лояльные депутаты ударились в панику, узнав о несанкционированных действиях управления "К" на планете, существование которой было тайной даже для КОМКОНа. Таким образом, в ближайшее время сотрудникам галактической безопасности не стоит рассчитывать на поддержку остальных землян.

После совещания Максим отправился в Дом Свободы. Когда он, миновав все посты охраны, вошел в Восьмиугольный Зал, за столом сидел только Вепрь, позавчера назначенный министром безопасности. По-одному подтягивались остальные. Последними появились усталые и озабоченные Секретарь с Матросом.

Секретарь занял председательское место во главе стола и, убедившись, что Ревком в сборе, тихо заговорил рублеными фразами:

— У нас больше нет времени на долгие прения. Никто не ожидал такого цугцванга. Уничтожение Центра оказалось палкой о двух, как минимум, концах. С одной стороны, мы избавились от преступного режима, и это — благо. С другой стороны, большая часть соотечественников брошена на порог ужасной смерти. Если не удастся их спасти, мы станем величайшими преступниками в истории нации. Грош цена тогда нашей революции. Я жду ваших соображений.

Министр социальной защиты Лан Пешке (партийный псевдоним — Матрос) доложил: в столице всего тридцать врачей-резистов, которые работают круглосуточно. Удалось поставить на ноги несколько тысяч горожан, пораженных лучевым голоданием, однако запасы поливитаминов близятся к концу. Уже известны случаи летального исхода. Если не будет найдено радикальное решение, через пару дней в стране появится сто с лишним миллионов трупов, после чего многие резисты также вымрут от неизбежных эпидемий.

Вепрь выразительно посмотрел на Максима, и землянин торопливо доложил:

— В департаменте науки есть небольшой запас сыворотки. Примерно на восемь тысяч инъекций.

— Значит, будет кому трупы убирать, — проворчал Копыто Смерти.

— В первую очередь следует спасать детей! — взорвался Матрос.

— Дети без родителей обречены, — запальчиво возразила Кошка, министр просвещения. — Надо лечить целыми семьями.

— А кто будет отбирать семьи, которые заслуживают возвращения к жизни? Районные комиссии?

Максиму показалось, что Кузнец, произнося эти слова, укоризненно посмотрел на него: вот, мол, подорвал Центр, не подумавши о последствиях, а теперь по твоей дурости люди погибают. Министру промышленности ответил Инженер:

— Не горячись. Лечить будем всех. Или никого. Секретарь говорил, что есть такой план.

— План есть, — подтвердил премьер. — Нет единогласной поддержки.

— Если не найдем другого выхода, я сниму свои возражения, — мрачно сообщил Копыто Смерти. — Только пусть горец объяснит нам, что ждет этих бедняг. Неужели все помрут?

— Не все, — сказал Максим. — Примерно каждый десятый оклемается сам. Остальные — да, умрут. Не от болезни, так от голода.

— Стало быть, останется у нас миллионов пятнадцать, от силы двадцать, живых сограждан, — задумчиво резюмировал Секретарь. — С продовольствием на ближайший год проблем не возникнет, но лично мне такой сценарий не нравится... Значит, сделаем, как решили.

И он четко изложил требования Ревкома к департаменту науки: в кратчайшие сроки вновь накрыть страну сплошным А-полем, чтобы организмы не-резистов получили необходимую для метаболизма дозу излучения. Идеология — это прекрасно, однако жизнь людей несравненно дороже, а потому придется на некоторое время смириться с психокоррекцией. Кошка неуверенно предложила: дескать, попробуем заодно внушить пробужденным добрые чувства к резистам. Вепрь веско добавил: и полный спектр лояльности к новому правительству.

— А как насчет «черного» излучения? — спросил кто-то.

Ответа не последовало. Максим вспомнил недавнее свое твердое намерение расшибиться в блин, но не допустить повторного включения генераторных станций. Теперь он чувствовал себя полным идиотом: любое возражение со ссылкой на аморальность психокоррекции означало смертный приговор для ста миллионов аборигенов... Он вздохнул и набрал номер на телефонном диске.

— Они что, sdурели!? — зарычал Странник.

Впрочем, резидент долго возражать не стал и пообещал перезвонить через полчаса. А в восьмизвоннике зала заседаний появился очень свирепый на вид генерал Тоб Шекагу, успевший сменить клетчатый тюремный балахон на повседневный мундир с серебряными крестами на погонах и воротнике. К этому вояке отношение у революционеров было двояким: хоть и славился он, как махровый милитарист, но в то же время попадал в разряд жертв прежнего режима. Как известно, генерал был арестован накануне взрыва телецентра по личному приказу Папы — Неизвестные Отцы явно собирались сделать его козлом отпущения, на которого предстояло повесить ответственность за разгром ударной

группировки.

Секретарь представил Шекагу как нового начальника Генштаба. Короткий обзор стратегической обстановки, зачитанный генералом, поверг членов Ревкома в шоковое состояние. Шекагу вовсе не считал войну проигранной. По его словам, мобильный корпус, который прорвался в глубину Хонти и был там окружен, прочно удерживал позиции на Занхайской возвышенности, приковав к себе превосходящие силы противника. Шекагу объявил, что пора прекратить болтовню насчет операций по деблокированию. Напротив, следовало послать транспортные самолеты, чтобы с воздуха сбросить окруженным соединениям запас аккумуляторных батарей для генераторов А-поля. Затем верховный стратег намеревался сосредоточить на южном фланге фронта дополнительные соединения, чтобы окончательно решить хроническую хонтийскую проблему в кратчайшие сроки, то есть до высадки морской пехоты «островитян».

Потом был звонок от Странника: резидент велел передать Ревкому, что в институте начали монтаж усилителя, который позволит ретранслировать слабые модулированные сигналы на частотах «белого» излучения.

— Они — не такие уж дураки, — буркнул на прощание Павел Григорьевич. — Нашли-таки решение, близкое к идеальному.

Пока землянин разговаривал с шефом, на заседание просочился Крыло Ужаса — совсем молоденький (наверное, он был ровесником Максима) поручик в мундире летчика. Оказывается, многие из членов Ревкома знали его по прежним временам, когда юный офицер возглавлял подпольную ячейку в штабе авиации столичного военного округа.

Четко отсалютовав, Крыло Ужаса доложил, что четверть часа назад возвратился из рейда над океаном. Во время полета звено реактивных штурмовиков-гидропланов под его командованием обнаружило, атаковало и серьезно повредило белую субмарину. Вражеский корабль выбросился на отмель, откуда теперь без посторонней помощи не слезет даже во время прилива...

К вечеру снова заработали излучатели, разбросанные по всей стране под видом комплекса ПБЗ — противобаллистической защиты. Спустя несколько часов большинство жителей государства пришли в чувство и внимали трансляциям резервной телестудии, внушавшей населению почтение к программе новых властей. Главный упор агитаторы делали на мысль о неразумности той неприязни к честным согражданам, которых лживая пропаганда преступного прежнего режима подло называла «выродками».

В ту же ночь Максим во главе ударного отряда, составленного из боевиков-повстанцев и совершенно обескураженных легионеров, захватил поврежденную подводную лодку. Документы, обнаруженные в сейфе, а также показания уцелевших после боя имперских офицеров дали стратегам местного Генштаба и земной Базы достаточно полное представление о разработанных Островной Империей планах вторжения на континент.

Прошли годы. Странник, резидент Галбезопасности на Саракше, превратился в Экселенца, президента Комиссии по Контролю (КОМКОН-2). Максим тоже вернулся на Планету и теперь возглавлял отдел Чрезвычайного Розыска при центральном аппарате того же компетентного ведомства.

А с Крылом Ужаса, который сделал стремительную карьеру и вскоре был уже бригадиром, Маку пришлось немало поработать в бурные годы своего пребывания на Саракше. Крыло Ужаса топил авиаматки, войсковые транспорты и подводные лодки, он превращал в труху жандармские колонны, стремившиеся напоить кровью мятежную столицу. Дважды он поражал воображение верховного командования, когда прорывался, презрев нечеловеческую боль, сквозь барьеры депрессионного поля. Короче говоря, Крыло Ужаса был ярким героем первых дней революции, а потому — таковы уж законы социума — имел прекрасные шансы бесследно исчезнуть на последующих этапах, когда на смену романтике разрушения старого общества приходит прагматичная скука созидания новой жизни.

Заделавшись на Саракше махровым циником, Максим даже высказался как-то в узком

кругу: мол, Крылу Ужаса крупно повезло, что не вернулся из самоубийственного рейда на столицу Островной Империи, а не то загремел бы на полную катушку чуток попозже, когда разгорелась свара между Секретарем и Кузнецом. Кстати сказать, после того конфликта президентом стал Вепрь, премьером — Матрос, военным министром — фельдмаршал Шекагу, а Хонти и Пандея незаметно для самих себя снова превратились в провинции бывшей своей метрополии.

Настоящее имя Крыла Ужаса было Тахи Орк. На одной из новых площадей имперской столицы стоял его бюст — в ознаменование подвига пилота, стратегический ракетоплан которого нанес решающий удар во время большой войны против Архипелага. И вот теперь, двадцать лет (прямо как у папаши-Дюма) спустя, вопреки всем законам Земли и природы, героически погибший бригадир загадочно ухмылялся в выставочном зале музея внеземных культур.

3. Земля. 5 июня 78 года.

Прибыли подчиненные Каммерера, и в зале сразу стало многолюдно. Оперативники из отдела ЧР с любопытством поглядывали на незнакомцев в серых костюмах спортивного покроя. Именно такую нескывывающую движений одежду носили сотрудники некоторых ведомств, когда предвиделись бурные активные мероприятия. Скорчив непонятную мину, Экселенц сообщил:

— Сподобились, мальчики. В игру вступила Вышестоящая Организация... Знакомьтесь, это наши коллеги из... — он странно оскалился. — Из института теоретических проблем социальной прогностики. Перед вами Тирекс, он же директор ИТПСП Андрей Дювивье. Можете любить и жаловать, хотя сам он этого добиться не способен. Ни от кого.

Старший из теоретиков прогностики приветливо кивнул и весело сказал:

— Я тоже рад тебя видеть. — Пожав руки комконовцам, Дювивье продолжил, хлопнув по плечу Тахи Орка: — Наш старший инспектор, то есть научный сотрудник Вальтер Лайнус.

— Проще говоря, Тахорг, — сказал Тахи Орк. — Кажется, коллега Мак меня не узнает. Помните, мы вместе работали в резидентуре на Саракше?

— Помню, — буркнул Каммерер. — И, признаться, удивлен, что в штате земного института состоит ксеногуманоид.

Старики переглянулись и вдруг захохотали так громко, что Сандро с Гришей даже прервали сеанс врачевания, недоуменно разглядывая веселящееся начальство. Кое-как подавив приступ смеха, Тирекс проговорил:

— Успокойся, парень, инопланетяне в моем хозяйстве не могут работать по определению.

Тут Максим наконец сообразил, в чем дело, и сконфуженно пробормотал:

— Сколько же землян побывало тогда на Саракше...

— Много, — сказал Экселенц. — Намного больше, чем ты можешь предположить. Мы пропустили через Саракш и Гиганду почти весь личный состав Комитета. Но больше всего наших работало, конечно, на Саракше.

— Да, Саракш сильно изменил всех нас. — В голосе Тирекса лязгнула ностальгия. — И ставший привычным возглас «массаракш!» — это просто мелочь. Мы переняли у Неизвестных Отцов принцип анонимности руководства, и отточенную систему служебных псевдонимов.

— И еще Саракш заразил нас «черной» поэзией, — добавил Экселенц. — Ну, молодежь, что сказал бы Верблибен по поводу такого вот безобразия?

Он обвел руками музейный зал. Клавдий с готовностью продекламировал:

Подвластны лишь любви и смерти

Все возрасты и думы все на свете.

— Да, насчет смерти вы очень уместно напомнили, — Тирекс покосился в сторону

Глумовой и покачал головой. — И насчет любви тоже... Ладно, Павлик, расскажи нам, что тут произошло.

Экселенц скучным голосом предложил просмотреть видеозапись, которую вели расставленные в зале скрытые камеры, а затем приступить к форсированному допросу Гурона. Его прервал возмущенный вопль Глумовой:

— Объяснит мне кто-нибудь, что случилось слевой?

Она словно очнулась после ступора и двинулась на оперативников, потрясая кулачками. Теперь, когда жизни Абалкина вроде бы ничего не угрожало, ситуация на глазах теряла недавнюю остроту и все сильнее напоминала дешевый фарс. Каммерер невольно заулыбался, наблюдая комичную воинственность этой хрупкой дамы.

Впрочем, оставались непонятными пикантные обстоятельства, которые немного смущали Максима. Шеф отдела ЧР не мог уразуметь, что здесь делают сотрудники Института прогностики и почему Экселенц словно побаивается их. Во всяком случае, глава КОМКОНа-2 явно уступил лидерство Тирексу. И уж совсем неясно было, с какой радости старый дьявол назвал прогностическое ведомство «вышестоящей организацией»...

— Не волнуйся, девочка, здесь не произошло ничего страшного, — примирительно сказал Тирекс, мягко отстраняя Глумову. — Ваш приятель не захотел послушать доброго совета, а потому пришлось его остановить.

— Но в Леву стреляли! — она поделилась этим тонким наблюдением, сделав очень большие глаза.

— Мы заметили, — Тирекс пожал плечами. — Дело житейское, в меня тоже не раз стреляли... Смерть бродит по пятам за каждым, как говаривал тот же Верблибен.

Его нарочито рассудительный тон произвел неожиданную реакцию. Угадав плохо скрытую издевку, Глумова рассвирепела.

— Вы все — преступники! — яростно закричала она. — Что он вам сделал, почему вы так его ненавидите?! Вам мало, что сломали человеку жизнь, вы не успокоитесь, пока до смерти не убьете!

Экселенц, которого события последних дней неуклонно превращали в комок оголенных нервов, тоже не выдержал и взорвался, как давеча, когда выяснял отношения со старым психопатом Бромбергом. Старик буквально зашипел — совсем как потревоженная в разгар течки самка пандорского ракапаука:

— Никто не собирался убивать вашего дружка! Остался бы он целехонек, если бы не применил оружие первым... — Сикорский умолк, затем, махнув рукой, скомандовал: — Гриша, Клавдий, несите раненого в машину и — к нам, в Комиссию.

— Не к вам, а к нам, — неожиданно вмешался Тирекс. — У тебя скоро начнется паломничество. Все, кому не лень, полезут с добрыми намерениями.

Задумчиво потирая лысину, Экселенц согласился:

— Да, пожалуй, лучше к тебе...

— Никуда вы его не повезете! — снова закипела Глумова. — Я не позволю банде бездушных садистов забрать...

Кажется, Майя собиралась излить на них всю бездну своего гнева, однако Тирекс, свирепо прищурившись, оборвал ее вопли:

— А я припоминаю, как лет восемнадцать назад на планете Ковчег одна сопливая неврастеничка, желая привлечь к собственной персоне внимание начальника экспедиции, включила сигнальный прожектор. Экзальтированная девица даже не задумалась, что, улаживая свою личную жизнь, она едва не уничтожила древнейшую цивилизацию Галактики. Это я к вопросу о том, кто здесь преступник... — он кивнул Тахоргу и негромко приказал: — Исполняйте.

Тахорг нажал нужные сенсоры на пульте дистанционного управления, и носилки, на которых лежал спеленутый эластичными лентами Гурон, зависли в метре над полом. Молодые оперативники, взявшись за угловые петли, потащили летающее ложе к выходу. Уже возле самых дверей Тахорг небрежно бросил через плечо:

— Между прочим, Майя Тойвовна, мы так и не смогли установить, кто же доводится отцом вашему сыну...

Женщина вздрогнула, опустила голову, бросив изподлобья взгляд, в котором светились обида и растерянность. Ничего не ответив, она медленно опустилась на заднее сиденье парового автомобиля псевдогоминидов Тагоры и демонстративно отвернула голову от обидчиков.

Удовлетворенно подняв брови, Тирекс попросил Каммерера, на правах старого знакомого, увезти женщину домой. «И постарайтесь поговорить с ней по душам», — шепнул он доверительно. Тут в экспозиционный зал ворвался упитанный дяденька, зычно потребовавший объяснить, что здесь происходит. Несмотря на растрепанный вид — дяденьку явно подняли из койки, и он одевался второпях — Максим узнал директора музея внеземных культур Гранта Хочикуяна.

— Происходит восстановление административного порядка, — вежливо сообщил Экселенц. — В вашем хозяйстве черт-те что творилось.

Директор взмахнул руками, покачал головой и не без вызова осведомился:

— Ну и как, восстановили?

— Почти, — кивнул Экселенц.

— Тогда попрошу немедленно покинуть помещение. Доступ посетителей в музей будет открыт завтра же. И можете не сомневаться — я обязательно проинформирую власти Города и Планеты об учиненных вами непотребствах... Майя Тойвовна, прошу в мой кабинет. Расскажите, что натворили здесь эти невежды.

Хочикуян презрительно мотнул головой, указывая посторонним на выход, и при этом зацепился взглядом за контейнер с детонаторами. Директор был так возмущен, что сначала утратил дар речи, однако указанный дар быстро вернулся к владельцу, и почтенный Грант Арамисович поднял жуткий хай. Кажется, его интересовало, каким образом в зале традиционных технологий очутился бесценный экспонат 15/156А, коему положено находиться в спецсекторе предметов неустановленного назначения.

Похоже, музейный бонза осточертел не только Максиму, но и старшим товарищам. Зловеще улыбаясь, Тирекс произнес:

— Уважаемый коллега прав лишь отчасти. Упомянутый экспонат вообще не должен находиться в этом музее, а потому будет изъят на предмет эвакуации.

Директора МВК чуть не хватил родимчик, и он принялся перечислять грозные законодательные акты, согласно которым ни один экспонат не может быть изъят из какого-либо музея. Не дослушав эту лекцию, Экселенц изобразил скучающую гримасу и проговорил, стараясь не быть слишком невежливым:

— К вашему сведению, данное устройство не может быть признано музейным экспонатом. Вы забыли пункт Дэ-девять. Предметы внеземного происхождения, представляющие угрозу для жизни и здоровья людей, не подлежат хранению на населенных планетах. Мы не раз предупреждали, что объект потенциально опасен, но вы не желали слушать. Теперь же данной мне властью объявляю этот предмет особо опасным. Контейнер будет немедленно отправлен в Глубокий Космос.

Заметно освобожденный от куража Грант Арамисович робко попытался завязать дискуссию, однако Тирекс заткнул его, проговорив мягким вкрадчивым голосом:

— А если кто-нибудь вздумает препятствовать мерам по обеспечению безопасности граждан, то я вывернусь наизнанку, но проведу через все инстанции полный букет взысканий. Включая общественное порицание первой степени и вердикт о профессиональной несостоятельности.

Никогда еще Максиму не приходилось видеть на Земле, чтобы человек сломался так быстро. Где-нибудь на Саракше подобное происходило на каждом шагу, но для благоустроенных миров — случай форсмажорный. Хочикуян покорно побрел к выходу и только у самого порога буркнул, не оборачиваясь:

— Делайте, что хотите.

Не обращая на него внимания, Тирекс приказал Тахоргу забрать детонаторы, а потом вдруг сказал с недоумением в голосе:

— Между прочим, Павлик, этот малахольный был прав. Я тоже не понимаю, почему контейнер оказался в другом зале?

— Меня интересовало, найдет ли Гурон нужные ему предметы, если те будут спрятаны в неподобающем месте.

— И ведь нашел, — задумчиво проговорил Тирекс. — Значит, все-таки есть у «подкидышей» чутье на эти шайбы...

И тогда Глумова в очередной раз закатила истерику, остервенело размахивая рукой, сжимавшей детонатор. Перед глазами Максима промелькнула отчетливая, словно кадры студийной голограммы, картинка: Абалкин в броске пытается схватить покрытый ворсом диск, а Сикорский ударом ноги отшвыривает детонатор в сторону того самого пароката, возле которого сейчас стояла Майя. В последовавшей суматохе все как-то забыли о детонаторе, а Глумова, как на грех, подобрала...

— Снова эти идиотские артефакты! — с отчаянным ожесточением выкрикивала она. — Все из-за них случилось! А вы устроили ловушку — и радуетесь?! Вот вам, вот вам!

Вряд ли она понимала, что делает, когда с размаху шмякнула детонатор об пол и принялась топтать крохотный диск. Спустя секунду оперативники оттащили обезумевшую женщину, однако было слишком поздно. Проклиная Глумову и суля ей широчайший спектр экзекуций, Тирекс бережно убрал обломки детонатора в стандартный футляр для вещественных доказательств и кинул Максиму, крикнув:

— Это — в вашу лабораторию! Быстро!

В отделе научно-технической экспертизы Мака встретила усиленная бригада, которая физически не могла бы собраться за то короткое время, пока начальник отдела ЧР летел на флайере. Очевидно, Экселенц заблаговременно приказал им остаться в ночную смену. Так или иначе, обломки скрылись в урчащей пасти анализатора, и все взгляды сосредоточились на мониторах.

— Разрушение протекает, но очень медленно, — резюмировал по прошествии четверти часа Оливер Лист, шеф ОНТЭ. — Детонатор Нильсена деградировал примерно втрое быстрее.

Этот рапорт главный эксперт отдал лично Экселенцу — через радиобраслет. Спустя три секунды заработал такой же браслет, надетый на левое запястье Максима.

— Тебе там делать нечего, — сказал раздраженный голос президента Комиссии. — Лети к нам.

— В музей?

— Нет, мы уже в конторе Андрея. Если не знаешь курса, держи пеленг...

Над дисплеем браслета засветилась курсовая голограмма.

Институт теорпроблем соцпрогностики притаился в уютном парке за Бирюзовой набережной. Максим постоял немного под высоченными голубыми елями, подставив лицо каплям заморосившего под утро дождя, а затем, когда поперек неба разлапилась белесая паутина молний, решительно вошел в здание. В вестибюле его ждал молоденький сотрудник, который представился кодовым именем Тарантул. Похоже, все личные коды в этом заведении начинались с буквы "Т".

— Прибыл Мак, — сказал Тарантул в микрофон радиобраслета, а затем, выслушав ответ руководства, добавил: — Слушаюсь, шеф.

Мембранная завеса входа потеряла непроницаемость, и Мак прошел сквозь ставшую почти неощутимой субстанцию. Пропустив посетителей, мембрана немедленно восстановила свойства. Прогностическое ведомство напоминало крепость, готовую встретить вражеское нападение — подобные меры самозащиты даже КОМКОН-2 принимал разве что в особо угрожаемые периоды. Порывшись в памяти, Максим вспомнил лишь один такой случай — семь лет назад, когда из лаборатории Серджи Альвадини сбежал дефектный киборг...

Тарантул привел его к следующей двери, которую также дублировал силовой щит. На

стене рядом с притолокой светилась плоская растровая картинка — Тиранозавр Рекс, разжавший челюсти в добродушной улыбке. Очевидно, это был кабинет директора.

Внутри Максим обнаружил обоих стариков, поглощенных допросом Абалкина. Последний полулежал в кресле, напоминавшем противоперегрузочные лежа, какими оснащались планетолеты в легендарные времена освоения Марса и Венеры. Укутанный по самый подбородок в смиренный скафандр жесткого типа Гурон не мог пошевелиться, да и разговаривал с заметным трудом.

— ...не вижу причины общаться с вами, — сказал он слабым голосом.

— Прекратите демагогию, Гурон, — повысил голос Тирекс. — Вы бросили ответственное задание, поставив под угрозу жизнь своих коллег на Саракше. И вам придется объяснить, почему вы пытались убить метательными дисками нашего коллегу на Земле.

— Не убить, — тихо сказал Абалкин. — Рана в корпус не смертельна. Я просто хотел, чтобы мне никто не мешал. Вероятно, я был не совсем прав.

Формально Гурон не врал, однако Дювивье продолжал давить фактами. Не трудно было понять, куда он гнет: Тирексу хотелось выяснить — до какой степени Абалкин остается человеком. Остальных этот вопрос интересовал ничуть не меньше. Гурон же обсуждать такие проблемы отказывался, ссылаясь на свое право не отвечать на идиотские вопросы. Впрочем, Абалкин явно начинал нервничать, словно откровенно высказанные подозрения задели его за живое.

— Ладно, Андрюша, не стоит валить все вопросы в одну кучу, — сказал вдруг Экселенц. — У нас достаточно времени, чтобы подробно поговорить... Лева, постарайтесь быть немного серьезнее и объясните, что случилось с Тристаном. Ведь именно после той истории в джунглях вы почему-то бросились на Землю и учинили такой кавардак.

Абалкин неожиданно застонал, потом пробормотал:

— Когда Тристана ранили, я тащил его к кораблю и отстреливался от боевиков контрразведки. В это время он сказал в бреду, что я — не человек. Потом он умер, а врагов было слишком много, поэтому я решил бросить тело, иначе и сам не ушел бы. Уже в кабине бота, пока летел на Базу, я понял, что должен срочно отправиться на Землю и выяснить, кто я на самом деле... — он испустил еще один стон. — Может, вы способны внятно растолковать, что же я такое?

Экселенц пребывал в несомненном затруднении, поскольку не знал требуемого ответа. Погладив ладонью сверкающий череп, старик собрался что-то сказать, но тут следивший за приборами Тахорг обеспокоенно сообщил:

— Кажется, он потерял сознание.

Окружив ложе задержанного, они убедились, что коллега не ошибся. Гурон тяжело дышал с закрытыми глазами и не реагировал на попытки привести его в чувство. Тирекс пробормотал недоуменно:

— Симулирует. Его раны не настолько серьезны.

— Боюсь, дело уже не в ранах, — задумчиво сказал Сикорски. — Жизнь каждого из них каким-то образом связана с детонатором. А эта неврастеничка растоптала его «шайбу»...

— Похоже, ты прав, — после непродолжительного размышления признал Тирекс, рассеянно изучая показания аппаратуры. — Ого, что это?

Последняя фраза явно была адресована Тахоргу. Максим тоже приблизился к терминалу, пытаясь разглядеть голограмму, заслоненную силуэтами стариков. Впрочем, яркая палитра причудливо плясавших трехмерных осциллограмм мало что говорила начальнику отдела ЧР. Не в пример Максиму, ветераны с живым интересом взирали на дьявольские скачки разноцветных узоров. Наконец Экселенц, не прекращая остервенело оглаживать лысину, встревоженно изрек: дескать, состояние арестованного ухудшается прямо на глазах. Вместо ответа Тирекс выделил лучом фотоуказки сравнительно статичный участок розовой линии. Таких параметров не может иметь ни одно живое существо Земли, сказал он. Почти ни одно, сварливо уточнил милейший Павел Григорьевич, он же Рудольф Сикорски, он же много чего еще. И тогда в диалоге резвившихся стариков впервые

прозвучало слово «Тамир».

Машинально (все еще напоминали о себе рефлексy, наработанные армейским стажем на Саракше) Тахорг вытянул руки по швам, после чего вызвал подмогу. Трое юнцов, облаченных в легкомысленные извращения кутюрье-модернистов, увезли Гурона вместе с креслом.

— Куда его?

Максим задал этот вопрос почти неосознанно, исключительно из профессионального любопытства. Он чувствовал себя, как выжатый лимон, хотя не до конца понимал смысл этой идиомы, которую вычитал много лет назад в одном старинном романе.

— В надежное местечко подальше от детонаторов, — сообщил Тирекс. — Там его подлечат.

— Перестраховщики хреновы, — усталым голосом простонал Максим. — Нет больше у него детонатора. Нетути!

— Интересное соображение, — Тирекс усмехнулся. — А кто тебе сказал, что «подкидыш» обязательно должен воспользоваться именно «своим» детонатором?

— Для чего «воспользоваться»? — парировал Каммерер.

Экселенц захохотал и поведал, что Мак, сам того не ведая, повторяет вопросы, которые еще сорок лет назад были очень популярны на сессиях Спецкомиссии по «проблеме Второй Чертовой Дюжины». Кстати, ответов на те вопросы до сей пор не найдено. Я протоколы ваших сессий не читал, огрызнулся сконфуженный Максим. Почитаешь, когда подрастешь, — заверил Тирекс-Дювивье.

Их перепалку прервали звуки зуммера, запищавшего в радиобраслете Тирекса. Потом послышался знакомый голос:

— Шеф, это Тарантул. Мы перехватили разговор Глумовой с Комовым. Они общались по закрытому каналу спецсвязи КОМКОНа-первого.

Максим очень надеялся, что сумел не выдать своего изумления, но ситуация уже стала донельзя пикантной. Мало им брать под плотный прессинг Глумову, так умудрились даже подслушивать суперзащищенные линии спецсвязи. Ну-ну... Однако старики, явно ожидавшие чего-то в подобном роде, выглядели вполне удовлетворенными.

— Прокрути запись, — приказал Тирекс.

Сотрудники братских ведомств сидели полукругом, а в центре этого геометрического узора загорелась голограмма. Две фигуры от пояса и выше. Геннадий Комов, президент Комиссии по Контактaм с внеземными цивилизациями (КОМКОН-ВЦ или просто КОМКОН-1) и Майя Глумова, музейный работник. Член Всемирного Совета и вероятная соучастница предполагаемого пособника Внешней Угрозы. Очаровательное сочетание.

КОМОВ: Что случилось?

ГЛУМОВА (кусает губы): Беда, Гена... Они взяли Леву.

КОМОВ: Кого? Ты имеешь в...

ГЛУМОВА: Да, да, да! Прямо в музее. Ему зачем-то понадобились эти штуки Странников, которые хранились у меня в спецсекторе.

КОМОВ (задумавшись): Детонаторы. Значит в его генах все-таки проснулась программа... Но как удалось его схватить? Прогрессоры такого класса не сдаются.

ГЛУМОВА: Сикорски стрелял в него, хотел убить.

КОМОВ (недоверчиво): Убить? Неужели стрелял из скорчера?

ГЛУМОВА: Нет, у него был реактивный «герцог» сто семидесятого года. Двадцать шестой калибр.

КОМОВ: Вот видишь, старина Руди вовсе не добивался летального исхода. Иначе воспользовался бы чем-нибудь посолиднее.

ГЛУМОВА: «Герцог» — это более чем серьезно.

КОМОВ: Для обычного человека — может быть. А Сикорски был уверен, что организм Гурона снова изменился.

ГЛУМОВА: Снова? На что ты намекаешь?

КОМОВ: К примеру, на причину, по которой у вас с ним не получилось потомства. Тогда, в школьные годы.

Тут Майя в очередной раз рассвирепела и заявила дрожащим от ярости голосом: мол, ты всегда ревновал даже к разговорам о нем. На это прославленный Следопыт и контактер, разведя руками, признался, что никогда не считал себя серьезным соперником Гурона. Его собеседница быстро успокоилась, после чего разговор возобновился в обычной тональности.

ГЛУМОВА: Что мне теперь делать? Обратиться в прессу, подать жалобу в Мировой Совет?

КОМОВ (задумчивый взгляд устремлен куда-то за пределы голограммы): Наверное, это не имеет смысла. Абалкин оказывал сопротивление?

ГЛУМОВА: Еще как! Чуть не зарезал лысого старика алмазными дисками... Ох! Я только сейчас сообразила. Сикорски говорил, будто Лева первым применил оружие.

КОМОВ: Очень может быть. Наверняка он уже перестал быть человеком, и потому шел к цели напролом, ни перед чем не останавливаясь. Что ему жизни низших существ.

ГЛУМОВА (запальчиво): Чушь несешь! Просто Лева провел слишком много времени в шкуре имперского офицера. Каждую секунду опасности ждал. Такая работа, естественно, наложила отпечаток на психику. Как и все твои прогрессоры, он в грош не ставит чужую жизнь, потому что привык рисковать своей собственной. Сработали рефлексy — и он машинально бросил эти диски, как сделал бы на Саракше.

КОМОВ: Допустим. Кто конкретно участвовал в задержании?

ГЛУМОВА: Вся банда с базы «Саракш». Сикорски, Дювивье, Каммерер, Лайнус. Потом подтянулся молодняк вроде Серосовина и Мтбевари.

Кажется, ей впервые удалось серьезно удивить шефа КОМКОНа-1.

КОМОВ: Ого! Сразу два управления Галбеза... Да, это серьезно.

ГЛУМОВА: При чем тут Галбез? Ведь мы отрубили башку этому монстру.

КОМОВ: Не будь ребенком. Комитет расформирован чисто номинально. Они сумели сохранить прежнюю иерархию. КОМКОН-второй, экспериментальные историки, космическая спецтехника и прочие ведомства до сих пор подчиняются не столько Мировому Совету, сколько своей Вышестоящей Организации, и ничего поделать с этим невозможно.

Просмотрев запись до этого эпизода, Максим сделал еще одну зарубку в нейронных регистрах памяти. Он не забыл, как совсем недавно его родной непосредственный шеф уже упоминал некую Вышестоящую Организацию. А голографический образ Майи Тойвовны продолжал нервозно требовать невозможного.

ГЛУМОВА: Меня не интересуют ваши политические интриги! Сейчас важнее всего судьба Левы.

КОМОВ: Успокойся, твоему ненаглядному ничего не грозит. Законных оснований изолировать прогрессора нет или почти нет. Через пару дней его отпускают.

ГЛУМОВА (виноватым голосом, отводя взгляд от объектива видеофона): Геночка, я еще не рассказала тебе одну вещь. Там в музее я сделала... Такая была злая, совсем голову потеряла. Ты же знаешь, со мной такое часто случается... В общем я растоптала его детонатор.

Теперь разъярился Комов. Кажется, будь она рядом — разорвал бы в мелкие клочки. Комов очень концентрированно вывалил на собеседницу все неприятные слова, сохранившиеся в нормативной лексике и стремительно приближался к эфемерной грани, отделяющей стандартный запас слов от области нецензурных высказываний.

— Идиотка! — орал он, размахивая кулаком. — Ты его погубила, истеричка несчастная. Только гадить умеешь, как тогда на Ковчеге!

— Ты знаешь, почему я сделала это на Ковчеге, — сказала Майя вызывающе. — Это даже старый хрыч Дювивье знает! Если такой умный — скажи, что теперь будет с Левой.

— Понятия не имею, — буркнул взъерошенный и невероятно злой Комов. — Никто этого не знает. Может быть, даже сами Странники — и те не знают.

— Я не прощу себе, если с Левой что-нибудь случится по моей вине, — она снова

захлюпала носом. — Даже не представляю, что я тогда сделаю.

— Вот и начинай потихоньку представлять, — мрачно посоветовал Комов. — Что-нибудь обязательно случится.

Он не стал говорить, что в связке «подкидыш-детонатор» гибель одной компоненты, как правило, сопровождается аналогичной неприятностью с другим участником этого парного симбиоза. Наверняка знал о столь важном обстоятельстве, однако вслух не сказал. Может быть, не хотел пугать Майю, а может, она тоже была посвящена в такие нюансы. Мысленно Максим сделал следующую зарубку, регистрируя очередную нелогичность, всплывшую в ходе этого в высшей степени любопытного разговора. Впрочем, он резонно предполагал, что на самом деле тут наверняка имелась какая-то логика, но только последняя ему, Максиму Ростиславскому (ныне Каммереру), была непонятна.

Комов явно говорил неискренне, либо не разбирался в ситуации. Например, он напрасно считал, что Гурон и прочие Подкидыши обречены на бесплодие. Конечно, кроманьонцы принадлежали к другому биологическому виду и сильно отличались от современного человека, над которым за последние два столетия хорошо поработали генетики. Тем не менее проблема относилась к числу решаемых. Например, тот же Корней Яшмаа прошел курс хромосомной терапии, после чего у него родился сын. Сомнительно, чтобы Комов не знал об этом...

А разговор, записанный «прогнозистами», явно миновал кульминацию и теперь близился к финишу. Комов не очень настырно пытался успокоить Глумову, та продолжала взбрыкивать, а под самый занавес сообщила как бы между прочим:

— Да, кстати, если тебе интересно... Они интересуются отцом моего мальчика.

По лицу Комова мелькнула неуловимая гримаса. Следопыт пожал плечами и пробурчал невнятно:

— При чем тут это... Ладно, мы заболтались. Утро вечера мудренее.

Голограммы погасли. Сначала отключился от связи Комов, потом вырубился видеофон Глумовой. Сикорски и Дювивье придвинули поближе кресла и принялись перешептываться. Глаза стариков азартно сверкали, конфиденциальный обмен мнениями неприлично затягивался. Максим с Тахоргом нетерпеливо переглядывались, но крепились и, от безысходности, закатали ностальгический диспут, вспоминая добрые старые времена и общих знакомых по Саракшу.

Наконец Экселенц, кряхтя, поднялся и задумчиво проговорил в полный голос:

— Комов — фанатичный охотник на Странников. Такой пойдет на все, лишь бы взять их след.

— Не думаю, чтобы он сумел активизировать программу «подкидыша», — мгновенно возразил Тирекс. — Комов и все подчиненные ему структуры знают о детонаторах не больше нашего. Нет, Гурон слетел с катушек без участия Комова.

— Разберемся. В конце концов, ситуация подозрительно смахивает на дело «Летучей Кошки».

Осмелившись прервать выходившую на новый виток дискуссию, Максим заговорил задумчиво, как бы размышляя вслух:

— Меня всерьез заинтриговала та часть этой записи, где они завели речь о Вышестоящей Организации. Странная получается картина. Посторонние люди об этом знают, а я, начальник ключевого отдела, впервые слышу.

Соглашаясь с ним, Тахорг покивал, но Экселенц язвительно парировал:

— Тебя должно было обеспокоить другое — что эта девчонка знает в лицо и по именам всех нас, включая младших инспекторов... А по поводу Коллегии вы получите информацию в ближайшее время.

— Буквально через час-другой, — подтвердил Тирекс. — Я подробно вам расскажу обо всем в салоне «Трицератопса».

— Не обо всем, но о многом, — уточнил Экселенц.

— А при чем «Трицератопс»? — Тахорг сделал удивленные глаза. — Разве мы куда-

нибудь летим?

Старики вежливо растолковали, куда и зачем должны отправиться начальники родственных отделов из двух братских ведомств. "Короче говоря, нас послали подальше, — проворчал Максим. Он подумал, что в ближайшие сутки ему предстоит поглотить ударную дозу спорамина — иначе заснет, как только сядет на что-нибудь мягкое.

4. Саракш. 5 июня 78 года.

Согласно реестру, «Трицератопс» относился к подклассу кораблей большого радиуса, оснащенных усиленной защитой. Фактически же это был настоящий военный звездолет, напичканный всевозможным оружием ближнего и среднего — до нескольких мегаметров — действия. Как прикинул Максим, по своим боевым возможностям этот «динозавр» превосходил те межпланетные крейсера, с помощью которых семигуманоиды Коцита скоропостижно вернули собственную цивилизацию в состояние, мало чем отличное от каменного века.

Базиль, старпом звездолета, с которым Максим поделился этими соображениями, пренебрежительно фыркнул:

— Древние коцитарийцы были прикованы к центральной части своей системы, а наш «ящер» одним прыжком уходит на двести парсеков. Кроме того, мы только-только закончили капремонт и полную модернизацию спецтехники...

Следы недавней модернизации вооружения удалось разглядеть даже невооруженным глазом. Кроме всевозможных излучателей (некоторые средства ближнего боя явно были позаимствованы с крейсера, найденного экспедицией Боровика на орбите Коцита в семидесятом году) и торпедных подвесок, на корпусе «Трицератопса» имелись устройства, напоминавшие формой шляпку подосиновика. Максим без труда признал эмиттеры Грегори — благодаря этим милым украшениям, корабль обретал способность отразить выстрелы «пульсатора Странников» — той самой пушки, которая четверть века назад подбила звездолет «Пилигрим» в окрестностях планеты Ковчег. Кстати, два таких пульсатора также входили в оружейный комплекс «Трицератопса».

О существовании кораблей подобного класса Максим даже не подозревал, и только теперь, оказавшись на борту, начал догадываться, что «Трицератопс» имел отношение к пресловутому проекту «Зеркало». Прослушав же во время перелета далеко не подробную лекцию Тирекса, он понял, что вообще очень мало знал о структуре организации, в которой имел удовольствие работать.

Восемь лет назад несколько неформальных организаций неожиданно потребовали ликвидировать тотально-силовую спецслужбу, в которую, по их мнению, превратился Комитет Галактической Безопасности. Кампанию неформалов поддержали КОМКОН-1, Академия социологических наук и Комиссия по делам межзвездной политики (консультативный орган при Всемирном Совете), утверждавшие, что действия Галбеза неоднократно приводили к осложнениям в отношениях с соседями по Галактике. В качестве примеров обычно фигурировали разоблачение властями Тагоры галбезовского резидента-нелегала Бенни Дурова, а также засекреченность операций, развернутых на Саракше и Беллерофонте.

Вялая дискуссия не принесла четкого результата, а в последующем референдуме принял участие лишь каждый седьмой Номо sapiens старше 17 лет. За сохранение Комитета высказались 34% населения Планеты и 56% жителей Периферии. Против голосовали: на Земле — 37%, на других населенных мирах — 19%. Тем не менее, Комитет Галбез был распущен постановлением Всемирного Совета от 11 марта 72 года, при этом некоторые структурные подразделения спецслужбы-монстра стали автономными ведомствами, а другие перешли в подчинение различных исполнительных органов центрального правительства.

— Помню этот день, — печально изрек Тахорг. — Мы были в шоке. С Земли поступил категорический приказ немедленно приостановить все тайные операции, а у нас на

Беллерофонте боевая группа вырывалась из кольца...

— Мы в таких случаях плевали на приказы Земли, — заметил Максим.

— Вот и мы так сделали, — Тахорг пожал плечами.

«Трицератопс» начал вибрировать — так килотонны звездолетной массы откликнулись на кратковременный нырок в подпространство. Спустя полминуты корабль вернулся к нормальному четырехмерному состоянию на расстоянии десятка мегаметров от Саракша. Кибер-стюард объявил: «Через восемнадцать минут — стыковка с орбитальным комплексом. Пассажирам приготовиться к высадке».

— Высший оперативный состав лучше остальных понимал фатальную ошибочность этого решения, — продолжал Тирекс. — На последнем совещании Коллегии мы решили, пожертвовав личностями, сохранить саму идею, то есть спасти ситуацию за счет неафишируемой инициативы снизу.

Его рассказ объяснил многое. Управление "П" («Проникновение», то есть разведка против внеземных цивилизаций) превратилось в солидное академическое учреждение — Институт экспериментальной истории. Менее популярным оказался КОМКОН-2 — бывшее управление "К" («Контрпроникновение»), переименованное в Комиссию по Контролю научно-технологических процессов. Управление "Т" («Тайные операции») называлось теперь Институтом теоретических проблем социальной прогностики, "С" (следственное) — Советом общественной психологии, "И" (информационно-аналитическое) — Комиссией по чрезвычайным ситуациям.

Разлученные ведомства продолжали работать дружно и слаженно, поскольку их деятельность негласно координировала Тайная Коллегия (этот орган имел и второе, ностальгическое название — Вышестоящая Организация), в которую вошли Экселенц, Тирекс и другие начальники управлений, а также члены общественного совета ветеранов Галактической Безопасности. Поэтому, когда появилась необходимость совершить налет на Саракш, вопрос был решен за считанные минуты. Прекрасно оснащенный корабль коллегам из служб "Т" и "К" предоставил НИИ космической спецтехники (бывшее управление "Ф" — от слова Force) — силовой орган, отвечавший за обеспечение операции «Зеркало» и развитие военного флота. Одновременно Межведомственная федерация боевых искусств, возникшая на базе управления "В" («Войсковое»), выделила штурмовой взвод.

Увешанные оружием и прочим снаряжением штурмовики один за другим ныряли в гармошку переходника, соединившего «Трицератопс» со станцией. Оперативники не торопились — им еще предстояло набегаться после высадки. Пользуясь этой паузой, Максим, который никогда ничего не забывал, посчитал, что настало удобное время выяснить решение очередной загадки.

— Андрей, почему вашу контору так интересует проблема отцовства Глумова-младшего?

— С пацаном вышла занятная история, — Дювивье-Тирекс усмехнулся. — Наша малопочтенная приятельница — я имею в виду Майю Тойвовну — с подозрительным упорством скрывает, кто помог ей произвести на свет наследника. Странная стыдливость для нашего распутного века — не так ли? Несколько лет назад один из моих сотрудников провел анализ образцов ДНК из резерва...

Мак невольно восхитился изяществом этого дерзкого замысла. Как известно, при рождении у каждого человека берется несколько кубиков крови, которые хранятся небольшими порциями в различных банках генетического резерва. При необходимости эти образцы используются, например, чтобы клонировать новый орган на замену поврежденному. Всего таких банков было три или четыре: на Земле, Ружене, Яйле и, кажется, где-то еще. Очевидно, какое-нибудь подразделение Вышестоящей Организации — вероятнее всего, ведомство самого Тирекса — имело доступ к холодильникам, где содержались эти пробирки.

— И что же удалось установить? — поинтересовался Максим.

— Представь себе — ничего определенного! Мы организовали исследование генома

малыша Тойво и всех мужчин, с которыми была близка его мамаша...

— Их оказалось так много?

— Ну, если выражаться деликатно, то по современным меркам их количество не выходит за рамки приличий... Короче говоря, ни один из них отцом Тойво быть не может.

Разгадка показалась не такой занятной, как ожидалось. Убедившись, что в этом деле нет ничего любопытного, Максим сразу потерял к нему всякий интерес, однако для очистки совести спросил:

— Все-таки для меня осталось много непонятного. Лично я, когда начинал искать Гурона, вышел на Глумову далеко не сразу и, признаюсь, совершенно случайно. А ваша контора держит ее под колпаком уже не первый год. Что же привлекло к ней ваше внимание?

Тирекс ответил, пожимая плечами:

— Ничего конкретного. Она попала под усиленный надзор еще в прежние времена, да так и осталась в наших архивах. Соответствующее подразделение продолжало разработку, и время от времени мы узнавали много удивительных обстоятельств...

Выслушав рассказ Дювивье, Максим мысленно обозвал себя марсианской пиявкой. Разумеется, он сам должен был догадаться, как это происходило... Все одноклассники «подкидыша-7», включая Майю, автоматически попали в сеть усиленного надзора. Десять лет спустя в ее досье появился новый код — «неполная благонадежность». К этой категории были причислены те участники проекта «Ковчег», по чьей вине сорвался контакт с весьма любопытной негуманоидной расой. Позже повышенное внимание Галбеза привлекла полузаконспирированная группа «Вертикаль». Проведя предварительное расследование, управления "К" и "Т" повысили на одну ступень категорию неблагонадежности для всех выявленных членов и попутчиков этого коллектива. Таким образом Глумова получила код «подозрительная персона». Лишь отсутствие прямых доказательств злого умысла в ее действиях помешало сразу причислить Майю Тойвовну к «асоциальным личностям» или «врагам общества». Необходимые улики появились, когда Глумова стала активным функционером движения за ликвидацию Галбезопасности, но карательные санкции опоздали — наступило 11 марта 72 года...

— Если помнишь, неблагонадежные члены общества подлежали выборочной разработке, — продолжал Дювивье. — Поэтому в начале семидесятых была проведена стандартная проверка, включавшая изучение личной жизни. Обычно после таких мероприятий темных пятен не остается. В данном случае получилось наоборот.

— Если ничего не нашли — значит, плохо искали, — рассеянно высказался Максим. — Андрей, кто сейчас командует базой «Саракш»?

Тирекс явно был сконфужен его критическим замечанием. Однако пререкаться не стал, а только развел руками, после чего ответил:

— Для нас важнее, что заместителем начальника базы недавно назначен Терминатор. Помните нашего Тему?

Максим помнил Тему. Этот псевдоним принадлежал Кинугаси Ямада — последнему супер-президенту Комитета Галактической Безопасности. Странное было ощущение — ностальгия пополам с недоумением. Словно возвращается прошлое, о котором поторопились забыть.

Инструктаж перед десантом не отличался многословием, что также напомнило о временах до весны 72-го. Ямада поставил задачу коротко и четко.

Это была хрестоматийная операция по типовой схеме «Сеновал». Заатмосферные платформы наносят удар депрессионным полем, которое «выключает» всех обитателей малой столицы Архипелага. Затем операторы орбитального комплекса перехватывают управление так называемым Оборонительным Поясом и запускают на полную мощность генераторы психокоррекции. Тем самым подавляется всякая активность на северной группе островов. Десант, высадившись на планетарных ботах, занимает штаб-квартиру группы флотов «Цес» и обследует флигель военной контрразведки. При этом штурмовое подразделение подавляет возможные осложнения, а сотрудники управлений "К", "Т" и "П"

решают возложенные на них обязанности.

— Все понятно? — спросил Терминатор, знакомым жестом вскинув голову. — Вопросы есть?

— По-моему, вы не учли, что противник может нанести удар беспилотными средствами с соседних островов, — сказал Мак.

— Такая возможность предусмотрена, — Ямада усмехнулся. — Орбитальные платформы имеют на этот случай все необходимые средства и инструкции.

Теперь вопросов и сомнений действительно не оставалось. Участники операции отправились в ангар облачаться в боевые скафандры.

Когда они садились в бот, Максим случайно услышал разговор двух бойцов из межведомственной федерации. Коллеги вспоминали, как совсем недавно проводили подобную операцию на планете Саула. Там один из прогрессоров, работавших в Арканаре, сломался и устроил мясорубку. Чтобы забрать его, пришлось затопить усыпляющим газом весь город.

Два бота опустились перед главным входом монументального здания, на фронте которого сверкала в лучах местного светила двухметровая буква «пес» — вторая буква местного алфавита, которую работавшие на Саракше земляне называли то «эс», то «цэ». Вокруг знаменитого фонтана со статуей Морского Воина беспорядочно валялись воюющие и рыдающие гуманоиды в повседневных флотских мундирах. Штабные офицеры, словно досрочно оказавшись в преисподней, извивались от мук физических и душевных, как и положено поступать под действием «черного» излучения такой интенсивности.

Двигаясь «змейкой», отряд десантников взбежал по мраморным ступенькам и проник в штаб через огромные позолоченные двери. Внутри их встретила та же картина — штабеля почти безжизненных тел в униформе и дикие вопли страданий. Никто из обитателей здания не был способен оказывать сопротивления, поэтому земляне устремились прямым ходом в глубину левого крыла, где располагался отдел контрразведки. Хорошо хоть эскалаторы работали, не пришлось устраивать кросс по лестницам, загроможенным депрессированными офицерами.

Охранники у входа в отдел выглядели просто замечательно — «лежали, откинув копыта», — вспомнил Максим фразу из далекого прошлого. Однако, главную угрозу представляли не они, а сторожевая автоматика — пулеметные гнезда, стрелявшие в любого, кто дерзнул бы сунуться через турникеты, не имея электронного пропуска. Этих квазироботов, чтобы не терять времени на подбор кода, земляне просто выжгли лучеметами.

Дальше каждое подразделение действовало, согласно детально разработанным инструкциям. Первая штурмовая секция взламывала сейфы и прочие хранилища полезных знаний. Тем временем бойцы второй секции сволокли в комнату отдыха весь личный состав отдела, после чего занялись «переписью населения». На бегу Максим зафиксировал периферией сознания, как десантник из федерации боевых искусств заголографировал портативным информаторием очередного бесчувственного офицера, после чего переписал данные его удостоверения личности. Теперь, если понадобится допросить кого-нибудь из сотрудников контрразведки, поиск отнимет не больше минуты.

Бешеная гонка по громадному строению завершилась в информационно-аналитическом секторе. Отпихнув лежавшего на клавиатуре оператора, Максим сел к терминалу. Имплантированная перед стартом память не подвела: он знал буквы и цифры островитян, а также овладел местной операционной системой. Однако убожество доисторической техники просто ужасало. Массаракш! Сначала Экселенц подсунул кипу бумажных документов, а теперь придется работать на таких бронтозаврах...

За полтора десятилетия после его возвращения с Саракша, местная вычислительная техника несомненно шагнула вперед, однако шаг этот завел аборигенов не слишком далеко. Сквозь стеклянную перегородку была видна машина (язык не поворачивался назвать этого монстра информаторием или хотя бы компьютером), занимавшая своими шкафами целый

зал, где запросто можно было сыграть в баскетбол, и еще осталось бы место для зрителей. От центрального устройства тянулись провода к установленным на столах дисплеям черно-белого (точнее, желто-зеленого) изображения. Мало того, что мониторы не были голографическими — они не были даже плоскими. С известной натяжкой экраны терминалов заслуживали звания двумерных.

Команды приходилось вводить, набирая клавишами условные аббревиатуры. За соседним терминалом торопливо работал Тахорг. Их подгонял дефицит времени, но не в меньшей степени — спортивный азарт. Каждому хотелось опередить конкурирующую организацию. Как обычно случается в таких ситуациях, каждый нашел лишь часть желаемого. Заглянув в очередной каталог, Максим обнаружил краткий рапорт фрегат-капитана Запи Мпольде о потерях при задержании штабного шифровальщика Емко Буфра — под этим именем в Островной Империи знали Гурона.

О таких достижениях цивилизации, как гипертекст, контекстный поиск или каскад сочлененных файлов, здесь конечно еще не додумались, но в рапорте имелись ссылки на другие документы по той же теме, и дела пошли веселее. Вскоре земляне раздобыли полный перечень участников операции, а также номера бумажных и электронных файлов, содержащих интересующие их сведения.

Десантники отнесли в бот отобранные папки с документами и катушки магнитных лент. Тем временем Тахорг приволок из соседней комнаты охваченного конвульсиями офицера-саракшианца.

— Пока работает поле, он ничего не скажет, даже если очень захочет, — глубокомысленно изрек Вальтер. — Может, забрать его на базу? Там и допросим.

— Допрос — дело хорошее, — согласился Мак. — А кто он?

— Тот самый Запи Мпольде.

— Обязательно надо допросить! Только проще на месте снять экспресс-ментограмму.

— Тоже мысль, — признал Тахорг.

Внезапно фрегат-капитан перестал стонать-вибрировать и открыл глаза, бессмысленно тараща на людей в незнакомом снаряжении. Саракшианец был так потрясен этим зрелищем, что даже не пикнул, пока земляне крепили к его вискам присоски датчиков ментоскопа. Он только вздрогнул и зажмурился, когда включенный прибор тихонько зажужжал. В тот же момент из наушников проурчал голос Терминатора:

— Десант, внимание! Генераторы «черного излучения» отключены от питания. Через минуту ударим по штабу лучом с орбиты. В любом случае закругляйтесь и начинайте эвакуацию.

— Сейчас, — буркнул в микрофон боевого скафандра Тахорг. Затем, приставив к виску фрегат-капитана ствол карабина, рывкнул: — Быстро отвечай. Почему вы пытались арестовать старшего мичмана Емко Буфра?

Саракшианец ответил очень тихо и с такой гримасой, словно каждое слово причиняло ему страдания:

— Перебежчик с континента варваров... Ему давно не доверяли, подозревали в шпионаже... работал на разведку континенталов... Часто уезжал в джунгли, отрывался от наблюдения... решили проследить...

Внизу послышались беспорядочные хлопки выстрелов. Очевидно, палили очнувшиеся аборигены — земное оружие работало бесшумно. В машинном зале тоже начались осложнения: лежавший около терминала офицер контрразведки встал в полный рост в трех шагах за спиной Тахорга. Похоже, он сориентировался в обстановке, потому и вытащил дрожащими руками пистолет. Отпустив Мпольде и оттолкнув Вальтера, Максим прыжком с места налетел на противника и ударил в челюсть прикладом. Островитянин рухнул на пол.

Еще двое имперцев уже наводили на землян свои пугачи, и Максим вскинул карабин, однако стрелять не пришлось. Одновременно, словно по команде, оба офицера снова потеряли сознание, и земляне поняли, что наконец-то включились генераторы Б-поля висевших высоко над планетой аппаратов.

— Уходим.

С этими словами Тахорг сорвал ментоконтакты с головы Запи Мпольде и бросился в коридор. Следом за оперативниками затопали остальные десантники. На эскалаторе их настигло сообщение с базы: пушки «Трицератопса» подожгли и опрокинули в океан машину, летевшую к острову с юго-востока. Затопившее весь сектор депрессионное поле этому аэрокару явно не мешало.

— Наверное, радиоуправляемая, — предположил оператор. — Или полностью на автоматике.

Как выяснилось чуть позже, могли быть и другие объяснения. Когда земляне задраивали люки ботов, на территорию штабного комплекса ворвался, проломив решетчатые ворота, тяжелый армейский броневи́к-амфибия. Машина с ходу открыла огонь из скорострельной пушки, а из заднего люка посыпались, проворно разворачиваясь цепью, вооруженные гуманоиды в жестких доспехах. Снаряды оставили строчки вмятин на обшивке, но боты уже оторвались от негостеприимной планеты и стремительно скрылись в вышине.

Сотрудник Института экспериментальной истории, который так и не снял маску — видеть его лица не полагалось даже коллегам — проговорил раздраженно:

— Наша служба предупреждала, что на Островах создали защиту от излучения, только не принято умных людей слушать... — он покачал головой. — Хорошо, ушли без большого кровопускания... Как ваша операция — нашли, что искали?

— Более-менее, — кивнул Максим. — А как вы?

— Нормально, — сказал разведчик. — Мое дело было маленькое — распихать «жучков» по всему зданию. Хоть пару дней будем видеть и слышать, что в этом треклятом штабе замышляют.

Выслушав их рапорт, Слон заметил: мол, хорошо, что группа вернулась без потерь, но огласки избежать вряд ли удастся. Пресса может поднять шум, опять примутся критиковать из-за вторжения на чужую планету.

— Не дергайся, — посоветовал Терминатор. — В прессе полно наших людей, а в составе десантной группы был корреспондент «Всемирных Новостей». В лучшем виде представим. Конечно, не называя имен.

— Что с Гуроном? — спросил Максим.

— Плохо с Гуроном, — сказал Терминатор. — Врачи на Тамире разводят руками. Такое впечатление, что организм отказывается работать.

Общее расстройство функций.

5. Архивные файлы.

Документ 1. bwi//ComCon/8235.076-3

Вероятно, отчет для психологов замышлялся, как изливание души на органический кристалл компьютерной памяти. Лично я считаю такую разновидность эпистолярного жанра полным маразмом, поскольку никто не в силах заставить кого-либо сообщить больше, чем полагает нужным автор. И, коли решение моей судьбы поставлено в зависимость от размера подобных откровений, сей факт в лишний раз убеждает, что руководящие кресла в нашей организации достались патологическим садомазохистам. Однако, если отцов-командиров всерьез интересуют мои мотивы — читайте на здоровье. Может, за голову возьметесь. Шучу, конечно. На столь радикальный эффект я, утратив большую часть врожденного идеализма, уже не рассчитываю.

Итак: почему я разочаровался в Отряде Следопытов?

Наверняка ошибочным выбором мною профессионального поприща тайно управляла дурная наследственность. Еще бы: один из моих прадедов по отцовской линии был штурманом первого корабля, достигшего (пускай даже по ошибке) иной солнечной системы. Вдобавок дед по материнской линии — виднейший астрозоолог. Прочие предки в

большинстве своем тоже были каким-то боком связаны с космосом. Сами посудите: какой еще путь в жизни мог выбрать несчастный подросток, чье детство прошло в доме, где все книги, фильмы и прочие хранилища информации ежесекундно индуцировали романтику межзвездного поиска?

Впрочем, была еще одна традиция, немало повлиявшая на мою злополучную судьбу. Уже упомянутый героический прадед, отправляясь в рейд на «Таймыре», увез с собой неистовую любовь к псевдоготическому модерну — культовому жанру искусства конца XX — начала XXI столетий. По возвращении пращур восстановил и приумножил колоссальное собрание произведений такого пошиба. О популярности подобного чтива в нашей семье можно судить по одному лишь факту — предвкушая мое появление из плацентарной субстанции, родители, дедушки с бабушками, а также часть прабабушек устроили конкурс на лучшее имя для грядущего пополнения рода. На полном серьезе рассматривались самые неприличные варианты, как то: Артур, Ганелон, Ллур, Корвин, Дракула, Арагорн, Мандор и так далее. В конце концов папочке этот бедлам надоел, и он (то есть папочка) самолично принял решение, которое удовлетворило всех, даже меня. Опять же не стоит удивляться, что я с самого раннего детства зачитывался и засматривался кровавыми историями о битве беззаветных героев-одиночек с коварными инопланетянами, обезумевшими киборгами и омерзительными демонами, желающими швырнуть Землю на растерзание Силам Зла.

Таким образом, ничего нет необычного в том, что я увлекся ушедшей из моды темой изучения внеземного разума. Уже в старших классах я занимался этим делом, не побоюсь громкого слова, вполне профессионально — по университетским учебным пособиям, монографиям маститых ксенологов и публикациям академической периодики. В результате к выпускным экзаменам у меня сложилось странное ощущение, допускавшее три правдоподобных объяснения:

1. Я — дурак и ничего не понимаю;
2. Авторы солидных научных работ развлекаются тем, что дурят наивных читателей;
3. Земная наука убедилась в собственной бессилии понять соседей по Вселенной и теперь лишь прилежно фиксирует факты, не слишком утруждаясь их, то бишь оных фактов, истолкованием.

Легко догадаться, что последняя гипотеза представлялась мне наиболее правдоподобной.

Я и раньше знал о древних разведчиках Галактики, которых наши ученые еще полтора столетия назад обозвали Странниками. Об этой расе написано даже в школьных учебниках, о них снято бесчисленное количество мультяшек, построенные ими города и орбитальные сооружения нарисованы на маечках и бейсболках. Однако, перевернувшись гору файлов, я испытал оторопь, когда осознал, что за эту бездну времени ученые ни черта не узнали о самих Странниках. Исследователи не сумели даже определить эпоху, когда эскадры Странников посетили Солнечную систему. Разброс оценок от 1 до 10 миллионов лет выдает полную беспомощность — похоже, эксперты просто называли случайные числа.

Было бы полбеды, ограничься неудачи пробелами в датировке. Однако, разбираясь в археологических находках, я столкнулся с феноменом, на который старательно закрывали глаза даже самые уважаемые зубры от ксенологии. Оказывается, совсем свежие изделия Странников (например, перегоняемые через Саулу транспортные агрегаты) мало отличаются по конструкции от самых древних артефактов и вдобавок не превосходят по своим возможностям аналогичные конструкции, создаваемые сегодня человечеством. Получается, что уже миллионы лет Странники продолжают пользоваться одними и теми же технологиями, причем умудрились по отдельным направлениям даже отстать от сравнительно молодой земной цивилизации.

Иными словами, единственная известная нам внеземная сверхцивилизация (ВСЦ) элементарно остановилась в своем развитии. Открытие из числа архитревожных: если таковы законы эволюции любого разумного сообщества, то аналогичная участь может ожидать и человечество. Особенно комичным выглядит на этом фоне концепция

«вертикального прогресса», практическое воплощение которой, вероятно, и привело к стагнации Странников. Совершенно очевидно, что одностороннее увлечение «вертикалью» следует признать заведомо вредным и тупиковым путем развития. Тем не менее, великомудрые теоретики упорно ведут себя так, будто намерены воплотить в жизнь тупой анекдот о страусе. Кстати, настоящие страусы при малейшем намеке на опасность поступают куда умнее: не утыкаются клювом в песок, но убегают или вступают в бой. Таким образом, человечество в данной ситуации выглядит не лучшим образом.

Вообще, история наших контактов с родичами по разуму напоминает классический сюжет народной сказки: чем дальше, тем страшнее. Из любого учебника можно узнать, как brave Следопыты открыли биологическую цивилизацию так называемой планеты Леонида. Разумеется, на Леониду немедленно хлынули научные группы, затеявшие состязание в идиотизме. Первое десятилетие пытались наладить взаимопонимание с гуманоидами, коих на планете насчитывалось несколько миллионов особей. Потом постановили, что леонидяне лишены интеллекта, и тогда, обуреваемые непостижимым энтузиазмом, принялись обращаться с ними, как с вредным зверьем: снаряжали грандиозные охотничьи экспедиции, отлавливали для зоопарков, заполняли земные лаборатории скелетами и чучелами смешных человекообразных существ. И только спустя четверть века после первого посещения планеты совершенно случайно обнаружили руины циклопических подземных сооружений, а также действующую гидроэлектростанцию. Началась паника, посыпались скандальные отставки обанкротившихся псевдоученых; по слухам, кто-то даже пустил пулю в висок, но, кажется, промахнулся. И в самый разгар этой суматохи (дело было в 2176 году по старому стилю) на Леониду опустился фотонный звездолет.

Лишь тогда выяснилось пикантное обстоятельство. Двадцатью годами раньше на планете Крукса охотник Поль Гнедых подстрелил существо, череп которого с тех пор хранится в Кейптаунском музее космозоологии. А надо сказать, что в ранней молодости этот Гнедых был безумно влюблен в мою прабабушку Ирину Егорову-Кондратьеву и периодически посещал дом Кондратьевых на Кунашире. В очередной свой визит охотник выглядел морально убитым и покаялся, что всадил боеприпас в кислородный баллон чужого астронавта. Дальнейшее оказалось делом техники. Элементарная проверка, которую следовало устроить гораздо раньше, подтвердила: кейптаунский череп идентичен аналогичным частям скелета леонидянских гуманоидов.

Помаевшись напряженными раздумьями, крестные отцы ксенологии разродились гениальным озарением: в середине 150-х годов на планете Крукса побывала экспедиция с Леониды, чей звездолет и вернулся в родной мир летом 176-го, покрыв 19 световых лет на субсветовой скорости за 22 года независимого времени. Следопыты снова кинулись-было устанавливать контакт, однако теперь наконец-то лопнуло терпение Мирового Совета. Комконовцам запретили показываться в системе ЕН-412, а едва не захиревшему на почве полуторавекового безделья ведомству галактической безопасности спустили поручение как можно деликатнее разобраться с братишками по разуму и, по мере сил, сгладить дурное впечатление, которое произвели команды лихих охотников за черепами *Quasihomo leonidas sapiens*.

Вскоре на Леониду был внедрен великолепно законспирированный разведчик Бенни Дуров. Серия пластических операций изуродовала агента, сделав неотличимым от аборигенов. Семь долгих лет Бенни прожил среди «квазихомо», регулярно отсылая на орбитальную базу подробные отчеты.

Наверное, ни одна спецслужба Метагалактики не оказывалось досель в столь идиотском положении. Можно только догадываться, как потешались истинные хозяева планеты, державшие Дурова под плотным наблюдением с первой до последней минуты. Разумные насекомые, на которых преисполненные антропоморфного шовинизма спесивые Следопыты и галбеговцы не обращали внимания, умело окружили землянина человекообразными биологическими куклами, и несчастный Бенни добросовестно пытался наладить контакт с этими андроидами. Наконец, узнав о людях значительно больше, чем мы

могли опасаться, членистоногие сапиенсы вызвали на связь земную станцию и сообщили, что цивилизация планеты Тагора готова установить дипломатические отношения с младшими родственниками.

Лишь пропустив землян через унижительный ритуал официального контакта, тагоряне снисходительно сообщили, что пресловутые квазигуманоиды были всего-навсего искусственными существами, лишенными свободы воли. Оказывается, генные инженеры Тагоры создали их много тысячелетий назад для выполнения особо тяжелых и опасных работ. Стало быть, лучшие умы человечества угробили бездну сил и времени, пытаясь наладить дружеские отношения с киборгами, способными лишь повиноваться программам средней сложности.

Впрочем, и эта плюха никого ничему не научила. Только вспыхнула и быстро поперхнулась межведомственная перепалка: Галбез обвинял КОМКОН в вопиющей некомпетентности, подорвавшей престиж человечества при первой же встрече с иным разумом. Следопыты отвечали: дескать, сами вы бестолочи, могли бы за семь лет разобраться, с кем дело имеете. Итог столь высокоинтеллектуальной дискуссии подвел Мировой Совет, мудро постановивший строго разграничить обязанности между комконовцами и галбезовцами. После этого земляне более или менее успешно работали с молодыми гуманоидными расами, тогда как негуманоиды и высокоразвитые цивилизации неизменно оказывались не по зубам что Комитету, что Комиссии. Оно и неудивительно, поскольку оба уважаемых учреждения пользовались услугами одних и тех же «независимых» экспертов вроде Боровика, Бромберга и прочих самопровозглашенных гениев.

Полагаю, что любому нормальному человеку этих открытий с избытком хватило бы, чтоб вконец разочароваться в прикладной ксенологии. К прискорбию, по причине малолетства, я сохранил остатки энтузиазма и дешевой романтичности, а потому все же стал Следопытом, втайне надеясь вернуть Комиссию по Контакткам на истинный путь постижения тайн внеземного разума. Увы, все мои потуги оказались напрасными и лишь раздражали руководство. У меня даже сложилось подозрение, что корифеи ксенологии сознательно ограничивают азимут исследовательских работ на самых заманчивых объектах — видимо, не желая в очередной раз терпеть фиаско. Прав я или нет, покажет время, но за последние два года были практически прекращены работы на Ковчеге, Сауле и Надежде.

Не желая далее участвовать в позорном фарсе, именуемом «межзвездный поиск», повторно прошу отчислить меня из Отряда Следопытов.

М.Кондратьев 13.01.76

Резолюция: Этот мальчишка — явный паникер с признаками неврастения. Точнее разберутся психиатры, но и без медицинского заключения ясно, что хорошего Следопыта из него не получится. Руководитель отряда «Зебра» также не в восторге от М.К. Поэтому считаю желательным просьбу об отставке удовлетворить.

Г.Комов 14.01.76

Документ 2. bwi.//ComCon2/3065.076-07

Шеф!

Мой источник в Секретариате КОМКОНа-1 обратил внимание на инцидент с М.Кондратьевым. У парня были весьма здравые мысли о наших неудачах по тематике Проникновения и Понимания. Разумеется, будучи рядовым Следопытом, он имел далеко не полную информацию, из-за чего выводы грешат вопиющей наивностью. Тем не менее, прочитав его разработки, я пришел в полный восторг. Этот юноша предложил свежий взгляд на многие застарелые болячки. Как ты понимаешь, комконовские бонзы поспешили избавиться от возмутителя спокойствия.

Сейчас М.Кондратьев прозябает в должности ассистента кафедры на факультете ксенологии Хьюстонского университета. Думаю, было бы неплохо переманить его в нашу

контору.

Траппер 8.05.76

Документ 3.

Из приказа по Институту.

...

4. Кондратьева Мерлина Обероновича, 50-го г.рожд., зачислить в отдел системного анализа на должность младшего научного сотрудника...

А.Дювивье 19.08.76

6. Земля. 6 июня 78 года.

Чудовищ рождает не только сон разума. Даже здоровое понижение физиологической активности, когда почти исчезают реакции на действие внешних раздражителей, — иными словами, тривиальное состояние, в котором человек проводит едва ли не четверть отмеренного ему интервала на координатной оси времени, — даже такой сон может наплодить монстров, затмевающих буйные плоды большого воображения профессиональных творцов виртуальных иллюзий.

В эту ночь Максима снова навесил кошмар, некогда преследовавший его с регулярностью курсирования рейсовых аэробусов. Потом годы как будто зарубцевали открытую рану, сгладив врезанную в память боль. А вот теперь, после короткого посещения той планеты, давний ужас вернулся, и стало ясно: ничего не забыто.

Он просыпался тяжело, словно пытался вырваться из тисков болотной трясины, но все же продрал глаза, обводя комнату обезумевшим взглядом. Парализованные болезненным видением полушария тупо проворачивались под черепной коробкой, и он не мог сообразить, почему в стене прорезано столь громадное окно и куда девался телевизор на длинных ножках, коему полагалось стоять у стены напротив кровати. Вдобавок ладонь, рефлекторно скользнувшая под подушку, не нащупала рифленую рукоять, и тогда Максим скатился на пол, занимая оборонительную стойку, готовый крушить голыми руками тех, кто проник в его каморку, украл пистолет-пулемет и переставил мебель. В эти минуты им управляла единственная мысль — любой ценой защитить Раду.

Но постепенно власть ночного видения отпускала, и Максим начал понимать, что находится вовсе не в офицерских казармах Дворца Свободы, но у себя дома. Полуживое жилище заботливо регулировало яркость света, уровень акустического фона и форму кровати, а теперь, обнаружив, что один из обитателей проснулся, перевело в состояние готовности бытовые агрегаты. Мелодичный голос кибер-мажордома осведомился, намерен ли хозяин завтракать в одиночестве, или подождет пробуждения Алены.

— Позже, — буркнул Максим. — Жди приказа.

— Не шуми, — пробормотала Алена, не открывая глаз. — Что за мода — ни свет, ни заря...

Повернувшись на другой бок — драпированное под леопардовую шкуру покрывало при этом сползло, — она причмокнула и удовлетворенно засопела, вновь отключившись от внешних раздражающих факторов. Максим даже позавидовал: есть же беззаботные люди, способные спать, как ни в чем не бывало, что бы ни творилось в этом гнусном мире.

Недавний сон вконец доконал его, напомнив о старой потере. Рада, бедная девочка, так и не сумевшая понять, кого любила и для кого стала смыслом жизни. Сколько их было потом, но ни одна не удерживала его надолго, включая эту секс-бомбу среднего калибра... Максим машинально покосился на лениво ворочавшуюся во сне Алену, а затем долго не мог оторвать взгляд от рельефов отшлифованного изнурительным тренингом тела.

Позже, стоя в душевой под струями ионизированных растворов, он впервые осознал, что двадцать лет назад буквально возненавидел все неземное. Вселенная жестоко ранила его, отняв самое дорогое на свете существо. После той трагедии любые порождения иных миров

он воспринимал с подозрением, точно ожидал очередного подвоха. Наверное, потому так легко принял предложение Странника перейти из ГСП в Галбез. А вскоре после того обойма его прибабахов пополнилась вселенским скепсисом и неприятием всяческих секретов.

Покончив с рутиной ежедневных гигиенических процедур, Максим был уже внешне спокоен, хотя на душе сохранялось поганое чувство. Для очистки совести он заглянул еще раз в спальню, убедившись, что его возлюбленная (она же — Алена Прекрасная, она же — секс-бомба регулируемой мощности с непрогнозируемым переключением на форсаж) заправилась дрыхать как минимум до обеда. Против фатума не попрешь, решил он.

В памяти назойливо копошились подходящие цитаты из Верблибена — не вольные переводы супругов Бурсаковых, а подлинные тексты. Декламируя вполголоса: «Рок над руинами судьбы витает, Мрак жизни вновь надежду убивает», — он потыкал пальцами по сенсорному пульту Линии Доставки, принял поднос с бокалами, чашками и тарелками и тяжело рухнул на диван. Мажордом, вышколенный потакать хозяйским привычкам, немедленно подвесил перед ним две дюжины картинок стереовидения.

— Одиннадцатый канал, — сказал Максим, без аппетита расправляясь с многоэтажным бутербродом. — Обычный формат.

Малым, всего в кубометр, размером — распахнулась голограмма утреннего выпуска передачи «Панорама Галактики», которую он имел основания считать более-менее объективной среди множества информационно-аналитических программ. Обаятельные ведущие со знанием дела излагали ассорти основных событий, случившихся за последние сутки на десятке планет, населенных землянами, другими гуманоидами, негуманоидами, а то и вовсе не заселенных.

Помимо прочего, Максим получил истинное удовольствие, выслушав весьма остроумно представленную версию вчерашних событий на Саракше. Информацию зачитали скороговоркой, сопроводив коротким текстом впечатляющий видеоряд, иллюстрирующий последствия аварийного и — ну, разумеется! — спонтанного сброса в запредельный режим генераторов так называемого Оборонительного Пояса. Затем без паузы прошел очень квалифицированный анализ благополучного разрешения политического кризиса на Беллерофонте, потом был большой комментарий к военным действиям на Гиганде.

Максим слушал эти сообщения вполуха, продолжая удивляться, как ловко специалисты по пропаганде отфильтровали информацию со станции «Саракш». Он уже заканчивал завтрак, когда объявили рубрику «Скандалы». Тут шеф отдела ЧР заинтересовался всерьез, потому что героем сегодняшнего скандала оказался его позавчерашний знакомый доктор Бромберг.

Ведущий рубрики говорил довольно уклончиво и в то же время невероятно язвительно. Суть происшедшего была изложена в самых общих чертах, однако Максим уяснил главное: вчера, когда он потрошил архивы имперской контрразведки, настырный старикашка попытался разоблачить происки КОМКОНа-2. Файл с заявлением Бромберга затерялся среди миллиардов других bwi-страничек, ежедневно поступающих в информационную сеть Планеты, а по самому доктору принялись, что называется, ходить ногами, попутно вытирая об него подошвы. Максим затребовал подборку материалов по этой тематике, и Большой Всемирный сообщил: «Найдено 673 упоминания. На монитор выведены заголовки первых 10 текстов». Да уж, за дедушку Айзека взялись по-настоящему, как в добрые старые времена. Кто бы мог подумать, что где-то еще остаются мастера такого класса...

Бромберга с невероятным знанием дела окунули мордой в грязную лужу, аргументированно доказывая, что обладатель пятнистой лысины, хоть и отирался битый век в окрестностях науки, но сам не внес серьезного вклада в сокровищницу знаний, а только систематизировал (да и то с ошибками) чужие достижения. Некоторые комментаторы прозрачно намекали, что престарелый неудачник остро переживал свою интеллектуальную импотентность, по каковой причине у него развился тяжелейший комплекс неполноценности, толкавший Бромберга на эксцентричные выходки. Мелькали фразы типа «готов на все, лишь бы привлечь внимание к собственной тусклой персоне», а то и вовсе

«дилетант испражняется в ослоумии».

Все без исключения авторы цитировали возмущенный протест Президента КОМКОНа-1 Геннадия Комова: «Обвинения в наш адрес лишены оснований. Комиссия по Контактaм никогда не задерживала своих сотрудников. А некоторым безответственным болтунам, плохо понимающим смысл произносимых ими слов, я бы посоветовал обратиться за помощью к психотерапевту из геронтологической клиники». Конец цитаты.

Жесткость афронта была вполне в духе Комова — известного грубияна и вообще человека в высшей степени бесцеремонного, если речь заходит о событиях в стенах его ведомства. Только в данном случае праведный гнев родился на пустом месте: Бромберг-то нападал вовсе не на комовский КОМКОН-1. Правда, большинство обывателей, услышав название КОМКОНа-второго, все равно подумают, что неэтичный поступок совершила именно Комиссия по Контактaм, но ведь сам Комов не мог не понимать, что удар нацелен вовсе не по штабу Следопытов и Прогрессоров. Для него разумнее всего было бы просто промолчать или, на худой конец, выступить с разъяснениями: мол, не мы виноваты, люди добрые, это соседняя контора бузит. Однако Комов предпочел публично обидеться и назвать Бромберга старым маразматиком.

Такое поведение выглядело нелогично, а Комова можно было обвинить в чем угодно, только не в пренебрежении логикой. Максим почувствовал, что снова уткнулся носом в загадку. Надо же, Комов подыгрывает некомпетентной части сограждан... Вдобавок некоторые обозреватели туманно намекали, что корни эскапад Бромберга тянутся из комплекса вины, проросшего на почве печальных эпизодов его околонаучной биографии. Что же сделает некомпетентное, а потому любознательное большинство сограждан, услышав столь интригующие намеки? Разумеется, некомпетентное и т.д. полезет за пикантными подробностями в недра БВИ.

Именно так Максим и поступил. Набираем на клавиатуре: «+bromberg +isaac», осторожно касаемся кончиками пальчиков кнопки ENTER... Что получаем в итоге?.. А в итоге мы получаем 49838 упоминаний. Ладно, выберем в меню пункт «профессиональная деятельность». Ну вот, осталось всего 133...

Проглядев третий документ, шеф Чрезвычайного Розыска непроизвольно погладил собственную макушку, словно проверял, не дыбом ли встала его шевелюра. Оказывается, давным-давно, на заре новой эры, тридцатилетний магистр Айзек Б. добровольно участвовал в запрещенных опытах по отработке методов коррекции личности. В информационных массивах содержались откровенные намеки, что подобные эксперименты неизбежно должны были отразиться, причем совершенно пагубным образом, на его умственных способностях. А еще полвека спустя тот же Айзек Б. устроил в академических кругах истерику по поводу прекращения экспериментов в области изменения космологических констант. При этом он даже сделал всеобщим достоянием невесть где добытые уравнения, которые сам Дьюла Шнайдер не решился публиковать, считая дальнейшие исследования преждевременными и опасными. Итогом стала гибель научного комплекса «Проксима» и восьми нуль-физиков, посчитавших доводы Бромберга убедительнее предостережений Шнайдера.

Максим был в шоке. Такие сведения несомненно составляли тайну личности, то есть никак не могли попасть в общедоступный сектор Информатория. Однако попали же, и сей факт представлялся абсолютно загадочным. Максим понял, что сам он в этой головоломке не разберется, и к тому же имел основания предполагать, что от Экселенца объяснений ждать не стоит.

Как нетрудно было угадать по заполнявшему предбанник шуму, в кабинете шефа разворачивался крупный скандал. Когда Максим переступил порог, Бромберг, успешно подражая рассвирепевшей марсианской пиявке, выкрикнул фальцетом:

— Вы меня не убедили!

Судя по реакции Экселенца, пятнистый старик произносил эту фразу уже не в первый раз. Зарывав от бессильной ярости, Сикорски сказал, экспансивно размахивая руками:

— Доводы разума на вас не действуют. Вероятно, в самом деле начинается старческое

слабоумие.

Бромберг разразился очередной порцией возмущенных воплей, однако на удивление быстро сдался, вдруг сделавшись жалким и беззащитным. По-детски всхлипнув, он простонал:

— Вы решили растоптать меня. Обвиняете в некомпетентности, намекаете на шизофрению.

— Я к этому отношения не имею, — буркнул Экселенц.

— Верю, — надменно изрек Бромберг.

— Но гибель «Проксимы» все равно на вашей совести...

— Прекратите разводить демагогию, — устало отмахнулся пятнистый. — При желании они получили бы эти формулы и без моего содействия.

— Не формулы, а уравнения, — машинально уточнил Экселенц.

— Какая разница!

Укоризненно покачав сверкающим черепом, шеф Комиссии по Контролю сказал назидательным тоном:

— Вы действительно некомпетентны, раз не понимаете разницы. И не забывайте, что персонал «Проксимы» узнал об уравнениях Шнайдера именно из вашего письма.

Бромберг снова загорелся, хоть и без прежнего темперамента, и желчно парировал:

— Я, по крайней мере, никогда не стрелял с перепугу по музейным посетителям...

— Вы не хуже меня знаете, что он был не совсем обычным посетителем, — Экселенц явно потерял надежду хоть в чем-то убедить своего упрямого оппонента. — Вы же видели показания приборов. Абалкин перестал быть человеком.

— Ха, ха, ха! — громко произнес Бромберг. — Эти записи можно интерпретировать десятком различных способов. Нет, вы меня не убедили.

— Ну и черт с вами, — капитулировал Сикорский. — Я вас не задерживаю.

— Этого еще не хватало, — горделиво фыркнув фыркнув, Бромберг неловко выкарабкался из кресла, которое Экселенц в незапамятные времена позаимствовал у некоего Умника. — Я ухожу как победитель с высоко поднятой головой, но я еще вернусь.

— Кто бы сомневался, — бросил ему вслед хозяин кабинета.

До ответа Бромберг не снизошел, только мотнул лысиной, не оборачиваясь. Максим даже забеспокоился — как бы от столь резких движений не переломилась тощая шея старого скандалиста. Однако обошлось без членовредительства. Посетитель величественно проковылял к выходу и не без натуги проломился сквозь дверную мембрану. Проводив его хмурым взглядом, Экселенц еще раз качнул головой и придвинул к себе плоский монитор. Очевидно, собирался изучить какие-то документы.

— Что-то странное творится, шеф, — задумчиво проговорил Максим. — После двадцатилетней холодной войны Комову вдруг вздумалось нас поддержать. Странно это, однако.

Экселенц нехорошо посмотрел на него, потом вытащил из стола контейнер кристаллотеки, поводит двумя пальчиками над ячейками, вытащил футляр, похожий на гильзу старинного пулемета и протянул начальнику отдела ЧР. Все эти манипуляции он проделал молча, не издав ни единого звука, после чего вернулся к чтению.

Ладно, будем играть в молчанки, мысленно согласился Максим. Он вставил кристалл в микропроектор. Засветилась голограмма, изображавшая эту самую комнату, только вместо М.Каммерера на диване сидел президент КОМКОНа-1. «Ну и ну, — подумал Максим. — Воистину, явление горы к Магомету».

КОМОВ: Я разочарован. Думал, предложите сесть в знаменитое кресло. Так сказать, по старой дружбе.

ЭКСЕЛЕНЦ (с непроницаемой гримасой): Это всего лишь кресло, а не электрический стул.

Оба смеются.

КОМОВ: Ладно уж. Давайте ближе к телу, как говорили в старину. Мы должны любой

ценой избежать огласки. Сами знаете, какие добрые чувства я питаю к вашей конторе, но в этом вопросе можете рассчитывать на мою поддержку. Бромберга следует нейтрализовать.

ЭКСЕЛЕНЦ: Интересная мысль. Что вы предлагаете?

КОМОВ: Дискредитацию. У вас есть на него компроматы?

ЭКСЕЛЕНЦ: Разве что в архивах Галбеца. Даже не знаю, какому ведомству они достались.

КОМОВ: Будет вам приbedняться. Кое-что, конечно, попало ко мне, кое-что — в Академию общественной психологии, но остальное-то... Если объединим наши фонды, можно найти много любопытных фактов.

ЭКСЕЛЕНЦ: Допустим. Но мы не имеем права открывать для всеобщего пользования информация, которая может быть квалифицирована, как содержащая элементы тайны личности. Я верно процитировал статью Закона?

КОМОВ: Вот уж от кого я меньше всего ожидал такой щепетильности. Советую вспомнить разъясняющий акт Мирового Совета от пятого августа пятьдесят, кажется, четвертого года. Наш непримиримый приятель Бромберг неоднократно нарушал тайну личности окружающих, а следовательно, защита Закона снята с него автоматически.

ЭКСЕЛЕНЦ: Прискорбно. Закон должен защищать всех, невзирая на прошлые проступки...

КОМОВ: Значит, насчет Бромберга договорились. Что вы можете сообщить о Гуроне?

ЭКСЕЛЕНЦ: Я жду свежих результатов. Как только поступит отчет, сразу же переправлю вам все материалы.

КОМОВ (удивленно): Мерси... А если в общих чертах?

ЭКСЕЛЕНЦ: Ничего определенного. В его организме происходят аномальные процессы, природы которых наши врачи не понимают. Однако нет прямых доказательств, что поступками Абалкина управляет заложенная Странниками программа. Почти все его действия можно объяснить, не прибегая к гипотезе о влиянии факторов Внешней Угрозы.

КОМОВ (вскочив с дивана, шагает по кабинету): Важно узнать обстоятельства его провала на Саракше. Я прикажу координатору Прогрессоров на базе...

ЭКСЕЛЕНЦ: Это сделают без вас.

КОМОВ (уважительно): Оперативно работаете.

ЭКСЕЛЕНЦ: Ваша часть дела — пресечь слухи о подробностях нашей высадки на Архипелаге. И Глумову успокойте.

КОМОВ: Сделаю. Кто выполнит акцию на Саракше — террористы?

ЭКСЕЛЕНЦ: Нет, спортсмены.

Оба смеются. Конец записи.

Порыв прокрутить кристалл с самого начала был почти непреодолим, но Максим сдержался. Все равно ничего понять невозможно. Он только рискнул осторожно поинтересоваться:

— Когда он был у вас?

— Вчера днем. Я только-только вернулся от Тирекса, а ты еще не прибыл на «Трицератопс».

— Комов знал, что разговор записывается?

— Конечно, знал, — убежденно сказал Экселенц.

— И откуда он об этом узнал?

— Ну, не идиот же он, в самом деле, — шеф даже зафыркал. — Должен понимать, куда пришел.

— Тоже верно, — согласился Максим. — Я уже не спрашиваю, для чего ему понадобился альянс с нашей Конторой. Полагаю, ответа вы все равно не знаете.

— Правильно понимаешь, хотя кое-какие догадки у меня имеются, — сказал Экселенц. — Об этом будет отдельный разговор через пару дней, когда соберется Тайная Коллегия. Еще вопросы есть?

Максим подумал немного, потом сказал:

— И даже много. Например, почему идея нейтрализовать Бромберга появилась у Комова? Казалось бы, разрабатывать такие планы — святая обязанность Вышестоящей Организации.

Развеселившись, Экселенц посоветовал ему не быть ребенком. Соответствующие управления Вышестоящей Организации, сказал он, начали готовить мероприятия против Бромберга еще 31 мая, едва стало известно о возвращении Гурона. Предложив содействие, Комов только облегчил всем жизнь. Максим вдруг почувствовал себя первоклашкой, который сдуру ввязался в серьезные игры взрослых дядечек. Тем не менее, собравшись с духом, он продолжил вытягивать полезную информацию:

— Вы сказали, что нет доказательств перерождения Абалкина...

— Не совсем так, — Экселенц снова фыркнул. — Я сказал, что нет прямых доказательств. Вот, погляди...

Он достал из контейнера еще один кристалл. Судя по голографической этикетке, нанесенной на футляр, именно ради этих материалов накануне высаживался десант на Саракш.

Контрразведчики сумели заснять сцену медосмотра несколькими камерами и даже подсадили микрофон поблизости от дерева, под которым расположились Тристан и Гурон. Видеозапись показала, как врач снимает показания с приборов. Похоже, аппаратура дала непонятный результат. Тристан явно забеспокоился, повторил процедуру.

В это время атаковали аборигены. После первых же выстрелов Тристан упал, обливаясь кровью. Гурон молниеносно выхватил пистолет, уложив на месте трех оперативников, остальных расшвырив голыми руками. Имперцы отступили и потребовали сдаваться — все равно, мол, окружен и не сумеешь уйти.

Перезарядив оружие, Гурон стрелял на звук, одновременно пытаясь помочь Тристану. Видеозапись сохранила эпизод, когда раненный врач в бреду назвал имя и телефон Экселенца, а также пробормотал: «Сообщите в КОМКОН Экселенцу, что Седьмой — не человек...» Шокированный Абалкин растерянно пробормотал: «Не понимаю, кому сообщить?» Заглушенный пальбой ответ Тристана разобрать не удалось, но видно было, как Гурон кивает: дескать, понял.

Тут возобновилась атака. Отстреливаясь, Гурон пробивался к стоявшему на краю лесной полянки боту, взвалив на плечи бесчувственного Тристана. Имперские контрразведчики снова попытались взять его, и расстрелявший обойму Гурон вступил в рукопаную схватку, для чего ему пришлось бросить тело доктора. В последних кадрах камера записала старт бота и появление в лагере нового отряда сотрудников военной контрразведки.

Выключив голограф, Максим быстренько прокачал ситуацию в свете новых данных. Обычно такой анализ выполняют могучие стратегические программы, но сейчас вполне хватило и собственных мозгов. Получалось, что Экселенц снова прав: против Абалкина имелись только косвенные улики. Мало ли какие непонятные процессы могут протекать в организме, тем более — в организме, развившемся внутри саркофага-инкубатора. И поведение Гурона тоже имело вполне тривиальное истолкование: бедолага пытался доказать свою человеческую сущность, тогда как болезненно мнительные осколки Галбеза интерпретировали его метания с позиций собственных предрассудков. А он, встречая на каждом шагу безумные препятствия, лишь сильнее злобился и под конец был уже готов шагать по трупам, как Антон Сорбин в Арканаре...

Хотя нельзя было исключить, что программа Странников все-таки заработала, и Жук В Муравейнике неотвратимо становился Хорьком В Курятнике. Косвенные улики — тоже улики, особенно если их так много. Взять для примера тех же голованов...

— Я запутался, — признался Максим.

— Ты не оригинален, — любимый и деликатный шеф не считал нужным утешать начальника головного подразделения. — Те, кто устроил нам эту ловушку, были профессионалами в своем деле.

Повздохнув, Максим намылился к себе в отдел, где наверняка накопилась масса текущих проблем. Он уже проткнул мембрану отработанным ударом кулака, но тут Экселенц приказал ему задержаться — по закрытой линии поступили срочные сообщения.

Дежурный по ИТПСП информировал, что доктор Бромберг потребовал всестороннего медицинского освидетельствования на предмет подтверждения его, Бромберга, дееспособности. Старика предупредили об опасности психозондирования, учитывая возраст и неуравновешенность менталитета, но Бромберг дал подписку, что идет на обследование по собственному настоянию. Текст завершался емкой фразой: «Ситуация под контролем».

Второй пакет файлов был отправлен с Тамира. Некто по имени Тифон докладывал, что Гурон согласился дать дополнительные показания, как только полегчает со здоровьем. Еще здесь был объемистый отчет медкомиссии, которая расписалась в собственном бессилии разгадать дикую пляску биофизических полей. Читать эту коллекцию специальных терминов они не стали.

— Какие еще дополнительные показания? — подозрительно проговорил Экселенц. — Нет, детки, он что-то замышляет... Мак! Немедленно на космодром и — туда. Ты знаешь Гурона лучше остальных, да и он тебя должен помнить.

Максим снова шагнул к двери, но остановился посреди кабинета и осведомился, как будет с Бромбергом. Экселенц пожал плечами, не отрывая взгляда от документов. Только процедил сквозь зубы:

— В ближайшую неделю он нас не побеспокоит. Тебе же сказано, что ситуация под контролем.

Когда Максим поднимался по эскалатору на крышу, и потом, уже в кабине флайера, перед его глазами упорно держалась очень яркая картина: Бромберг сидит, облепленный датчиками, а за пультом ментоскопа кровожадно ухмыляются головорезы из управления "Т". Что и говорить, в этом был элемент юмора — пусть несколько мрачного, но довольно изысканного. В известном смысле, конечно.

7. Земля-Тамир-Земля. 6 июня 78 года.

Сверху космодром КОМКОНа-2 напоминал громадную снежинку или распластавшегося спрута — от белого диска центральной стартовой позиции расходились дорожки, ведущие к резервным и вспомогательным комплексам. Сделав круг на малой высоте, Максим приземлился. Начальника отдела ЧР уже ждали. На ходу пожав всем руки, Максим направился к «Полумесяцу», но комендант ведомственного космопорта придержал его за рукав и кивком указал на «Барракуду».

— «Полумесяц» новее и комфортнее, — возразил Максим. — Ты же знаешь, я всегда летаю на нем.

— Сегодня сделай исключение, — посоветовал старина Бен-Джахид. — Друзья из соседнего ведомства дадут координаты финиша только для этого корабля.

— Совсем осатанели...

Продолжая чертыхаться, он поднялся в рубку и, перегнувшись через спинку пилотского кресла, запустил стартовый движок. Прокатилась волна знакомых ощущений, сопровождающих появление поля антигравитации. «Барракуда» плавно взмыла в небо. На высоте около ста километров информатор известил, что получены координаты точки выхода из подпространства. Такие меры секретности просто потрясали — видимо, данные Тамира были попросту изъяты из галактической лоции...

Оставшись наедине с черным полотнищем звездного неба, он вдруг почувствовал, как исчезают раздражение и усталость. словно вернулись безмятежные времена, когда двадцатилетний Максим Ростиславский был вольным исследователем Группы Свободного Поиска. Цепочка ассоциаций вновь вернула его на Саракш...

...Реактор и обшивка протекали, как решето, поэтому о погружениях или рекордах скорости оставалось только мечтать. Многоцелевая субмарина Леу-108 долго и нудно ползла

малым ходом в надводном положении, пересекая океаны и климатические зоны, пока не оказалась в субтропическом поясе южного полушария.

Здесь их обнаружили. Сначала лодку на небольшой высоте облетел реактивный гидроплан, под брюхом которого разместилась впечатляющая ракетно-торпедная коллекция. Разглядев мишень со всех сторон, пилот запросил их позывные, после чего, переговорив со штабом сектора, передал приказ изменить курс. Чуть позже появился сторожевой фрегат.

Неожиданно вернувшуюся подлодку встречали настороженно, но без откровенной враждебности. Изможденных моряков сводили в душ, переодели в чистую униформу без знаков различия, накормили на камбузе и отправили гидропланом на ближайшую береговую базу. Личные вещи экипажа собрали в пластиковые мешки, которые лежали в соседнем отсеке под охраной автоматчиков.

Весь перелет Максим, притворяясь спящим, пролежал на неудобных деревянных нарах, что тянулись вдоль стенок грузового отделения. Для пущей убедительности землянин эпизодически нервно вскрикивал, шумно ворочался, невнятно матерился и пару раз даже падал с лежака, вызывая дружный хохот остальных. Впрочем, подобные мелочи, создающие иллюзию естественного поведения, уже не имели особого смысла: раз их не расстреляли сразу — значит, замысел стратегов Базы удалось реализовать по крайней мере наполовину. Помнится, тогда он подумал: дескать, теперь операция может провалиться лишь в единственном случае — если самолет потерпит аварию.

Они долетели без приключений, но прямо на аэродроме подводников окружили мордовороты из спецназа морской пехоты. Всех завели в пустую казарму, где ими занялись контрразведчики — по три офицера на каждого моряка с Леу-108. Потянулись тупые процедуры: фотографирование анфас, профиль и вполоборота, снятие отпечатков пальцев, анализы крови и прочих выделяемых организмом эмульсий.

Только после этих формальностей начался допрос, шаблонность которого приятно удивила землянина. Максим отвечал заторможенно, успешно имитируя невысокий IQ, свойственный большинству строевых офицеров.

— Рбаш Вебтох, мичман-инженер... двадцать четыре года... был вторым механиком реактора на субмарине Оз-15... так точно... вышли с базы ночью, сразу после праздника Семи Демонов... никак нет, кандидат в члены Ордена Морских Мстителей... не состоял... в детстве привлекался за драки с применением холодного оружия... лодку потопили бронекатера береговой охраны... был контужен, взрывом торпеды выбросило за борт... до берега добрался вплавь... не могу знать, потерял счет времени... на континенте провел около года... сначала скрывался в джунглях, потом жил в поселке диких мутантов... так точно, в пустыне... всего нас было человек тридцать с разных субмарин... некоторые умерли от болезней, другие убиты, когда пришли карательные отряды...

Он косноязычно, поминутно сбиваясь на блатной жаргон, поведал, как подводники подлатали наиболее сохранившуюся субмарину, пустив на запчасти три другие. Опасности, что его легенду разоблачат, практически не было: остальные имперские моряки, собранные по лагерям и тюрьмам, прошли полный цикл коррекции личности и могут только дополнить показания землянина яркими деталями, которые были имплантированы в их память специалистами Базы. Не стоило бояться и прочих проверок, поскольку тончайшая молекулярная пленка, покрывавшая его кожу, в точности копировала отпечатки пальцев и черты лица настоящего Рбаша Вебтоха. И даже если он, столкнувшись нос к носу, не сумеет опознать кого-либо из прежних сослуживцев, так всегда можно сослаться на последствия контузии.

Тем не менее Максим не был намерен растягивать удовольствие. Прервав на полуслове очередной вопрос следователя, он сделал значительное лицо и проговорил, понизив голос до конспиративного шепота:

— Господин старший командор, я обладаю информацией особой важности, которую могу сообщить только высшему командованию. Когда мы отражали атаку карателей, мутанты убили бригадира легионеров и захватили штабную машину. Я тогда заглянул в

планшет с документами.

— И что же вы там вычитали? — приветливо улыбаясь, спросил следователь.

Видно было, как старший командор напрягся, готовясь эффектно разоблачить проколовшегося на мелочи шпиона северян. С профессионализмом у них явно было не лучше, чем в том же Легионе: Максим невольно вспомнил свой первый день на Саракше, когда комендант заставы пытался заговорить с ним по-хонтийски.

— Прочитать много не смог, — печально сознался он. — Потому как читать по-ихнему плохо обучен, только некоторые условные обозначения на тактической подготовке запомнил... Но в той машине была карта со значками и стрелками.

Старший командор потребовал восстановить по памяти карту, однако землянин наотрез отказался. Столь важные сведения, повторял Мак, можно передать только высшему флотскому начальнику не ниже адмиральского звания. Контрразведчик орал, грозил расстрелом и другими неприятностями за попытку злостно утаить военную тайну, но туповатый верзила подводник уперся рогами и знай твердил свое: подавай, мол, адмирала.

В конце концов следователь вынужден был капитулировать и удалился в другую комнату. Дальним слухом Максим разобрал, как он объясняется с кем-то по телефону. Вернувшись в неважном настроении, старший командор велел мичману Вебтоху собираться и в дальнейшем пенять только на собственную глупость. Упрямого секретносителя посадили в бронированную амфибию, которая доставила его в штаб. Так Максим впервые оказался в монументальном здании с огромной буквой «Цес» над главным входом.

Продолжая корчить из себя не шибко сообразительное порождение трущоб мегаполиса, Максим старательно нарисовал участок побережья, обозначив разноцветными значками основные и запасные позиции, а также рубежи развертывания и пунктирные стрелки маршрутов выдвижения армейского корпуса, усиленного танковой бригадой. Островитян эти сведения безусловно должны были встревожить: самый удобный для высадки сектор оказался прекрасно оборудован в инженерном отношении, а также плотно прикрыт войсками.

Между делом землянин незаметно отодрал от ногтей и скатал плотным шариком прозрачные обрывки биополимерной пленки. Почувствовав подушечками пальцев знакомое биение, он уронил крохотное зернышко себе под ноги. Завтра или послезавтра из этого эмбриозародыша вылупятся полупрозрачные паучки, которые разбегутся по этажу, присасываясь к информационным системам.

Вот теперь операция была завершена — пешка прорвалась через всю доску, превратившись в Белого Ферзя. Оставалось доиграть роль и ждать, пока отцы-командиры на Базе изыщут способ вернуть его на континент. Он позволил себе слегка расслабиться: шевельнул плечами, разминая затекшие мышцы, и сел посвободнее, по-прежнему изображая молекулярной маской истовую готовность служить престолу.

Внезапно очень странно повели себя адмирал и прочие штабные чины. Блаженно улыбаясь, они принялись напевать что-то веселое, совершая плавные пассы ладонями и медленно покачивая торсами. Максим ошалело наблюдал этот дикий концерт, но руки сами скатывали очередной шарик, компонентами которого База снабдила его на крайний случай. Убедившись, что саракшианцы погрузились в нирвану по самые серые помидоры, он прилепил комок полуживого устройства на затылок адмирала — под основание черепа. Потом снова плюхнулся на табурет, так до конца и не поверив в столь немыслимое везение. Надо же — подсадить ментопередатчик начальнику штаба группы флотов!

Слишком уж легко удалась ему эта операция, и Максим заподозрил хитрую ловушку, подстроенную ему аборигенами. Он то проклинал себя, что поддался необдуманному порыву, то искал утешение в сентенциях типа: «Лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном». Как назло, орбитальный комплекс тянул с эвакуацией, а Кролик даже передал пожелание, чтобы Мак передвинул «жучок» на сантиметр левее, а то, видите ли, поступающий к ним сигнал временами теряет четкость. Нервы были на пределе, и тут распахнулась дверь.

«Провалился», — подумал Максим, увидев на пороге саракшианца в штатском. К счастью, способность трезво мыслить не оставила землянина полностью, и он быстро смекнул: чтобы взять двухметрового детину, контрразведка послала бы отряд дюжих спецназовцев, но никак не такого хлипкого недоноски. Между тем незнакомец, обедая адмиральский кабинет снисходительным взглядом, задержал внимание на атлетической фигуре в униформе без знаков различия.

— Вы прибыли на разбитой субмарине? — спросил он.

Максим замешкался, и за него ответил адмирал, пробормотавший в паузе между куплетами:

— Так точно, патриций.

— А почему же он не поет?

На этот раз адмирал не ответил, но сам петь прекратил и обессиленно развалился в кресле. Остальные офицеры тоже умолкли.

Нечто подобное Максим неоднократно наблюдал в Стране Отцов после запуска на полную мощность генераторов «белого» излучения. Аборигены, прошедшие форсированную программу психокоррекции, выглядели обычно такими вот оглоушенными. Одно не стыковалось: орбитальные детекторы не обнаружили в зоне Архипелага того поля, которое создавалось пресловутой системой ПБЗ. Допросы попавших в плен имперцев тоже не давали оснований предполагать, что островной социум оптимизирован методами волновой психотехники. По рассказам большинства моряков складывалась пугающая до полного неправдоподобия картина жизни на клочках суши, охваченных лютой борьбой за выживание. Дарвинизм в чистом виде...

— Интересный экземпляр, — меланхолично проговорил штатский. — Адмирал, я забираю его.

— Конечно, патриций, — поспешно согласился флотоводец, неловко подтягивая узел галстука. — Этот контуженный нам больше не нужен.

— Ах, он еще и контужен, — штатский понимающе поднял брови. — Кое-что проясняется. Пошли.

Вертолет патриция стоял на площадке строевого плаца. В кабину они сели вдвоем — саракшианец был подозрительно беспечен, даже не позаботился прихватить охрану. Максима это обстоятельство слегка смутило: неужели мозгляк-абориген имеет средство, при помощи коего надеется, в случае чего, отбиться от гиганта-спутника? Сколько Максим не ломал голову, ничего путного придумать не мог. Ясно же, что он сумеет уложить патриция одним ударом, будь у того хоть замаскированный пулемет, хоть газовый парализатор, хоть высоковольтный разрядник...

Они полетели над проливом, направляясь к центру Архипелага, когда луч заатмосферной установки отключил электрооборудование винтокрылой машины. Двигатель мгновенно заглох, и вертолет плавно пошел на снижение. Одновременно крохотная родинка, приклеенная к ушному проходу, шепнула голосом Кролика:

— Мак, будь наготове. В течение десяти минут появится шаттл.

Взметнув веер брызг, вертолет врезался в воду и закачался на поплавах. Потрясенный толчком патриций ударился в панику, принялся бестолково щелкать тумблерами. Потом стал звать на помощь, выкрикивая бессвязные фразы в трубку неработающей рации. Максим легонько тряхнул его за плечи, от чего у доходяги клацнули зубы. Саракшианец малость успокоился, и тогда Максим доброжелательно произнес:

— Не надо нервничать, с техникой такое случается. Через полчаса мотор остынет, и мы полетим дальше.

Чушь, произнесенная столь авторитетным тоном, мгновенно успокоила патриция. Абориген послушно затих, завороченно разглядывая приборную доску. Вероятно, ждал момента, когда вновь оживут стрелки циферблатов.

Тайком наблюдая за взвинченным попутчиком, Максим прикинул, что в нынешнем состоянии этот дистрофик может оказаться полезным собеседником. Землянин обратил

внимание, с каким подобострастием обращался к нему адмирал. Яснее корня кубического из восьмерки, что так называемые патриции составляют в Островной Империи элитарную прослойку. С другой стороны, ни один пленный ни словом не обмолвился о делении общества на какие-либо касты.

— Интересуешься? — переспросил патриций, странно ухмыляясь. — Очень забавный экземпляр... Наверняка ты ни черта не помнишь о Трех Кругах — не так ли?

— Правда ваша, — покорно признал туповатый мичман.

— Ну, так послушай, — теперь саракшианец щерился самым издевательским образом. — Ты даже не представляешь, как приятно смотреть на ваши кретинские рожи, когда вы узнаете правду...

Впервые подобный шок Максим пережил с год назад, когда Вепрь и Зеф раскрыли ему глаза на социальную организацию Страны Отцов, сцементированную источниками полей психокоррекции. Тогда казалось, что ничего не может быть отвратительней. Оказывается, может. Обитаемый Остров снова отличился, поразив Мироздание очередным изощренным уродством.

Сто миллионов жителей Островной Империи были втиснуты в систему Трех Кругов. Внешний, самый многочисленный Круг составляли подонки, чернь, быдло, дно. Эти озлобленные и безжалостные существа получали, как правило, лишь минимальное образование и жили в трущобах, где признавалась только грубая сила. Они ежесекундно готовы были унижать, бить, топтать и убивать ближнего, чтобы хоть немного приподняться над окружающими и оказаться под властью еще более сильного подонка. Здесь царили законы и повадки крысиной стаи, согласно которым лучшие куски жратвы и лучшие самки беспрекословно достаются вожаку, обладающему самыми тяжелыми кулаками или самым длинным клинком. Вырваться из замкнутого круга насилия и нищеты можно было единственным способом — в рядах имперской армии, направлявшей агрессивность черни на внешнего врага. Именно из самых здоровых особей дна комплектовались войсковые контингенты до младших офицеров включительно.

Ко второму Кругу относились те, кого на Архипелаге называли гражданами, то бишь средний класс, обыватели. Условия жизни у них были получше, нежели на дне, граждане имели достаточно свободный доступ к образованию, культуре, источникам информации. Яростная борьба за существование имела место и в этой среде, однако конкуренция не принимала экстремальных форм. Гражданам доверялась квалифицированная работа, включая интеллектуальные сферы деятельности. Из числа граждан выходили старшие командиры флота и армии, руководители спецслужб, крупные коммерсанты, администраторы, деятели искусства и науки. Среднему слою, в отличие от черни, разрешалось знать о структуре каст, и граждане буквально молились на систему Трех Кругов, защищавшую их от обитателей дна.

Наконец, были патриции, составлявшие Внутренний, он же Высший Круг — элита, сливки общества, соль и сахар Саракша. Гиганты духа и мысли, счастливые и беззаботные, они проводили время в праздниках и развлечениях, смакуя лучшие плоды цивилизации. Гениальные ученые, великие художники, непобедимые военачальники, прекрасные женщины. Они не знали болезней, их жизнь была погоней за удовольствиями. Чем бы ни занимались патриции, это дело превращалось в сложную игру, победа в которой и являлась для них высшим наслаждением.

Самое же поразительное, что столь антагонистичные касты вовсе не враждовали, а вполне мирно уживались на каждом острове и даже в пределах каждого города. И еще ни разу даже самый безжалостный убийца из числа подонков не поднимал руку на беззащитного, слабого телом и не способного постоять за себя гражданина или патриция. И ни один гражданин не возмущался несправедливостью кастового деления, обрекающего большинство сограждан на скотское прозябание в беспросветном круговороте жестокости...

— Вы чего-то не договариваете, — с отвращением сказал Максим. — Такое противоестественное общество не может существовать. Три колеса не могут вращаться на

одной оси без трения.

— Как ты глуп! — патриций жизнерадостно рассмеялся. — Есть разные способы, чтобы заставить таких, как ты, подчиниться правилам игры, которые устраивают нас.

— Это излучение, как на континенте?

— Ты слишком догадлив, — саракшианец продолжал веселиться. — Излучение, но не такое грубое, каким поливают своих рабов континентальные варвары. Ничего, скоро это излучение смоеет все твои сомнения.

— Вот, значит, почему ты не побоялся остаться наедине со мной, — Максим совсем успокоился, выяснив, что у саракшианца нет при себе никакого супероружия. — Ваши излучатели внушают императив о неприкосновенности патрициев... Но как же те полтора процента, на которых излучение не действует в принципе?

— Кажется, таких убивают при рождении, — рассеянно отозвался абориген, но потом опомнился и вскричал, уставившись на собеседника ошалелыми глазами: — Откуда тебе известно об этих процентах?!

Спустя две минуты, оказавшись в кабине взлетающего на орбиту шаттла, гордый самоуверенный патриций визжал от ужаса и валялся в ногах землян, умоляя посланцев Центрального Светильника не предавать его мучительной смерти...

...Неожиданные звуки заставили очнуться, и Максим с легким удивлением обнаружил, что снова сидит в кабине малотоннажного звездолета. Оказывается, его сладостные воспоминания были грубо оборваны видеосигналом — диспетчерская служба Северного полушария дала добро на старт.

Привычно подтвердив программу полета, он сел поудобнее и расслабился. Далеко внизу под переборками рявкнул, набирая мощность, главный генератор. Корабль завибрировал, преодолевая бездну парсеков, к горлу подступил обжигающий комок тошноты. Затем серая пелена покинула обзорный экран, открыв панораму изменившихся созвездий. Максим вернулся в обычное пространство — к исполнению непосредственных обязанностей.

Взгляд на обстановку. Красный гигант в центре системы, голубой субкарлик на эллиптической орбите. Курсопрокладчик выделил вторую планету меньшей звезды — вероятно, это и был Тамир. Дистанция — четверть световой минуты. Максим тронул клавишу, подтверждая курс. Панорама развернулась — «Барракуда» обратилась носом к Тамиру и начала набирать ход. Автоматика сообщила, что при стандартном десятикратном ускорении корабль выйдет к планете через полтора часа.

Перегрузка совершенно не чувствовалась, поскольку антигравитаторы прекрасно справлялись с дурацкими эффектами классической механики. Кораблем управлял киберпилот, вмешательство человека не требовалось, взять что-нибудь почитать он не догадался, заняться было нечем. Какое-то время Максим бесцельно разглядывал звезды, потом решил послушать эфир.

Из динамика вырвались возбужденные вопли: похоже, переругивались одновременно пять или шесть радиостанций. Кто-то приказывал кому-то немедленно брать обратный курс, предупреждая о нехороших последствиях в случае неповиновения, на что предупреждаемый отвечал не совсем корректными отказами. При этом невозвращенец страшно возмущался, что его обманули, впрыснув не те лекарства. Впрочем, точную картину происходящего составить было сложно: все переговоры велись в радиодиапазоне, а участников бурной дискуссии разделяли солидные расстояния, и потому ответы долетали до «Барракуды» раньше тех команд, на которые отвечал неизвестный, который не желал возвращаться на космодром.

Заинтригованный шеф отдела ЧР включил широкополосный сканер, после чего обстановка в пространстве несколько прояснилась. Со стороны Тамира двигался с предельным ускорением легкий разведчик (идентификатор, пококотничав, выдал название — «Кобра»). Следом, отставая мегаметров на четырнадцать с небольшим, разогнался вчерашний приятель «Трицератопс». Динамик пролаял осипшим голосом:

— Гурон, прекрати валять дурака, у тебя отключен эpsilon-привод. Внешние люки тоже заблокированы, так что за борт не выпрыгнешь.

«Веселые у них тут дела творятся, — подумал Максим. — Как же эти лопухи его упустили? Дураку же понятно было, что Абалкин при первой возможности попытается бежать из-под стражи». Он запрограммировал киберпилоту новый курс — наперерез «Кобре».

На Тамире наконец заметили его появление, и посоветовали не вмешиваться. В переводе это означало, что сейчас база перехватит беглеца на дистанционное управление. Так и случилось — разведчик стал быстро сбрасывать скорость. «Трицератопс» тоже притормаживал, явно готовясь взять «Кобру» на бордаж.

Динамик сказал голосом Абалкина:

— Хотите исследовать мой труп? Не дождетесь... — последовала пауза, заполненная звуками тяжелого дыхания. — Я слишком слаб, мало осталось. Все равно конец без детонатора. Передайте Майке, что я не сержусь на нее...

— Лева, успокойся, — крикнул Максим. — Мы сделаем все, чтобы спасти тебя.

Ответа не последовало. Три корабля медленно сблизились.

«Вот так же имперский фрегат подходил к нашей субмарине», — подумал вдруг Максим. Он уже различал на экране бортовую раскраску остановленного разведчика, к которому плавно подтягивался огромный корпус боевого корабля. Когда между ними оставалось не больше километра, «Кобра» вдруг превратилась в разбухающий шар плазмы.

Персонал базы выглядел, словно после виртуозной экзекуции, хотя таковая всем еще только предстояла. Тахорг, к которому Максим обратился за подробностями, долго морщился, но потом все-таки рассказал, что тут произошло.

По его словам, организм Абалкина то и дело принимался генерировать слабые биофизические поля, каких у нормального человека быть не может. Стабилизировать состояние Подкидыша не удавалось, и врачи потихоньку начали поговаривать: дескать, в крайнем случае, если помрет, сможем узнать много интересного в результате патологоанатомического исследования.

Однако сегодня утром Абалкин вдруг заявил, что готов дать показания, но для этого медики должны вкачать ему лошадиную дозу транквилизаторов и антибиотиков. Тахорг посоветовался со специалистами, и те согласились, что ударная порция медикаментов на некоторое время вернет больному организму почти нормальные функции, но затем неизбежно наступит острейший кризис.

Тут мнения врачей разделились. Одни говорили, что современный человек может выдержать любые нагрузки. Другие возражали, что Абалкина нельзя считать современным человеком, так как кроманьонец — это совсем другой биологический вид. В любом случае большинство предрекало отказ основных систем, включая иммунную, эндокринную и периферийную нервную, а также химическое разрушение клеток, массовую гибель эритроцитов и даже деформацию генного вещества. Кроме того, медики практически единогласно заверили руководителя операции: подобных перегрузок не выдержит даже фукамизированный организм.

Тахорг оказался в затруднении, а потому после долгих терзаний принял половинчатое решение. По его приказу, Гурону ввели тонизирующий препарат и небольшие дозы общеукрепляющих препаратов. Вскоре пациент встал с койки, сделал несколько простых упражнений и потребовал отвести его на допрос. Оказавшись в коридоре, Абалкин уложил голыми руками конвоировавших его сотрудников управления "Т", прорвался в ангар и захватил единственный готовый к старту корабль.

— У меня были смутные подозрения, что Гурон собирается покинуть планету, — признался Тахорг. — Поэтому я приказал передвинуть остальные корабли на другую стартовую площадку. Он мог взлететь только на «Кобре», которая была оборудована дистанционным управлением.

— То есть, уйти в подпространство ему бы все равно не удалось, — резюмировал

Максим.

— Вот именно. Дальнейшее ты видел — поняв, что его план побега провалился, Гурон подорвал бортовой реактор и погиб вместе с кораблем... Зато мы узнали, куда намеревался направиться наш приятель. Телеметрия показала, что он запрограммировал курс на систему белого карлика ЕН... забыл номер.

— Там есть что-нибудь интересное, какие-то артефакты Странников, населенные планеты?

Разведя руками, коллега поведал историю, ставшую за последние дни привычной: информационные системы отказались сотрудничать, сославшись на необходимость получить особый допуск. Тогда Максим вызвал командира «Трицератопса» и попросил рассказать, что тому известно о ЕН-4683.

— Знаю такую, бывал лет десять-двенадцать назад, — сказал космонавт. — Чистенькая система, этот белый карлик аккуратно заглотал весь астероидный мусор.

— Планеты есть? — быстро спросил Тахорг.

— Есть одна — с Меркурий размером. Называется Гараж. Круговая орбита радиусом около двух астрономических единиц. Атмосферы нет — мертвый каменный шарик. Насколько я помню, планету использовали как могильник вредных технологических отходов. Мы приблизились, сбросили контейнер с облетной траектории, а потом сразу ушли.

— Понятно, — сказал Максим. — Точнее, ничего не понятно.

— Вот именно, — сказал Тахорг. — Не могу сказать, чтобы мне это нравилось.

Вечером, доложив о неприятностях, случившихся в окрестностях Тамира, Максим ждал разноса или, по меньшей мере, длительного брюзжания о потере профессионализма. Ничего подобного, к его удивлению, не произошло. Экселенц молча пожал плечами и только проворчал:

— Значит, дело закрыто. Пока... — помолчав, он добавил: — Абалкина жалко, но в общем, исход кризиса можно считать не слишком драматичным. Теперь можно признаться — я ожидал худшего.

— Остаются еще десять Подкидышей, — заметил Максим. — В любой момент нечто подобное может случиться с кем-нибудь из них.

— Не сгущай краски, — в голосе старика прозвучала неимоверная усталость. — Нам нужно выиграть время.

— Зачем? Вы не хуже меня должны понимать, что земная наука не скоро разберется в конструкции детонаторов.

Экселенц посмотрел на него с прищуром, словно раздумывал, стоит ли продолжать этот разговор. Затем медленно проговорил:

— Инициатива в этой партии принадлежит противнику. Мы можем рассчитывать на победу лишь в случае, если сумеем подловить Странников на ошибке. Поэтому следует старательно притворяться, будто ничего не случилось. Пусть они делают следующий ход. Теперь мы знаем чуть больше, чем неделю назад, и будем готовы к некоторым сюрпризам Внешней Угрозы.

Он разрешил Максиму идти, но напомнил, что послезавтра они летят на Радугу, где собирается верхушка Вышестоящей Организации. «Я тоже приглашен?» — спросил Максим. «Я представляю тебя в качестве своего преемника», — сказал Павел Григорьевич. Максим даже не знал, должен ли он благодарить за такое доверие. Тем не менее поинтересовался, чем кончилась история с Бромбергом. Экселенц сообщил, что после обследования в австралийской клинике старина Айзек заметно присмирел и даже согласился на длительное лечение.

— Мне почему-то кажется, что клинике непонятным образом оказались люди из управления "Т", — сказал Максим. — Причем ментоскопирование совместили с легкой коррекцией личности. Я угадал?

— Нет, — сказал Экселенц. — Такими вещами у нас занимается управление "П". А теперь ступай.

8. Архивный файл.

Совершенно секретно

Стенограмма заседания Тайной Коллегии. bwi://ExtremCom/.0032.078-21

Радуга, Аодзора, филиал Комиссии по чрезвычайным ситуациям

8 марта 78 года.

ТЕРМИНАТОР: Главные проблемы, которые стоят сегодня перед нами, сводятся к нескольким достаточно непростым вопросам. Во-первых, следует все-таки установить — погиб Гурон, или сумел спастись. Во-вторых, остается без ответа основная дилемма — превратился ли Гурон в автомат Странников, как полагают Павлик и Андрей, или его поступки диктовались факторами психопатического характера. Последней точки зрения придерживаются Мак, Тахорг и Этернал. Кроме того, по ходу обсуждения неизбежно возникнут другие вопросы.

ТИРЕКС: Позвольте начать мне, поскольку завершающий этап событий развернулся на моем поле. К сожалению, у нас нет оснований сомневаться в летальном исходе. Телеметрия до последнего момента подтверждала присутствие Гурона в кабине пилота. Локаторы «Трицератопса» фиксировали передвижение любых материальных тел вокруг «Кобры». Если бы Гурон попытался катапультироваться, мы бы это обнаружили. Кроме того, на борту «Кобры» не имелось скафандров. Я уже не говорю о такой мелочи, как заблокированные внешние люки. Правда, мне уже довелось выслушать массу интересных гипотез, будто трансформация Гурона в супермонстра могла дать ему способность управлять показаниями наших приборов и даже существовать в вакууме без средств индивидуальной защиты. Советую оставить этот бред для журналистов. Последнее исследование, завершенное буквально за полчаса до побега, подтвердило, что организм Гурона оставался человеческим, никаких анатомических или метаболических аномалий выявить не удалось. При побеге он также не использовал средств, выходящих за пределы возможностей среднестатистического прогрессора. Поэтому наш вывод — Гурон погиб при взрыве корабля.

КЕНТАВР: Мы в Комиссии по чрезвычайным ситуациям провели свой анализ инцидента и полагаем, что колебания биополя Подкидыша не дали нам новых знаний, поскольку не поддаются однозначной интерпретации. История с Абалкиным пролила свет лишь на одно обстоятельство. Теперь известно, что Странников интересуется наш могильник на Гараже.

ТИРЕКС: Эта информация лишь подтверждает прежние предположения. Мы и раньше были уверены, что в подсознании Абалкина заработала заложенная Странниками программа. Голованы это почувствовали, а потому сдали его Максиму. Прибыв на Землю, он был уже не вполне человеком.

ЭТЕРНАЛ: По большому счету, реакция голованов была единственной серьезной уликой против Гурона.

ТАХОРГ: Уважаемый коллега забывает о двух других уликах. В первую очередь я имею в виду все те же трансформации биофизического поля. Несомненно, в организме Гурона протекали непонятные нам процессы, обусловленные внешними факторами. Кроме того, он получил чутье, позволившее обнаружить саркофаг с детонаторами, о которых Абалкин ничего толком знать не мог.

ЭКСЕЛЕНЦ: Обращаю ваше внимание, что он вообще действовал неадекватно. Полагаю, он находился в полубезумном состоянии. И, следовательно, его поступками — пусть не всеми, но некоторыми — руководил не человеческий разум, а программа, закодированная в генах кроманьонского зародыша.

МАК: Думаю, Абалкин не врал, когда объяснял свои поступки желанием выяснить, человек он или андроид.

ТЕРМИНАТОР: Одно не исключает другого... Предлагаю на этом завершить обсуждение первого вопроса. Пойдем дальше. Кризис преодолен, но не исключены

рецидивы. Вам известно предложение службы тайных операций — провести полностью контролируемый эксперимент с другим «близнецом». Например, с тем же Корнеем Яшмаа.

Подавляющим большинством голосов решено не спешить.

Подробности обсуждения — в гипертексте.

См. файл [bwi//ExtremCom/.0032.078-21](#)

МАК: Не кажется ли уважаемым коллегам, что следует разобраться, для чего Странникам понадобилось отправлять Гурона на Гараж?

ТИРЕКС: Допустим, я могу догадаться, что интересуется их на той планете.

ТЕРМИНАТОР: Согласен, но лишь частично. До сих пор мы полагали, что известные артефакты принадлежат Странникам. Но теперь я в затруднении. Если Внешняя Угроза прилагает такие усилия, чтобы проникнуть к этим предметам — стало быть, артефакты изготовлены другой расой.

ПРОКОНСУЛ: Коллега немного опередил события. Мои аналитики также пришли к заключению, что активные действия Странников затруднены встречными мерами иной ВСЦ. Не будь равных по силе конкурентов, Странники отправились бы на Гараж сами, не прибегая к посредничеству землян-мутантов.

ТЕРМИНАТОР: Ладно, вернемся к этому позже.

ТАХОРГ: По-моему, вы забыли ответить на вопрос Мака.

ТИРЕКС: Про Гараж? Это не столь важно.

ЭКСЕЛЕНЦ: Важнее понять, для чего Странники — если это были действительно Странники — закрутили историю с Подкидышами.

КЕНТАВР: Кто сказал, что найденные Комовым Подкидыши предназначались именно для нас? Личинки тагорян были захоронены на самой Тагоре. Но у них не было детонаторов. Возможно, и на той планете упрятаны яйцеклетки гуманоидов, рожденных на совсем другой планете...

ПРОКОНСУЛ: У нас нет уверенности, что тагоряне обнаружили только личинки. Они могли просто не сообщить обоим КОМКОНам о детонаторах, а мою службу, как вам известно, на Тагоре не допускают.

КЕНТАВР: Позвольте мне все-таки продолжить. Странники старше нас на миллион лет, они следили за нами всю эту бездну времени. Черта с два они позволили бы нам найти то, что не предназначено для людей. Либо они решили, что мы должны это найти, либо — их давно нет в наших краях, и наш сектор Галактики контролируют вовсе не Странники.

ЭКСЕЛЕНЦ: У любой медали есть третья сторона. Ты забываешь о третьей вероятности: Странникам глубоко безразлично — найдем мы их технику, или нет.

ТЕРМИНАТОР: Кажется, мы вернулись к проклятым вопросам, над которыми бьемся уже которое десятилетие. Единственное оружие, которое люди способны применить против Странников и других ВСЦ — это логика. К сожалению, такое оружие не всесильно. Вероятно, мы способны создать логически непротиворечивую картину вмешательства ВСЦ в наши дела. Но это будет наша человеческая логика, а ведь мы ни черта не знаем о приоритетах и глобальных замыслах Странников. Поэтому, даже разработав некую базовую модель, мы не будем до конца уверены, что не ошибаемся в своих догадках и выводах.

КЕНТАВР: Главный из проклятых вопросов: «Чего могут добиваться Странники?» Для меня очевидно, что не существует физической угрозы Земле или, что почти то же самое, человечеству. Странники, в силу одного лишь возраста своей расы, неизмеримо превосходят нас технологически, современный наш уровень они миновали еще 7-10 миллионов лет назад. Вздумай они уничтожить Землю — сделают это мимоходом, мы бы ничего даже не успели заметить. Что остается? Во-первых, чисто научный интерес, который может быть оскорбителен для нашего самолюбия, но никак не опасен. Во-вторых, подготовка к установлению полномасштабного Контакта — это возможно, хотя и сомнительно. Ведь от нас они ничего полезного для себя не получают, а передавать человечеству достижения Странников — дело обоюдно опасное, как если бы люди вздумали подарить импульсные пушки арканарским инквизиторам.

Единственное, что представляет хоть какую-то угрозу, это: во-первых, попытки скорректировать азимут эволюции человечества, согласно инопланетным представлениям о законах и тенденциях прогресса, а во-вторых, попытки использовать молодые цивилизации в конфликтах космологического порядка — например, в противоборстве с другими ВСЦ.

ТИРЕКС: Считаю свои долгом напомнить уважаемым коллегам о соображениях молодого Кондратьева. По его мнению, ксенологи ошибаются, рассматривая сооружения Странников, как базы исследовательских экспедиций. Построенные на Марсе и Владиславе города слишком огромны. Это явно поселения, предназначенные для долговременного обитания. Так что не Следопыты они вовсе, а Колонисты. И еще Кондратьев обратил внимание, что мы встретили похожий подпочвенный город, только обитаемый — на Ковчеге. Кстати, эта планета относится к тому же типу, что и Марс. Отсюда можно развить гипотезу, что в катакомбах Ковчеге по сей день живут Странники.

КЕНТАВР: Концепция любопытна, хотя ничем не лучше любой из тысячи гипотез такого типа. Признаюсь, мне трудно представить расу, которая выбрала для жизни Марс, но не обратила внимания на расположенную по соседству Землю.

ТЕРМИНАТОР: О вкусах не спорят.

ЭКСЕЛЕНЦ: Давайте, вернемся к прогрессорской активности на Земле, в связи с чем у меня возникают два вопроса. Первый: Какие цели стоят перед Прогрессорами — земными или инопланетными? Попросил бы высказаться специалиста по Проникновению, то есть коллегу из службы "П".

ПРОКОНСУЛ: Ну вот, чуть чего — на нас кивают... Ладно, поговорим серьезно. Да, согласен, мы самым бесцеремонным образом вмешиваемся в эволюцию младших братьев по так называемому разуму. Например, открыли псевдоцивилизацию Тагоры — и тут же внедрили своего агента. Из самых лучших побуждений, конечно. Итог известен. Наша беда в том, что мы влачим тяжкое бремя землянина, возложив на себя обязанность распространять по Вселенной яркий свет высшей, как нам кажется, цивилизации. Наверняка в Галактике найдется немало других народов, которые так же мучаются комплексом обремененности.

На мой взгляд, главная цель прогрессорства — направить развитие некоей менее развитой расы по определенному руслу, избавить от ошибок на пути прогресса. Субъективно мы желали только добра аборигенам Саулы, Саракша, Гиганды и других планет. Возможно, самим аборигенам наше вмешательство кажется не столь уж благотворным, или даже враждебным. Помогли мы младшим братьям или нет — вопрос неоднозначный. Прогресс ускорить трудно, слишком много при этом возникает психологических, экономических, социальных проблем. Проще сразу дать младшим братьям готовую технологию и обучать подрастающее поколение жить по-новому. Но при этом — необходима оккупация и репрессии против защитников старого уклада. Налицо также негативный аспект — гибнет уникальная культура, вместо которой возникает более или менее приблизительная (наверняка в ухудшенном варианте) копия культуры цивилизации-прогрессора.

Поэтому куда пристойней выглядит деятельность моего ведомства. Мы не посягаем на самобытность иных цивилизаций, но лишь изучаем и, пардон, присваиваем их достижения. Согласитесь, что вульгарный грабеж все-таки лучше вооруженного разбоя, которым грешат прогрессоры.

ЭКСЕЛЕНЦ: Второй вопрос. Почему прогрессоры действуют тайно? Попытаюсь ответить сам.

Предполагается, что слаборазвитые цивилизации не способны понять, что такое Высшая Цивилизация. Как правило, аборигены принимают старших братьев за агентуру враждебных сил. Стало быть, раз Странники не вмешиваются открыто, они сомневаются в нашей способности постичь истинную сущность или смысл их замыслов. Следовательно, наши представления о Странниках, как о народе космических бродяг, на протяжении миллионов лет изучающих Галактику, невероятно далеки от реальной картины.

ТАХОРГ: Другой вывод. Странники действуют на Земле тайно из опасения, что мы примем их за своих естественных врагов. В таком случае получается, что у нас есть такие

враги, хотя до сих пор мы об этом не догадываемся?

ТИРЕКС: Они не могут опасаться, что мы идентифицируем их с естественным врагом, поскольку мы вообще не знаем о существовании такого врага. До последнего времени мы считали Странников старшими братьями, по умолчанию — добрыми. Поэтому у них не было нужды в конспирации. Возможно, конспирация — вынужденная мера, чтобы избежать открытого Контакта. Например — чтобы не передавать нам технологию или информацию.

КЕНТАВР: Мы и так получаем кое-какую информацию, исследуя следы их пребывания на разных планетах.

ТЕРМИНАТОР: Не так уж много информации удалось выдать из следов Странников. Похоже, они тщательно оберегают нашу культуру от внешнего влияния.

ЭКСЕЛЕНЦ: Независимо от степени дикости аборигенов, прогрессор ВСЦ представляется им не столько опасным, сколько раздражающим. Не враг, а жупел. Его можно обвинять во всех грехах и бедах, но никто всерьез не верит, что он действительно замышляет зло для местного истеблишмента. Ведь ни один серьезный арканарский инквизитор не верил, что Румата — ируканский шпион. Поэтому предлагаю новую версию. На Земле действует агент или агенты Внешней Угрозы. Многие странные события, регулярно регистрируемые нашими службами, могут быть следствием акций, которыми Странники оберегают тайну своей агентуры. Последняя (я имею в виду инцидент с Гуроном) акция Странников, скорее всего, явилась их ответом на какие-то наши действия.

ПРОКОНСУЛ: А мы считаем, что срабатывание детонатора стало бы сигналом, что человечество достигло уровня, на котором возможно партнерство. Или — признак, что человечество стало слишком опасным. Или — начало очередного этапа эксперимента над нашей цивилизацией. Можно гадать до бесконечности.

ТЕРМИНАТОР: В любом случае следует ждать новых активных действий Внешней Угрозы, причем в самое ближайшее время.

ЭКСЕЛЕНЦ: Мы пытаемся одновременно рассматривать две взаимоисключающие версии. Если у них есть агент на Земле, то зачем нужен сигнал детонатора?

ТИРЕКС: 50 тысяч лет назад, когда закладывался саркофаг, они не знали, что будут иметь агента, который проинформирует их о ходе эксперимента. Кроме того, возможно, что они не до конца посвятили своего резидента во все подробности проводимой операции. Детонатор же передает в Центр исчерпывающую и надежную информацию.

ТЕРМИНАТОР: Следовательно, резидент — человек, а не Странник.

ТАХОРГ: Коллеги, меня только что осенило. Если Т.Глумов не может быть сыном никого из людей, то он должен быть сыном не-человека. Иными словами, Глумова родила ребенка от неземянина. Может быть, имело место искусственное оплодотворение Странниками с целью получить идеального агента на Земле. Версия хорошо коррелирует с давними подозрениями относительно нелояльности Глумовой.

ТЕРМИНАТОР: Ну вот, мозговой штурм дает первые результаты. У нас появляются новые направления для работы. Мы наконец-то нащупали хвост Хорька, заброшенного в наш Курятник. Пора ставить мышеловку.

ТИРЕКС: Мышеловка может оказаться слишком ненадежной ловушкой для хорька.

ТЕРМИНАТОР: Ничего лучшего у нас под рукой нет.

ЭКСЕЛЕНЦ: Самое гадкое, что мы работаем в крайне неблагоприятной обстановке. Я жду новых интриг со стороны КОМКОНа и лично Комова. Не сомневаюсь, что эта команда снова выступит против нас в Мировом Совете.

КЕНТАВР: Есть признаки?

ЭКСЕЛЕНЦ: Например, его подозрительное превращение в союзника в деле с Бромбергом. Кроме того, в первый день, когда вместо Гурона за детонаторами явился Айзек, кто-то обесточил всю автоматику в музее. Если бы не сработал кибер-манекен, Абалкин легко обнаружил бы меня.

ТИРЕКС: С тобой были Мак и кто-то еще... Хотя, согласен, Гурон мог скрутить даже троих.

ЭКСЕЛЕНЦ: Вот именно. В таком случае Подкидыш получал возможность без помех использовать детонатор, и научное любопытство Комова было бы удовлетворено. Наш великий Следопыт вплотную приближается к разгадке замыслов Странников. И его, конечно же, не интересует цена, которую придется заплатить человечеству за это знание.

КЕНТАВР: Внимание, я только что получил сообщение с Земли. Павлика и Андрея срочно вызывают на специальную сессию Мирового Совета. Предстоит разбор обстоятельств по делу Абалкина.

ТИРЕКС: Вот теперь они прикроют Контору окончательно.

ТЕРМИНАТОР: Прикрыть не прикроют, но кровь нам попортить постараются. Самое время запускать в действие директивы «Крот» и «Ленточный червь».

Текст дальнейшего обсуждения изъят по соображениям внутренней безопасности.

ЧАСТЬ II

Нет хода — не вистуй.

9. Земля-Луна, 5 декабря 83 года.

С утра он не предполагал покидать Планету. Просмотрев поступившие за уик-энд сообщения, Мак вызвал инспекторов. Подобно персонажам известного стихотворения, жизнерадостно галдящие ребяташки ворвались шумною толпою. Кое-как разобравшись в этой поли-како-фонии, Максим усвоил, что они одновременно обсуждали последние события на спортивных аренах, бродвейскую премьеру «Полуденного возвращения», анонсированную на завтра прямую трансляцию марсианского конкурса пародистов и недавнее переиздание мемуаров Павла Судоплатова с комментариями покойного Проконсула. Не прекращая болтовни, братва отсалютовала шефу и развалилась по креслам.

— А ну-ка, прекратить бедлам, — положение обязывало изображать строгого старого брюзгу. — И давайте по-одному. Начинай, Сандро.

Они хорошо понимали друг друга, хотя их прежняя совместная служба получилась недолгой — как бы не короче последовавшей разлуки. И тем не менее, когда Максиму наконец разрешили вернуться к прежней деятельности, и он разослал приглашения старым сотрудникам, ни один не отказался. А ведь понимали, что работать станет труднее, да и масштабы нынче уже не те...

Сделав серьезное лицо, Сандро сообщил, что ему припоминается бородатый анекдот, завершаемый ударной фразой: «А это — супруги Уиллисы: Арнольд, Сильвестр, Жан-Клод и Николас». Народ сдержанно посмеялся, а остроумный батано Мтбевари изложил новости по делу 01-52 — «Групповая семейка Адамс». Как было заведено в отделе, он называл всех фигурантов исключительно кодовыми кличками — это правило неукоснительно соблюдалось во всех делах, которыми отдел занимался сверх программы. Детали таких операций могли знать только исполнитель и начальник подразделения.

Вторым докладывал Клавдий Худоев. Старый друг и соратник задумчиво поведал, что в деле 01-24 «Кукла наследника» возникли неожиданные осложнения: к фигуранту прилепился посторонний.

— Кто-то ищет контакты с Наследником Тутти? — насторожился Максим.

— Кто-то наладил контакт с Суок.

— Тесный контакт?

— Я свечку не держал...

— Ладно, разберемся. Андрюша, что у тебя с «Болотным кроликом»?

Ребяташки отчитались, получили новые задания на неделю и были отпущены с миром, но не все. Мак попросил исполнителя «Куклы наследника» остаться и рассказать подробности.

— Рассказывать особенно и нечего, — Клавдий развел руками. — Герой-Следопыт,

прилетел на заслуженный отдых с глухой периферии, где раскапывал артефакты Странников. Обозлен на весь мир, кроет предпоследними словами нашего друга Мерлина Кондратьева — не восходящее, де, светило ксенологии, а перестраховщик, сделавший себе имя на подтасовке фактов. На почве подобного родства душ стремительно сблизился с фигурантом, две последние ночи провели вместе.

— Разговоры фиксировал?

— Они в койке не больно-то трепались.

— А я тебе не предлагаю хватать их за ноги, — усмехнулся Мак. — Бери под прессинг, когда они о делах беседуют.

Клавдий напомнил о двух висящих на нем делах «Полосатые лангольеры» и «Инфернальный лимит». В ответ Максим тонко намекнул: дескать, и не мечтай спихнуть плановые задания на кого другого.

Обмен пожеланиями был прерван сигналом фона. Вызывали по служебному каналу. «Контакт», — машинально сказал Мак. Над аппаратом запульсировало облако разноцветного хаоса, затем из пестрых лоскутков сформировалось знакомое лицо. Нгуен Ши Тонг, служебный псевдоним Циклон, был вторым человеком в НИИ Космической Спецтехники и до недавнего времени доводился М.Каммереру непосредственным начальником.

— Привет перебежчикам, — сказал Циклон. — Мы не в обиде на тебя и ждем блудного племянника в Третьем Бункере.

— По какому поводу сабантуй?

— На полдень по средне-лунному намечена большая репетиция.

— Вот обрадовал, — возмущенно заворчал Мак, прикидывая разницу часовых поясов. — Как я доберусь туда за сорок минут? Научитесь хотя бы за сутки предупреждать. У меня весь день поминутно расписан.

Доброжелательно улыбаясь, Циклон посоветовал переписать заново все графики встреч и заодно напомнил о системе нуль-транспортировки, связавшей с Планетой все спутники — как естественный, так и рукотворную мелочь. В свою очередь Максим язвительно напомнил о сверхъестественных мерах безопасности, делавших бункерную сеть управления "F" неприступной, а вернее — недоступной. Ближайшая Нуль-Т-кабина наверняка находилась не ближе десятка километров от входа в 3-й Бункер.

— Не тяни время, — посоветовал Циклон. — Тебе известен код камеры в этом месте. Твой допуск тоже никто не аннулировал — мы по-прежнему считаем некоего Каммерера своим сотрудником.

Когда собеседник прервал связь, Мак очень тяжело вздохнул, отпустил Клавдия и заблокировал настольный кибер-блок информатора на все положенные защитные пароли. Всякий раз, выполняя эту процедуру, он с известной дозой черной иронии представлял ситуацию: вот хватит меня сейчас Кондратий (скоротечный инфаркт, например, или метеорит сверзится, или Странники террориста-киллера подошлют) — то-то будет коллегам хлопот заново проникнуть в этот гроб с информацией!.. От жизнеутверждающих раздумий его отвлекла призывная мелодия радиобраслета. Микрофон заговорил голосом Этернала, который пять лет назад сменил Экселенца на посту президента КОМКОНа-2.

— Я слышал, ты собираешься на Луну, — сказал шеф. — Когда освободишься, загляни в гостиницу «У Погибшего Астронавта». Буду ждать.

Стоило прикоснуться к сенсору, как тесная земная кабинка трансформировалась в трехместную камеру. На соседнем диске-фиксаторе стоял сердитый гуманоид баскетбольной комплекции. Мембрана входа расплзлась симметричными клочьями, и голос кибер-диспетчера потребовал:

— Немедленно освободите площадку. Ожидается прибытие новых пассажиров.

По дороге от Нуль-Т-камеры охрана дважды проверяла его идентификатор, тестируя папиллярные узоры, рисунок глазной сетчатки и хромосомный состав крови. У последней двери стража разглядывала шефа Уральского отдела ЧП так сурово, что Максим даже усомнился — уж не агент ли он Внешней Угрозы. Однако пронесло (не в желудочном,

впрочем, смысле), и представитель КОМКОНа-2 был благополучно допущен в демонстрационный зал ОПЕРКОС.

В полумраке светились две громадные голограммы: часть Ближнего Космоса, ограниченная Поясом Астероидов (собственно говоря, этот клочок пространства и был основной заботой Оперативного Командования Системы), и галактические окрестности Солнца. На первой картинке были видны узлы обороны, опоясавшие центр Солнечной Системы: станции гравилораторов дальнего и сверхдальнего обзора, командные пункты секторов, боевые корабли на выжидательных позициях, стационарные ударные комплексы. Вторая трехмерная карта изображала все колонизированные миры, основные научные базы, навигационные маяки, черные дыры и прочие достопримечательности, а также широкий пояс еще не исследованных звезд и скоплений в радиусе тысячи световых лет от Земли. Карта непрерывно дополнялась свежей информацией Службы Дальнего Слежения, а потому на ней то и дело возникали трассы кораблей, бороздивших Ойкумену.

Красная точка загорелась возле символа Земли и тут же стала удлиняться, превращаясь в пульсирующую узенькую полоску. Спустя минуту с небольшим эта черта дотянулась до системы Кассандры. Рядом с трассой высветился комментарий: Рейс 36-24, звездолет 17-го проекта класса «Призрак». Вскоре на голограмме появилась еще одна подпространственная траектория — вне расписания возвращался на Землю грузопассажирский «Призрак-12» с Гиганды.

Чуть позже Дальнее Слежение сообщило о рейсе Ружена-Пандора, и в этот момент Максим услышал за спиной недоуменный вопрос:

— Почему здесь оказался человек из КОМКОНа-второго?

Другой голос — вроде бы знакомый — пояснил:

— Каммерер несколько лет работал в ОПЕРКОСе. Его пригласили, как соавтора сценария.

Слегка повернув голову, Мак краем глаза зафиксировал говоривших. Возмущался его присутствием тот самый долговязый — такому вполне подошла бы кличка Жираф — гуманоид, который телепортировался в Бункер вместе с ним. Отвечал же длинному зануде сам Комов, тоже не самый лучший друг службы "К".

Максим сжал челюсти, чтобы не взорваться. Он так и не смог свыкнуться с новым отношением к людям своей профессии. За последние годы кто-то приложил колоссальные усилия, тужась представить наследников Галбеца кучкой ограниченных догматиков, спекулирующих ими же выдуманным жупелом Внешней Угрозы.

Отвлекая от тягостных мыслей, кто-то похлопал его по плечу, сопроводив ободряющий жест дежурным приветствием. Это промчался мимо своим торопливым шагом руководитель службы "Ф" Грегуар Линк, известный в Тайной Коллегии под псевдонимом Сирокко. После памятного июльского Погрома пятилетней давности, когда сильно сдал быстро стареющий Терминатор, именно Линк, по существу, возглавлял Вышестоящую Организацию.

Встав в центре зала между двумя голограммами, Сирокко объявил начало демонстрации. Пока директор НИИ произносил общие слова, Мак оценил рейтинг тусовки. Большинство составляли высшие чины Следопытов, Прогрессоров и Космофлота, среди которых изредка мелькали известные фигуры из различных ведомств. Мировой Совет никого не прислал — явились только Комов и Хансен, которые были приглашены по роду основной службы.

Атака началась неожиданно. На карте появились три голубые черты, тянувшиеся к Солнцу со стороны Северного полюса Галактики. Центр обработки информации молниеносно сообщил: риманову метрику прокалывают неопознанные объекты, рубеж старта предположительно находится на расстоянии 1400-1600 световых лет, расчетная точка возвращения в трехмерное пространство — ближние окрестности Земли.

На схеме было видно, как включились оборонительные комплексы. Всасывая чудовищные дозы псевдоквантов Единого Поля, генераторы перекрыли Каппа-D-щитом весь гиперсегмент подпространства вдоль нулевых координат. Напоревшись на вихревую стену,

неизвестные корабли мгновенно растаяли, размазанные на кварки. Вакуум отозвался нейтринным штормом.

Поежившись, кто-то из прогрессоров заметил:

— Не завидую тем, кому вздумалось путешествовать через нуль-Т.

— С объявлением тревоги транспортная сеть блокируется, — сообщил Циклон. — Так что, когда начинаются флуктуации, в подпространстве никого быть не должно... Вот, посмотрите, готовы результаты предварительных оценок.

Как сообщала информационная служба, разрушение групповой мишени сопровождалось мощными выбросами широкого спектра частиц и колебаний. Отсюда нетрудно было сделать вывод, что атакующие корабли имели на борту солидный запас антивещества или другие источники концентрированной энергии.

— Носители боеголовок, — резюмировал Сирокко. — Целились точно по Земле... А вот и продолжение.

Теперь к центру карты двигались сразу два пучка многомерных трасс: четыре объекта прорывались в плоскости галактического экватора и еще два — с направления на Южный полюс. ЦОИ оперативно доложил, что эскадры выйдут из подпространства между орбитами Земли и Марса — чуть ниже эклиптики.

На этот раз каппа-щит не включался. Ударили гиперонные ускорители, перепавшие сверхмощными импульсами гигаметровый куб, в котором ожидалась материализация мишеней «экваториальной» группы. Когда эти корабли вышли в обычное пространство, их поджидал шторм разрушительной энергии, так что даже обломков не осталось.

Голограмму затуманили помехи, но можно было разобраться, что оба крейсера — «Трицератопс» и «Стегоцефал» — коротким прыжком переместились в расчетный куб выхода «южной» групповой цели и встретили атакующих импульсными залпами.

— Нападение отражено, — торжественно провозгласил Сирокко. — Как вы могли убедиться, мы успевали перехватить ударные флотилии, даже не фиксируя момент их старта к Земле. Однако для построения более надежной обороны необходимо разместить станции слежения на внешнем периметре освоенных миров. Хотя бы в радиусе двухсот парсек от Солнца.

По толпе гостей пополз шумок. Все хорошо представляли, какие ресурсы потребует столь грандиозная программа. Между тем Комов, скривив откровенную гримасу, подошел к Маку и скептически проворчал:

— Все это — жалкие потуги. Наше оружие — против нашего же оружия. Если вы намерены всерьез воевать против ВСЦ, вам нужно сверхоружие.

— Никто и не собирается всерьез воевать, — неприязненно сказал Максим, не простивший кое-кому истории с Погромом. — Мы просто пытаемся быть на уровне.

Оказавшийся рядом Циклон миролюбиво заметил:

— У нас разные подходы. Вы ищете братьев по разуму, а мы охраняем от них Землю.

— Охранники нашлись, — забрюзжал долговязый Жираф, неотступно следовавший за Комовым. — Вы хоть представляете себе, какие задачи ставили перед собой братишки по разуму, которых вы уничтожили?

— Допустим, уничтожали мы не братьев по разуму, а свои же списанные корабли, — напомнил Циклон. — И вообще...

Он охотно изложил результаты анализа, странным образом совпавшие со сценарием маневров. Потенциальный противник рассчитывал нанести массированный удар боеприпасами сверхбольшой мощности непосредственно по Земле, а затем бросить в обезглавленную Систему десантные соединения.

В ответ Жираф, презрительно усмехаясь, напомнил: дескать, к моменту открытия огня не было никаких доказательств, что приближающиеся корабли имеют враждебные намерения. Он даже предложил родившуюся экспромтом альтернативную версию случившегося: узнав о глобальной катастрофе (например, о скором превращении Солнца в Сверхновую или о приближении плотного облака антивещества), грозящей человеческой

цивилизации, некая ВСЦ решила оказать людям оперативную помощь. Все находившиеся поблизости корабли этой расы получили приказ немедленно следовать к Земле, чтобы оказать посильное содействие, однако спасатели были аннигилированы неблагодарными аборигенами.

— Мы не балуемся софистикой, — обиделся Циклон.

— Да и доктор Берлонг подобными рассуждениями прежде не увлекался, — удивленно заметил Комов. — Вы, коллега, явно не с той ноги сегодня...

Покровительственно похлопав его по плечу, Жираф-Берлонг достал из кармана игриво раскрашенную в крупный горошек коробочку с большой красной кнопкой. Когда он нажал эту кнопку, коробочка оглушительно завизжала, и одновременно погасли обе голограммы. Убедившись, что общее внимание сосредоточено на его персоне, Жираф объявил, что операция «Зеркало-2» завершилась, не достигнув поставленных целей.

— На пункт управления проник агент Внешней Угрозы, который вывел из строя систему координации, — сказал Жираф, делая реверанс. — Как следствие, успехи аборигенов ограничились бесполезной тратой боеприпасов на уничтожении ложных мишеней. К вашему сведению, именно в этот момент, когда ОПЕРКОС лишен слуха, зрения и потенции, к вашей планетке беспрепятственно прорываются главные силы вторжения.

Отвесив церемонный поклон, он медленно вылез из оболочки доктора Берлонга и предстал в собственном облике. Мак узнал давнего приятеля по прозвищу Тарантул. Похоже, за минувшую пятилетку молодой оперативник вымахал в матерого боевика-волкодава, раз ему доверили столь эффектную операцию. Что ж, Вышестоящая Организация долго ждала удобного случая, но добились-таки своего: старик Тема четко продемонстрировал, кто чего стоит...

— Уж от вашего ведомства я такого вероломства не ждал, — бросил в сердцах Сирокко. — Коллеги, называется.

— А нечего кому попало доверять обеспечение секретности, — самодовольно ухмыляясь, парировал Тарантул.

— Засекречивание кодов доступа было возложено на мою Комиссию, — возмутился Комов.

Тарантул откровенно издевался:

— Вот я и говорю — кому попало доверяют ответственные задания.

Окружившая эпицентр перебранки публика с живым интересом наблюдала за развитием скандала. Из толпы слышались голоса: дескать, во времена Галбеза такого конфуза не могло бы случиться по определению. Сориентировавшись в обстановке, люди из КОМКОНа-1 поспешили замять неловкость. Вымученно улыбаясь, Комов сухо сказал:

— Официальное заключение подготовим чуть позже, без посторонних... — он уничтожающе покосился в сторону нахального теоретика социальной прогностики. — Пока ясно одно: система «Зеркало» стала мощнее и видит дальше, чем четверть века назад, но для реального сражения против сильного противника, конечно, не годится. Придется продолжить работы в этом направлении.

Еще он сказал, что поддержит в Мировом Совете проект строительства третьего крейсера и что обязательно нужно создать передовые станции слежения. По словам Комова, эти локаторы (он предложил дипломатично назвать их «обсерваториями») позволят обнаружить, если не подготовку к вторжению, то, во всяком случае, передвижение чужих звездолетов в неисследованных зонах. Тем самым, резюмировал главный Следопыт, мы получаем шанс локализовать зоны активной деятельности иных цивилизаций.

Нуль-транспортировкой Максим решил не пользоваться — сказано же было, что в окрестностях бункеров ОПЕРКОСа эту систему контролировал КОМКОН-1, которому вовсе не следовало знать, куда и к кому направился начальник отдела ЧП сектора Урал-Север. Мак спустился в метро и с четверть часа путешествовал между Морем Влажности и Болотом Эпидемий, пересекаясь с кольцевых на радиальные и обратно. После шестой смены маршрута кибер-обруч идентифицировал двух пассажиров, которые, по странному

совпадению, повторяли все его маневры.

От таких новостей всегда разыгрывался азарт, и Максим применил усложненный вариант отрыва. На станцию «Кейворит» он прибыл без назойливых сопровождающих, самонадеянно взявшихся «пасти» профессионала — пусть не экстра-класса, но уж первого — наверняка.

В номере отеля его ждала теплая компания: Терминатор, Тирекс, Тахорг, Экселенц и Этернал.

— Совсем забыл стариков, — с притворной обидой пробрюзжал Экселенц и полез обниматься.

— Полегче тискай эту старую развалину, — скрипнул из угла ужасно высохший Терминатор. — Где ему с Большим Взрывом тягаться.

Большой Взрыв или, как тогда говорили, Биг-Баг... Это прозвище Максим получил от старика Темы, когда вернулся из большой вылазки на Саракш. Снова повеяло ароматом ностальгии. Биг-Баг — какое было время!..

— Сегодня большой взрыв устроил не я, — скромно сказал Мак.

— Мы в курсе, — отмахнулся Тирекс.

— Кто бы сомневался, — Максим невольно усмехнулся.

Терминатор замахал ладонью, как бы призывая аудиторию вести себя серьезнее. Все послушно прекратили ржать.

— Послушайте внимательно, детишки... Наступают новые времена... — в голосе Терминатора отсутствовали интонации, словно старик давно смирился с неизбежным. — Наше поколение покидает сцену, и скоро безопасность человечества станет лишь вашей заботой. Постарайтесь не забыть, чему вас учили.

Он закашлялся, потом долго протирал платочком слезящиеся глаза. Прошло немало времени, прежде чем бывший Супер-президент заговорил снова:

— В молодости я почти десять лет мотался между звезд. Был и пилотом, и Десантником, и Следопытом. Многое пришлось повидать такого, о чем даже Бромберг и его агентурная сеть не догадываются. И я понял... даже не понял, а почувствовал, как мы одиноки и беззащитны в этом бесконечном мире, враждебном всему живому. Вселенная оказалась царством хаоса, который стремится пожрать все самоорганизующееся. Примеры хорошо вам известны: СПИД, лейкоemia Юргенса, экологические катастрофы, войны. И единственная возможность побороть эту разрушительную силу — рационально перестроить все мироздание, чтобы во Вселенной не осталось места беспорядку. Прозрение было тягостным. Помню, как мы в КОМКОНе подолгу обсуждали новое понимание своего места и своей роли в Ойкумене. И внезапно ситуация повернулась к нам неожиданной гранью: опасность угрожает Человечеству со всех азимутов. Тупая природа Космоса тужится уничтожить нас, как и любые другие огоньки разума, а более развитые цивилизации стремятся имплантировать нас в новую конструкцию Космоса, оптимизированную согласно их представлениям о высшей гармонии.

— Эти соображения кого-нибудь убедили? — недоверчиво спросил Тахорг.

— Эти — нет. Глобальные философские идеи редко перерастают в форму организационных мероприятий. Но уже тогда многие понимали, что Земля и остальные человеческие миры нуждаются в защите от внешней угрозы. Так и возник Комитет Галбезопасности, который первоначально состоял из трех управлений: "П", "К" и "С". Потом появилась войсковая служба и прочие.

— Легендарная эпоха, — мечтательно произнес Максим. — Я знаю о ней из истории, но сам те времена, конечно, не помню.

— Зато их слишком хорошо помню я, — сказал Экселенц. — И сегодня, с вороха минувших годов, стала лучше видна допущенная тогда ошибка. Мы изучали другие цивилизации, мы контролировали агентуру соседей, которых слишком интересовали секреты Земли. Но в этой текучке забывалась сверхзадача. Сравнительно успешное течение противоборства с цивилизациями равного уровня успокоило нас, и мы перестали обращать

внимание на признаки возможной активности сверхразума.

— Тебе такие претензии предъявить сложно, — сказал Тирекс. — Да и моя фирма не забывала про сверхзадачу.

— Это были спазматические действия, — печально возразил Терминатор. — Мы реагировали на проявления Внешней Угрозы, но не вели активных мероприятий. Уступили инициативу. Вот урок для всех вас — не повторяйте наших ошибок.

Этернал, недавно отметивший 70-летний юбилей, поддакнул:

— Нет задачи более важной, чем найти резидента Странников, — и тут же не упустил возможности сделать оговорку: — Разумеется, если таковой не является плодом нашего воображения. Хотя, конечно, сомневаться в наличии резидента уже не приходится.

Старики укоризненно поглядели на гиперосторожного шефа Контрпроникновения, и тот смущенно осекся. Застольная беседа спонтанно обернулась жестким деловым обсуждением. Соединив личные кибер-блоки в микросеть, они запустили программы-планировщики «Штаб 7.2» и «Цезарь-83». Вскоре были готовы общие рекомендации, иной раз — довольно неожиданные:

1. Оценить состав и границы возможностей источников Внешней Угрозы (ИВУ);
2. Проанализировав известные активные мероприятия ИВУ, уточнить вероятные цели противника;
3. Определить круг лиц, менталитет и установленные действия которых соответствует вероятным задачам ИВУ;
4. Осуществить массированную проверку собственных кадров и агентуры на предмет выявления потенциальных пособников ИВУ;
5. Развернуть оперативную разработку субъектов, выявленных на основании пп. 3-4...

Всего в перечне было больше дюжины пунктов, причем некоторые вызвали недоумение. Потыкав фотостилом в висевший над столом голографический текст, Этернал сказал саркастически:

— Машинная логика творит чудеса. Что значит в нашей ситуации «определить состав ИВУ»? Можно подумать, против человечества работают несколько ВСЦ! Вроде бы установлено, что в нашем секторе Галактики есть или была только одна сверхцивилизация — Странники.

— Очень может быть, но не обязательно, — отозвался Терминатор. — Помнится, во время памятного отходняка на Радуге высказывались соображения, что у Странников имеется серьезный соперник. Не поленитесь и проверьте. В нашем деле лучше перелить, чем недолить.

Тахорг, с недавних пор возглавлявший службу "Т", яростно кивая, заверил ветеранов, что не упустит не единой мелочи. Затем, насмешливо поглядев на Максима, осведомился:

— Простите, коллега, но какого дьявола ваш Клавдий вертится вокруг Глумовой? Вроде бы Контрпроникновению этой задачи никто не поручал.

— Операция была спланирована еще до Погрома, — насупившись, сухо ответил Мак. — Согласно Уставу, я возобновил разработку при первой же возможности.

— Формально ты прав, — сказал Тирекс. — Но в данной ситуации твоя самостоятельность мешает нашему человеку.

В дополнительных вопросах не было надобности. Мак и без разъяснений сообразил, что Следопыт, о котором рапортовал Клавдий, работает на управление Тайных операций. Майя Тойвовна каким-то образом знала в лицо и по именам многих оперативников центрального аппарата. Чтобы гарантировать инкогнито исполнителя, ведомству Тахорга пришлось вызывать из галактической глухомани законспирированного агента, чьих данных не было в земных базах данных. Сложная закрутка, но иного выхода, видимо, не оставалось...

Постороннему наблюдателю такая акция могла бы показаться не слишком этичной, но Суок-Глумова успела столько нагадить — и Галбезу, и Человечеству в целом, — что церемониться с ней было просто нелепо. Государство относится к индивидууму точно так

же, как данный индивидуум относится к данному государству... Максим в очередной раз проклял этот гнусно устроенный мир.

— И какие у вас результаты? — осведомился он, старательно пряча брезгливую гримасу.

— Надеюсь, через недельку сможем подвести итоги, — не слишком уверенно сказал Тахорг. — А парнишку своего пока попридержи.

Экселенц вдруг засмеялся и заметил:

— Комов красноречиво оговорился. Он сказал: «Если вы собираетесь воевать со Странниками...» Очевидно, сам Комов со сверхцивилизациями воевать не намерен.

— Зачем же воевать, — Этернал сардонически усмехался. — Он, как мы видели, хочет их найти и поговорить по душам.

— Один раз он уже пытался поболтать с чужаками, — вставил Тахорг. — Причем в тепличных условиях. Жаль, тупая эротоманка рядом оказалась.

Покачав пальцем, Тирекс проговорил:

— Не такая уж она тупая. В тот раз Суок очень естественно и умело сорвала контакт со сверхцивилизацией. Если предположить злой умысел, то возможен вариант: Странникам такой контакт был не нужен, и резидент Суок выполнила волю своих хозяев. Вероятно, тогда на Ковчеге наш непримиримый друг Комов едва не вышел на самих Странников, либо — на их гипотетических соперников.

Вариант подвергся импровизированному мозговому штурму, в результате чего на свет появились новые рабочие версии, а также новые списки рекомендаций. Часа через два, когда плодотворная встреча завершилась, и галбеговцы расходились по станциям метро, Тахорг спросил Максима, как тот оценивает сценарий «Зеркала-2». Мак честно ответил:

— Детские игры с оловянными солдатиками. Реально мы можем противостоять лишь равной по силе цивилизации... А сценарий сегодняшнего шоу практически дословно повторяет Большой Десант на родном Саракше. Только без финальных ударов возмездия.

10. Саракш. Ноябрь 58 года.

Воспоминания о тех днях начали стираться, а сохранившиеся смешались в диком хаосе, так что теперь, по прошествии десятилетий, стало непросто, не заглядывая в архивные файлы, восстановить точную последовательность событий. В середине октября они благополучно спроводили на Землю изучавшую голованов группу Комова, а спустя неделю Мак отправился в Островную Империю, обернувшись реакторным механиком белой субмарины. 2 ноября он засеял эмбриомеханикой штаб группы флотов «Щес» и вернулся на Главную Базу, прихватив ценного «языка»; 3 ноября мехкорпуса Северо-Западного фронта стремительным броском заняли столицу Хонти и привели к присяге марионеточное правительство Хонтийского Национального Альянса; 4 ноября ударные соединения имперского флота взяли курс на север.

Весь личный состав резидентуры в Стране Свободы (бывшая Страна Отцов) был немедленно отозван в орбитальный поселок, скромно именуемый Главной Базой. «Жучки», оставленные Максимом в штабных электронно-вычислительных монстрах, исправно перекачивали на орбиту огромные массивы оперативных документов, поэтому планы противника были известны досконально. Караваны транспортов, окруженные стайками конвойных фрегатов, допотопные броненосцы, авиаматки, веера подводных атомоходов — вся эта армада ползла по координатным сеткам в строгом соответствии с планами Адмиралтейства, которые пока оставались тайной даже для командиров эскадр, но не для землян.

Сразу же после орбитального совещания Странник, в своем официальном качестве шефа особой контрразведки, потребовал собрать Ревком. Разговор стремительно вышел на экспоненту.

— Я не верю этому человеку, — с генеральской прямоотой брякнул Тоб Шекагу. — Он

приходит и говорит, что хочет, а мы почему-то должны ему верить. Известные Отцы тоже ему верили, но мы знаем, что с ними случилось.

— До сих пор мои предсказания сбывались, — напомнил Странник, медленно зверея.

— Вот то-то и подозрительно, — задумчиво проговорил Вепрь. — Вы слишком много знаете.

Тут внезапно расхохотался Секретарь, сказавший:

— Опомнитесь, ненормальные. Хоть подумайте, прежде чем пасть разевать. Вы нападаете на него за то, что человек хорошо делает свою работу. Он — шпион, а потому должен вовремя доносить правильные сведения, и он это делает. Чего же вам еще надо?!

Наступила неловкая пауза. Потом Шекагу промычал:

— У него это получается слишком удачно. Подозрительно удачно. Пусть объяснит, каким образом он добывает такие точные данные.

— От агентуры, генерал, от агентуры, — пренебрежительно бросил Странник.

Потом он расскажет, что в тот момент принял решение сократить до минимума все контакты с Ревкомом и Генштабом, а посылать информацию непосредственно Аргису Эзу и Копыту Смерти. Расчет оказался безошибочным: командующий и комиссар Южного военного округа пребывали в натянутых отношениях с начальником Генштаба. Узнав, что обер-шпион снабжает их рекомендациями в обход самовлюбленного Шекагу, Эзу и Копыто были польщены столь высоким доверием. По этой причине советы и рекомендации земного резидента выполнялись неукоснительно.

Первую разведку боем островитяне предприняли с полгода назад. Та вылазка обошлась им в десяток субмарин и четыре роты головорезов, на вербованных в лагерях усиленного режима. Адмиралов, планировавших операцию, разжаловали на два чина, а большое вторжение было отсрочено. Теперь они все-таки решились. Четыре авианосных кулака, один из которых предназначался для отвлекающего удара, пересекли экватор, выдерживая курс на пустынный полуостров, где, по их данным, отсутствовала плотная оборона.

В пятистах километрах от береговой черты ползущую походным порядком армаду ждал сюрприз: из низких облаков высыпали полторы сотни реактивных машин. Не ожидавшие нападения имперцы замешкались, и плавучие авиабазы выпустили стаю истребителей, когда самолеты континенталов уже заканчивали свою работу. Особенно пострадали не успевшие погрузиться субмарины: не тратя попусту торпед, штурмовики с бреющего полета поливали их очередями автоматических пушек и залпами неуправляемых ракет. А тем временем из-за туч ударили главные силы.

Гиперзвуковые ракетопланы и бомбы с активным наведением были построены на Саракше по земным чертежам. Снаряды в полтонны весом пробивали палубную броню и взрывались во внутренних отсеках. Три авиаматки разлетелись вдребезги от детонации крыйт-камер, у четырех других от взрывов в трюмах вспучились взлетно-посадочные палубы, а еще на двух началось неуправляемое деление в реакторах, так что грибовидные столбы пара расшвыряли все корабли в радиусе трех километров от эпицентра.

Через пять часов авиация континенталов повторила налет, но с гораздо меньшим успехом. Теперь подлодки шли на перископной глубине, большие корабли были прикрыты конвойными ракетносцами, и вдобавок над эскадрами барражировали истребители. Главный козырь боекомплекта — тяжелые ракеты с атомными боеголовками — пришлось подорвать на средних высотах, чтобы очистить небо от имперских самолетов. После этого, прорываясь сквозь огонь зениток, штурмовики навалились на транспорты, а ракетопланы, разделившись на пары, закидали управляемыми бомбами плавучие аэродромы.

По оценке аналитиков Главной Базы, упреждающими ударами на подходе удалось вывести из строя три пятых огневых средств неприятельского флота и до четверти личного состава десанта. Сейчас бы продолжать воздушные атаки, да не было возможности. Требовалось не меньше суток, чтобы привести в чувство немногие уцелевшие воздушные машины.

Поредевшая, но все еще грозная армада приблизилась к побережью и обрушила океан

огня на укрепления. Имперцам было невдомек, что они обстреливают ложные позиции — личный состав 7-го и 12-го армейских корпусов отсиживался под сводами бетонных капониров в десятке километров от берега.

Поскольку Мак считался непрофессионалом, База направила ему на подмогу Этернала, которого в те времена называли Кохинором. Кажется, это было 11 или 12 ноября. Два землянина сидели в штабном блокгаузе и краем уха слушали, как Копыто Смерти вправляет мозги майору Глишку, чей батальон вел уличные бои в порту.

Максим еще раз прокрутил письмо из дома. Родители совершенно по-детски радовались, что он нашелся, и грозно требовали взяться за голову и выбрать себе приличную работу. Мак даже заулыбался — опять его учат, как должно жить.

Бросив трубку, Копыто Смерти свирепо поглядел на двух верзил-горцев, пожал плечами и рассеянно осведомился:

— Что у тебя с глазом?

— Попал под бомбежку, — привычно откликнулся Мак. — Камни разлетались.

— Сколько тебе говорить — не лезь в самое пекло, — назидательно изрек комиссар.

Повязка на глазу была вовсе не повязкой, а мультисенсорным обручем кибер-блока. С недавних пор подобные устройства, которые принимали, обрабатывали и хранили массу полезной информации, носил весь персонал Главной Базы. Мак нацепил эластичный обруч наискосок, чтобы встроенный монитор оказался напротив правой глазницы — таким образом землянин мог следить за посланиями со спутника и одновременно пользоваться банком данных. Сейчас он видел оперативную карту: две дивизии занимались расширением плацдарма, у них в тылу высаживались с кораблей свежие части, а отвлекающая группировка тремя колоннами ринулась на север и, не встречая сопротивления, приближалась к границе Леса. Вечная им память.

Начали поступать рапорта от командиров бригад первого эшелона. Операция развивалась согласно диспозиции: десантники островитян героическим нахрапом преодолели слабо прикрытую войсками передовую позицию и азартно лезли в приготовленный для них огневой мешок. Через три-четыре километра они упрутся лбом в закладки тяжелых фугасов, на которых увязнет бронетехника, а морские стрелки продвинутся еще немного, прежде чем влезут на противопехотные минные поля, совмещенные с зоной сплошного огня.

Заработала прямая связь со Столицей. Шекагу орал так, словно ему вставили скипидарную клизму, но забыли дать бублик с шоколадным кремом.

— Я же предупреждал, что главный удар они нанесут западнее, а вы оставили там дырявую оборону! — вопил Чугунный Тоб. — Если немедленно не остановите прорыв на правом фланге...

Последовали шаблонные посулы, смысл коих сводился к расстрелу без суда, следствия и отходного пособия. В ответ Эзу высказал собственную точку о происхождении Шекагу, его предков и потомков, после чего сказал:

— Тоб, ты мне надоел, — он добавил еще несколько совершенно непереводаемых слов из лексики моряков каботажного флота. — У нас тут все хорошо и даже замечательно. Жди моего рапорта вечером.

Он швырнул трубку на рычаги и велел дежурному офицеру разослать приказы о начале второй фазы операции. Как только отрезанные от танковой поддержки десантники лягут на брюхо под сосредоточенным огнем, из районов выжидания двинутся механизированные колонны северян. Потом на оба фланга противника обрушатся таранные удары, и плацдарм превратится в котел.

Часом позже Мак с Кохинором вышли из блокгауза. С плоской вершины высоты Горбатая отлично просматривалось поднимавшееся вдали поле сражения, где визжали залпы реактивных минометов и шли в атаку танки.

...Максим невольно вспомнил казус из ранней истории космонавтики. Лет 270 назад первый спускаемый аппарат, совершив мягкую посадку на грунт, замерил кое-какие

параметры венерианской атмосферы. Изучив телеметрические данные, ученые пришли к выводу, что газовой оболочке Венеры должна соответствовать совершенно извращенная рефракция, по вине которой световые лучи распространяются параллельно поверхности, а далекие предметы, как следствие, не скрываются за горизонтом, но поднимаются над оным. Потом со Второй планеты вернулись Ермаков и Нисидзима, и пришлось констатировать, что те старые замеры были неверно интерпретированы — оптика венерианской атмосферы подчинялась тем же линейным законам, что и на Земле. Однако, через два с половиной столетия, когда «призрак» Службы Дальнего Поиска впервые коснулся радиоактивной почвы Саракша, разведчики с легким недоумением увидели на обзорных экранах вздернутый горизонт. Если верить легендам, поначалу во множестве плодились гипотезы об изогнутом пространстве и гравитационных линзах, но вскоре стало ясно, что всему виной злополучные законы преломления...

Береговая линия была видна примерно посередине того, что заменяло Саракшу небо. Выше раскинулось море, заставленное черточками вражеских кораблей. Даль скрывалась в дымке, но можно было разобрать, что фланговые группировки неодолимо рвутся к точке randevu, а корабли горят и взрываются.

Болезненно морщась, Кохинор сказал:

— Еще на десять лет океан загадили. Сколько атомных котлов на дно ушло!..

— Тут и без этих реакторов радиации хватает, — Максим, по молодости лет, был наивен и легкомысленно отмахнулся. — Два года друг по дружке боеголовками футболили.

— Шутник... — Кохинор укоризненно покачал головой. — Чему вас только учат в нынешних школах! Неужели никогда не слышал про закон «семерки»?

К стыду своему, Мак о таком законе действительно не знал, а потому немедленно потребовал объяснений у кибер-блока. Оказалось, что радиоактивное заражение, порожденное продуктами ядерного распада, «выдыхается» очень быстро. Уже через 7 часов после вспышки фон местности уменьшается в 10 раз, а затем монотонно падает еще на порядок с каждым семикратным увеличением времени. Иными словами, по прошествии двух суток на месте взрыва сохраняется лишь сотая доля первоначальной радиоактивности, а через две недели — тысячная. Спустя два с лишним десятилетия после большой войны старая радиация снизилась практически до уровня природного фона. Тем не менее, по милости имперского флота, местный океан постоянно получал новые дозы высокоактивных изотопов изотопов: островитяне регулярно сливали за борт рабочие жидкости из реакторов, установленных на атомных кораблях...

Вечером следующего дня, когда окруженный десант агонизировал в бесплодных усилиях пробиться или хотя бы просочиться к побережью, в штабе генерала Эзу закатали на радостях колоссальную пьянку. В разгар торжества Копыто Смерти зачитал полученную из Столицы поздравительную шифrogramму за подписью Секретаря, Генерала и Шекагу. По такому поводу все окончательно упились, а земляне, непривычные к подобным порциям алкоголя, сбежали на ветерок — освежиться.

Помнится, глянув сквозь линзы стереотрубы на руины портового городка, Мак прошептал, немного переиначив, старые стихи, которые читал черт знает когда:

Где мог я видеть этот ежик

Домов с бездонными проломами?

Свидетельства былых бомбежек

Казались сказочно знакомыми...

— Не помню такого у Верблибена, — насторожился Кохинор. — Сам переводил, что ли?

— Это не Верблибен, это — Пастернак, — пояснил Максим. — Землянин чуть ли не двадцатого века.

И тогда его вдруг прорвало. К тому времени пребывание на Саракше уже избавило Максима от немалой части идеализма и прочих внушавшихся в школе благоглупостей. Он даже почти усвоил, что в большинстве случаев следует держать язык на приколе, но самогон

растормозил его подсознание, и будущий галбезовец напрямую спросил ветерана:

— Почему начальство всегда глупее исполнителей? Чугунный Тоб и верхушка Ревкома не верит нам, хотя именно наши действия привели к победе. Мировой Совет постоянно ставит резидентуре палки в колеса. Даже мои родители почему-то убедили себя, что их сын тут занимается ерундой, хотя понятия не имеют о моей работе...

— Закон природы, — Кохинор вздохнул. — Им со стороны непонятны действия профессионалов, основанные на специфических законах ремесла, и потому чудится, будто исполнители бездельничают. Сложные операции всегда развиваются медленно, от этапа к этапу, а высокое руководство всегда хочет быстрых и эффектных успехов. Заруби это себе на разных частях тела, если выйдешь в большие чины. Торопливость и верхоглядство особенно опасны в нашем деле. Высший класс для галбезовца — грамотно расставить силки и, терпеливо поджидая добычу, решительно отгонять шестимесячных недоносков, которые требуют немедленного результата. Главное — терпение, а если не обладаешь этим качеством, то нечего делать в Галбезе...

Они увидели, как имперская армада запустила пару дюжин крылатых ракет. Помчавшиеся на север самолеты-снаряды вскоре скрылись за плотным слоем облачности, а корабли ушли в открытое море, бросив на берегу обреченный десант. Спустя минуту на отступающую эскадру имперцев обрушились их же снаряды — континентальные системы радио-электронной войны перехватили управление ракетами и навели на две последние авиаматки. Увы, удалось взять под контроль не все ракеты — некоторые все-таки достигли целей, которые были запрограммированы в головках самонаведения.

Если верить записям, общий сбор в кабинете Странника состоялся 18 ноября. Уже завершилась ликвидация последних ошметков десанта на рубеже Больших Дюн. Уже стало ясно, что прорвавшаяся по западному шоссе дивизия морской пехоты никогда не выйдет из перенасыщенного боевыми роботами Леса. Уже поступила с Земли шифровка с известием о зачислении М.Ростиславского в штат управления "К". Уже рассеялись грибовидные облака над Островной Империей, и Тахорг благополучно вернулся на Главную Базу, изъятый из кабины ракетоплана за пять минут до начала атаки.

И только Максим не мог смириться с горечью потери, хотя умом понимал, что никогда не увидит Радугу. Последний залп имперской армады испепелил столичный пригород, где бедная девочка ждала его возвращения в роскошной полуторакомнатной квартирке.

Друзья понимали его состояние, и Мак был благодарен за то, что коллеги не докучают бесполезным соучастием. Только легче все равно не становилось, да и не могло бы стать. Лишь где-то к середине итоговой разборки полетов он частично вышел из ступора, даже подал пару-другую дельных замечаний. После совещания Странник велел Маку задержаться и, когда они остались вдвоем, негромко сказал:

— Крепись, малыш, а не то будет еще хуже. Хочешь, отправим тебя на Землю?

Покачав головой, Максим отказался — дома он бы совсем расклеился. Только спросил о наболевшем: мол, не напрасны ли были все усилия. Прищуренные зеленые глаза резидента засверкали из-под надбровий, подобно сдвоенному лазерному прицелу. Шеф явно ждал продолжения, и Мак нехотя пробормотал:

— Мы пришли в чужой мир, не спросив у хозяев разрешения. Мы откровенно встали на сторону не самой порядочной державы, мы пытались наставить аборигенов на путь истинный. А в результате — война и множество страданий.

— Война все равно бы случилась, — мрачно ответил Странник. — И, не будь здесь землян, наверняка бы победили островитяне. Можешь себе представить, что бы началось: тотальные проверки на правильность формы черепа, публичные казни неполноценных особей с выставлением отсеченных голов на всеобщее обозрение. Я уже не говорю о кампаниях по селекции высшей расы...

Максим грустно кивнул. Он не забыл сушеные головы пленных и рентгенограммы черепов, которых было так много на каждой подлодке Империи. Помнил он и утонченную тиранию Патрициев, упивавшихся кровавым беспределом низшей касты и страхом,

парализовавшим прослойку Граждан.

А тем временем Странник повторил сверхзадачу местной резидентуры Галбеза: укрепить влияние землян на руководство ведущих государств Саракша, ненавязчиво передать аборигенам некоторые полезные технологии, прекратить большие войны, ликвидировав основные наступательные комплексы сверхдержав. Кое-что из этих планов удалось реализовать. Скоро начнется снижение радиоактивного фона, потом Северный континент приступит к строительству постиндустриальной цивилизации. Полученные от землян технологии позволят саракшианцам дезактивировать пораженные пространства, восстановить экологию, подлечить большую часть населения...

— Издержки на этом пути неизбежны, — сказал Павел Григорьевич, — но с нашей помощью Саракш уже начал двигаться в нужном направлении. В одном ты, конечно, прав: мы начали помогать отнюдь не идеальному государству. Только идеальных государств тут не видно. Приходится иметь дело с тем, что есть.

И он процитировал позднего Верблибена: «Все знают, на каком дерьме растут цветы...»

11. Земля. 8 декабря 83 года.

После лунной встречи навалилось несчетное множество неаппетитных забот. По приказу Вышестоящей Организации, все управления занимались рутинной проверкой кадров по методу «ты — меня, я — тебя»: КОМКОН-2 изучал темное прошлое сотрудников Тахорга, а ИТПСП копался в биографиях людей из ведомства Этернала.

Сегодня инспекторы отдела ЧП сдали рапорта о своих достижениях, и Максим пришел в легкое замешательство, узнав, что старший научный сотрудник Тотем писал дипломную работу под руководством доктора Бромберга, у замзавотделением Табу была любовная связь с видным функционером центрального аппарата Комиссии по Контактным, а научные сотрудники Терция и Троль неоднократно допускали высказывания, которые можно интерпретировать в духе симпатии к Странникам и даже как готовность к сотрудничеству (пусть даже с оговорками типа «если это принесет пользу человечеству») с агентурой Внешней Угрозы.

В конце концов, принимать решения — не моя задача, — подумал начальник отдела чрезвычайных происшествий. Закодировав результаты дознания личным паролем, он отослал по информационной сети три экземпляра сводного рапорта — Этерналу, Тахоргу и Терминатору. Пусть разбираются. В такие минуты Мак был даже благодарен учинителям Погрома. Конечно, по их милости Тайная Коллегия получила основательную затрещину, а сам М.Каммерер вылетел из центрального аппарата КОМКОНа-2 и несколько лет работал на Периферии, но зато был теперь избавлен от тягостной обузы в виде руководящего кресла.

Еще он подумал, что завтра-послезавтра из Института теорпроблем должны поступить материалы на сотрудников его отдела. И тогда вдруг выяснится, что родители Андрея Кикина в раннем младенчестве жили по соседству с потенциальным агентом ИВУ. Или, что темпераментный Сандро пару лет назад встречался с девицей из Корпуса Следопытов, которая за год до их знакомства таинственно исчезла в катакомбах города Странников на планете Хренпоколено, однако затем не менее загадочным образом объявилась на базе Хренподеревне с несомненной целью завербовать бывшего инспектора КОМКОНа-2, обиженного на весь свет за увольнение из Конторы...

Максим обнаружил, что ухмыляется в полную челюсть, и мысленно порадовался: хоть настроение чуток улучшилось, чего не случалось с самого... Он даже не сумел вспомнить, когда в последний раз был удовлетворен условиями своего существования. Тут видеофон призывно замурлыкал «Нічь яка місячна». Подобный выбор сигнальной мелодии означал, что начальника отдела ЧП сектора «Урал-Север» вызывает на связь некто, не включенный в перечень постоянных абонентов.

Над краем стола появились небогатырские плечи и голова разъяренного старца с

пятнистой лысиной и потным морщинистым лицом. «Надо же, кто нас удостоил», — успел подумать Максим, и в тот же миг Айзек Бромберг разразился страстным монологом. Обличал он очень складно, блистая ораторским мастерством, однако Максим так и не понял, в чем именно провинился перед мировой наукой. На третьей минуте, не выдержав этой пытки, галбезовец осмелился прервать собеседника.

— Помилосердствуйте, уважаемый, — взмолился он. — Честное скаутское, пионерское и комконовское, я искренне пытаюсь вас понять, но ничего не выходит. Попытайтесь вразумительно изложить квинтэссенцию своих претензий. Желательно, по пунктам и без эмоций.

Бромберг свирепо поглядел на него, набылчился, перевел дыхание и грозно процедил:

— Вы — Максим Каммерер, президент КОМКОНа-второго?

— Насчет имени угадали, насчет должности — нет.

Старик, опешив, похлопал веками. Жалобно промямлил:

— Но ведь Руди Сикорски совершенно определенно говорил, что именно вы займете его место...

Разводя руками, Максим поведал печальную историю Погрома, когда Мировой Совет, подстрекаемый главарями «первой комиссии», но бишь КОМКОНа-1, разогнал руководство служб, пришедших на смену Комитету Галбезопасности. Большинство работников, завязанных на операции против Странников, а также на дело «подкидышей», были отправлены на пенсию и в отставку, так что руководящие посты заняли функционеры третьего эшелона. Выслушав его, Бромберг почесал подбородок и мрачно заявил:

— Теперь я понимаю, что обратился не по адресу. За беспокойство извиняться не собираюсь.

Желчный старик протянул руку, намереваясь выключить видеофон, однако Максим, повинувшись неосознанному порыву, воскликнул:

— Не спешите, доктор. Ваша речь была короткой и сумбурной, но я все-таки понял, что какие-то силы возводят препятствия каким-то важным исследованиям. Не могли бы вы уточнить, о чем именно шла речь?

Привычка сетовать на козни секретных служб оказалась неодолимой, и Бромберг бегло перечислил некоторые занятные обстоятельства. Хотя все это выглядело не слишком правдоподобно и смахивало на анекдот, Максим знал, что именно такие сигналы неквалифицированной публики неоднократно выводили Галбез на очень серьезные дела.

— Знаете что, Айзек, — задумчиво сказал Максим, учуявший далекий шелест плаща и звон кинжала. — Давайте, обсудим ситуацию спокойно. Где вы? Я сейчас приеду.

Набрав индекс 02-991-47-45, он вышел из кабинки в вестибюле, принадлежавшем, как выяснилось, библиотеке, расположенной в центре Иерусалима. Одним боком обнесенное бронзовой решеткой здание смотрело на площадь какого-то Алленби, а другим — на улицу какого-то Я.Арафата. Спустившись немного по улице, Максим оказался у памятного въезда на Тахану мерказит (именно здесь разворачивались некоторые эпизоды знаменитого сериала 50-х годов «Секрет бедуинки») и довольно быстро отыскал жилой массив, где обитал неформальный идеолог научного андерграунда.

— Я думал, вы прихватите десяток громил со скорчерами, — проворчал Бромберг, встречая гостя у порога.

— Надеюсь, вы будете бить меня не слишком больно, — сказал Максим, оглядывая берлогу матерого фигуранта по многим десяткам оперативных дел. — Впечатляющая картина.

Это был огромный кабинет, плотно заставленный регистраторами, информаторами, киберблоками, голографами, видеофонами, стеллажами для бумаг и кристаллов. На стенах висели рукописные плакаты с убийственными цитатами:

Каждый человек имеет некоторый определенный горизонт. Когда горизонт сужается и становится бесконечно малым, он превращается в точку. Тогда человек говорит: «Это моя точка зрения».

Д.Гилберт

Никогда не следует повторять эксперимент, результаты которого случайно совпали с теоретическими предсказаниями.

Л.Фетт

Истина бывает так ужасна, потому что представляет собой малую часть конструкции Мироздания, доступную пониманию исследователя.

Пак Хин

Версии первопроходцев оказываются ложными, как минимум, на 100%.

С.Лем

Парацельс и Гельмонт обнаружили самопроизвольное рождение мышей из пшеничных зерен, помещенных в кувшин с грязным бельем. Это доказывает лишь то, что ставить эксперименты легко, но трудно ставить их безупречно.

Л.Пастер

Трудно создать хорошую теорию, опираясь исключительно на факты. Теория должна быть разумной, а факты не всегда таковы.

Д.Бидл

Какое бы качество вы не захотели оценить, всегда найдутся по меньшей мере 3 противоречивых критерия оценки.

Энон

Если ясность вашего объяснения исключает ложное толкование, все равно кто-то поймет вас неправильно.

Первое следствие из Третьего закона Ф.Чизхолма

Чем необходимо заниматься — лучше всех знает сотрудник, выполняющий работу; за ним последовательно идут начальник отдела, заместитель директора по научной работе (который ошибается примерно в половине случаев) и, наконец, совет вице-директоров компании — он ошибается всегда.

С.Миис

Воистину, это было рабочее место, но никак не жилище. Максим подумал, что в далеком прошлом судьба провела Бромберга через тяжелые испытания, которые сломили Айзека, превратив в склочного фанатика. Ни семьи, ни увлечений — только служение науке. Максим даже испытал нечто вроде душевного родства — он и сам давно стал таким же фанатичным искателем Истины, только в другой сфере... Вот почему Истина бывает так ужасна — хорошо сказано!

А ведь все могло быть по-другому. Если бы Дженни в выпускном классе не предпочла ему того бейсболиста, он ни за что не пошел бы глушить боль утраты в Группу Свободного Поиска, а значит, не попал бы на Саракш, не встретил Экселенца и знать не знал бы никакой Галбезопасности — разве что по сюжетам тупых боевиков-триллеров... Ну-с, довольно рефлексий, пора приниматься за дело. Как говорится, вперед legionеры, железные ребята.

Бромбергу надоело ждать, пока гость адаптируется, и старик снова принялся язвить, однако Максим не собирался устраивать состязания в риторической изощренности. Следовало покрепче взять козла за рога, чем он и занялся.

— Начнем с лирики, Айзек, — твердо сказал Максим. — Хотите верьте, хотите — оставайтесь в прежнем заблуждении, однако ни я, ни Экселенц, ни остальные наши коллеги не считали вас своим врагом.

— Ну да, — обрадованно каркнул Бромберг. — Наверное, поэтому ваша банда...

Максим энергично махнул на него обеими руками, и шокированный столь вопиющей непочтительностью хозяин дома-лаборатории аж поперхнулся от негодования.

— Это действительно так, — продолжал дерзкий гость. — Мы делали свою работу, присматривая за эволюциями научного поиска, а вы контролировали нас, причем обе стороны использовали доступные средства, чем сильно раздражали друг друга. Если бы своевременно удалось достичь взаимопонимания, мы избежали бы многих осложнений... Только, ради Ктулху, не надо пафоса: дескать, не намерены вступать в альянс с кем попало,

или что вы умнее нас, а потому имеете больше прав. Если ваша цель — лелеять собственный нарциссов комплекс, то нам действительно не о чем разговаривать, и я впустую потратил некоторую часть своего законного обеденного перерыва. Но если вас искренне интересует поиск истины — давайте, будем искать вместе.

Безусловно, его тирада смертельно оскорбила Бромберга. Во всяком случае, налицо были прямые попадания по болевым точкам. Особенно в той части, где Максим безошибочно угадал ответные реплики своего простодушно-прямолинейного оппонента. Доктор исторических наук и социотопологии оскорбленно нахмурился, смешно выпятил нижнюю губу. Выцветшие глазки заметались, выдавая напряженную работу интеллекта в поисках достойного по ядовитости ответа. Наконец Бромберг вызывающе спросил:

— Как вы представляете себе наше сотрудничество?

Готов, понял Максим. Это было нормально — фанатик науки не мог не откликнуться на голос разума. Доброжелательно улыбаясь, сотрудник несуществующего Галбеца сказал:

— Не больше получаса тому назад я услышал очень интересные соображения, будто бы кто-то всячески тормозит изучение цивилизации Странников. Если это хотя бы частично соответствует действительности, мы просто обязаны выяснить, кому и зачем понадобилось скрывать важные факты. И почему за столько лет эти вопросы не были тщательно исследованы? Что имело место халатность или измена?

— Я просто убежден, что тут поработала ваша Контора, — упрямо повторил Бромберг. — Больше никому.

— Уверяю вас, КОМКОН-второй ничем подобным заниматься не мог. Нас просто лишили соответствующих полномочий. Поэтому, Айзек, если не трудно, попытайтесь спокойно и последовательно изложить факты, вызвавшие ваше негодование.

Продолжая недовольно ворчать, Бромберг неприязненно разглядывал посетителя, однако Максим не сомневался, что старый экстремист не откажется от разговора. Старик был уверен, что именно спецслужбы сознательно саботировали исследования, которые могли бы напрямую вывести на базы Странников. Это еще сильнее подстегивало его энтузиазм — старый боевой конь, закусив удила, рвался в драку с ветряными мельницами.

Так и вышло: он все-таки решился и очень доходчиво изложил свои соображения. Казалось бы, четверть века работы с материалами повышенной секретности должны были приучить к неожиданностям, к тому же частично Максим уже знал о претензиях Бромберга. Тем не менее галбеговец был потрясен, ошеломлен и сбит с толку, потому что искренне полагал, что до такого на Земле еще не дошло...

Весной 63 года энтузиасты Группы свободного поиска супруги Бенсоны стартовали с Ружены на звездолете «Санта-Эсперанса». Неудачник по призванию Рольф Бенсон сменил полторы дюжины профессий, побывав к сорока пяти годам учителем средней школы, журналистом, легкоатлетическим тренером, кулинаром, историком-любителем, художником-баталистом и так далее. Его жена Биргит, напротив, полтора десятилетия проработала на одном месте — диспетчером космопорта «Ружена-Центр».

После создания семьи их потянуло на подвиги. Бенсоны прошли обстоятельное обучение на годичных курсах ГСП, получили сертификаты пилотов 3-го класса, и за период 60-63 гг. совершили 17 рейдов по разным азимутам. Похоже, они были вполне довольны таким существованием.

27 мая 63 года «Санта-Эсперанса» прибыла к последнему пункту многонедельного маршрута — в систему желто-оранжевого субкарлика ЕН-5277. Проведя рутинное картографирование, Бенсоны обнаружили 7 планет на классических орбитах, подчиняющихся формуле Тициуса-Боде. Вторая от звезды планета, преждевременно названная Надеждой, относилась к классу «Экстра»: нормальная земная гравитация, пригодный для жизни состав атмосферы и гидросферы, две трети поверхности заняты океаном.

Первый же обзор с большой высоты выявил очевидные признаки высокоразвитой культуры индустриального типа. Следующая фаза сканирования, выполненная в процессе

облета на круговой трехсоткилометровой орбите, столь же недвусмысленно указала на катастрофичность ситуации. Местная цивилизация не сумела вовремя остановиться и устроила себе экологический коллапс: практически выработанные природные ресурсы, полное разрушение биосферного равновесия, необратимое загрязнение окружающей среды продуктами техносферы. Кроме того, на планете происходили бурные события социально-политического характера.

По дорогам тянулись нескончаемые колонны беженцев. Аборигены шли налегке, словно лютая беда заставила бросить весь скарб. Десятки миллионов гуманоидов, биологически почти идентичных землянам, стекались к большим городам. Всего Бенсоны определили не меньше 38 таких центров общественного стремления.

Кое-где вооруженные формирования — армия или полиция — пытались задержать пешие и автомобильные потоки сограждан. Почти на каждом витке орбиты сканеры «Санта-Эсперансы» фиксировали артиллерийские и пулеметные обстрелы беженцев, которые также не оставались в долгу, отвечая хаотичным огнем из легкого стрелкового оружия.

Самое же любопытное начиналось, когда беженцы достигали городов. Вливаясь в бетонные джунгли, плотная живая масса, шагая по упавшим и замешкавшимся, текла по улицам к центру. Подвесив звездолет над одним из мегаполисов, Бенсоны подсчитали, что за несколько часов городского центра достигли от полутора до двух миллионов аборигенов. Куда они девались после этого, оставалось совершенно непонятно. Даже если бы эти полтора миллиона были раздавлены напиравшими со всех сторон толпами, то обширный квартал был бы завален горами трупов или затоплен болотом гниющей плоти. Ничего такого, однако, не наблюдалось.

Двое землян были готовы удариться в панику пополам с мистикой, но тут Биргит вспомнила историю транспорта «Фудзияма-6», потерпевшего аварию в те годы, когда она работала диспетчером на Ружене. Не слишком надеясь на удачу, Биргит включила детектор Ламондуа, в результате чего все радио— и телепередатчики западного полушария Надежды были заглушены по крайней мере на час. Однако на мониторе локатора земляне увидели характерные профили подпространственных «соломинок», из чего заключили: население планеты организовано эвакуируется в неизвестном направлении по каналам нуль-транспортировки.

На исходе следующих суток подоспел экспедиционный корабль КОМКОНа-1. Еще через два дня во главе целой эскадры пожаловал сам Г.Комов со своей личной бригадой, укомплектованной Следопытами экстра-класса. К этому времени массовая миграция аборигенов подошла к концу: до миллиарда гуманоидов Надежды прошли через подпространственные врата, и на планете остались только мелкие группы, почему-то не пожелавшие трогаться с места.

Бенсоны получили именную благодарность от Мирового Совета и разрешение возвращаться восвояси. Вчерашние неудачники сразу сделались знаменитостями: их имена были занесены в Книгу Славы Космофлота, Рольфа и Биргит без конца приглашали во всевозможные ток-шоу, супруги читали лекции в самых известных научных обществах. Про Бенсонов даже сняли очень милый фильм.

Лет шесть спустя, когда они благополучно осели на родной Ружене и оставили хлопотную работу в ГСП, Рольфу вдруг стукнуло в голову полюбопытствовать, что удалось выяснить ученым о трагедии Надежды. Обратившись за справкой в БВИ, он узнал, что:

1. Экологическая катастрофа исковеркала геном гуманоидов Надежды, в результате чего 99.98% жителей планеты были подвержены синдрому стремительного старения (ССС);

2. Странники эвакуировали подавляющую часть населения Надежды посредством внепространственных магистралей;

3. Технологические средства Странников (так называемые «магазины игрушек», «янтарные кабинки», «дяденьки с игрушечными винтовками» и т.п.) продолжали действовать, вывозя за пределы Надежды остаток населения, даже после появления земной экспедиции.

Бенсоны были удивлены: все перечисленное они знали, поскольку сами же пришли к таким выводам еще до прибытия главных сил Комиссии по Контакткам. Неужели за минувшие годы Следопыты не смогли установить дополнительных фактов? Заинтригованные первооткрыватели направили в КОМКОН-1 письмо, смысл которого сводился к простому вопросу: «Куда ведут Нуль-Т-каналы, по которым Странники вывезли миллиард гуманоидов?» С большим опозданием «первая комиссия» ответила, что исследования продолжаются и что по завершении работ общественность будет проинформирована о полученных результатах. Бенсоны посылали повторные запросы в 73-м и 79-м, но ответы были идентичными: на планете Надежда работают высококлассные специалисты, которые тщательно изучают весь комплекс проблем...

Прошло два года после памятного старта «Санта-Эсперансы». В июле 65 года два друга собрались навестить охотничьи угодья Пандоры в компании знакомых девиц. Буквально в последний день перед отправлением обе girlfriends одна за другой отказались участвовать в сафари — скорее всего, подыскивали себе более приятных спутников. Владелец прогулочной яхты «Корабль» Антон Сорбин (в то время — третий пилот на рейсовом звездолете дальнего радиуса «Амазонка») и его сосед структурный лингвист Вадим Дольченко решили было лететь вдвоем, но тут внезапно объявился некто Саул Репнин, который представился историком и уговорил звездоплавателей-любителей отвезти его на какую-нибудь необитаемую планету. Не долго думая, Сорбин предложил систему ЕН-7031 — он точно знал, что возле этой звезды несколько лет назад беспилотным зондом обнаружена пригодная для жизни планета. Репнин не возражал — он вообще плохо разбирался в астрогации, а потому был готов лететь куда угодно.

Планета оказалась на месте и немедленно получила имя в честь пассажира — Саула. Дальнейшие события хорошо известны благодаря множеству видеофильмов и сериалов: самодеятельная экспедиция открыла гуманоидную цивилизацию, достигшую того уровня развитого феодализма, когда начинается объединение мелких княжеств под властью абсолютистских монархий. Трое землян даже попытались сгоряча наладить контакт с аборигенами, но быстро взяли за голову и, вернувшись домой, покались в содеянном.

Впоследствии Саула стала объектом пристального внимания исследователей из КОМКОНа-1 и Института экспериментальной истории. Антон Сорбин даже решил вернуться на Саулу, ради чего сменил профессию, став прогрессором. Совсем недавно, в 77-м году он наломал дров. Не выдержав мерзостей средневекового быта, прогрессор сломался и зарубил холодным оружием массу народу в городе Арканар.

Менее известны широкой публике два очень важных обстоятельства. Во-первых, экспедиция Сорбина-Дольченко-Репнина обнаружила на Сауле промежуточную Нуль-Т-станцию, которая была построена в незапамятные времена неизвестной ВСЦ — вероятнее всего, Странниками. Во-вторых, Саул Репнин оказался пришельцем из XX столетия.

Оба феномена — подпространственные тоннели ВСЦ и факт путешествия во времени — старательно замалчиваются. Более того, независимые исследователи, эти «вольные охотники» Большой Науки, не один и даже не десять раз предлагали очень перспективные программы изучения феноменов. Однако, некие очень могущественные силы старательно и непреклонно ставят барьеры на пути ученых. Прошло почти двадцать лет, однако Нуль-Т на Сауле и Надежде, равно как хрономоция Репнина остаются неисследованными.

Бромберг оказался прекрасным лектором и очень умело сопровождал тексты виртуозно подобранными кадрами хроники и анимационными вставками. К своему позору Максим убедился, что даже он, при всех допусках и других привилегиях, открывавших легкий путь к источникам информации — даже он не знал всех обстоятельств этих событий.

Победоносно разглядывая гостя, Бромберг поводил пальцем по сенсорам пульта, выключая проекторы, после чего задиристо осведомился:

— Надеюсь, теперь вы не осмелитесь отрицать наличия темных сил, наглухо закрывших целые направления научных исследований?

— Трудно отрицать очевидное, — пробормотал Максим, все еще пребывавший под

сильнейшим впечатлением от услышанного и увиденного. — Только, на мой взгляд, тут имел место не запрет, а саботаж... И, еще раз повторяю, наша Комиссия к этому делу отношения не имеет.

Он мысленно добавил: «Скорее всего, не имеет отношения — иначе бы я знал». Конечно, учитывая принятую в Конторе иерархию степеней секретности, начальника отдела ЧР могли просто-напросто не поставить в известность. Хотя навряд ли. Даже в лучшие времена Галбез и КОМКОН-2 не имели полномочий запрещать какие-либо исследования. Контора лишь информировала Мировой Совет, что считает данную работу опасной, и, если верховный орган признавал аргументацию убедительной, принималось соответствующее решение на самом высоком уровне, а спецслужбы получали задание контролировать строгость исполнения запрета... Следовательно, если Мировой Совет запретил изучать многомерные транспортные линии Странников, то должен существовать указ, зарегистрированный в архивах Галбезопасности. Если же запрета не было, а исследования кем-то тормозятся, значит — кто-то саботирует работу, и нетрудно догадаться, кто именно этим занимается...

Не посвященный в его рассуждения Бромберг был заметно смущен последней фразой собеседника и раздраженно спросил:

— Кто же, если не ведомство Сикорски?

— Вот это мы попытаемся выяснить! — Максим решительно встал. — Поехали ко мне. Только наденьте что-нибудь теплое. В Свердловске сейчас морозно.

Оказавшись у себя в кабинете, он первым делом затребовал информацию по Надежде и Сауле. Никаких следов указа о засекречивании, разумеется, найти не удалось, так что оставалась лишь одна версия, достойная отработки.

Попросив Бромберга выйти из поля зрения передатчика, Максим вызвал на телеконференцию Тирекса с Экселенцем. Услышав подробности, старики были потрясены ничуть не меньше, чем он сам полчаса назад, и в один голос подтвердили, что управления "Т" и "К" никогда не занимались Нуль-Т-агрегатами на этих планетах.

— Андрей в те годы руководил операциями против негуманоидов, а я, если помнишь, работал на Саракше, — сказал Экселенц. — Мы с тобой вернулись на Землю в конце шестьдесят пятого — так?... Ага, припоминаю... Когда Экзорсист сдавал мне управление, он упоминал дело «Крематорий». Кажется, они занимались историей Саула Репнина, причем дело было закрыто... А реликты Странников — это компетенция «первой комиссии».

Тирекс перебил его:

— Мы уже поняли, кто пытается замести следы к базам Внешней Угрозы. Вероятно, он или она имеет влияние на верхушку «первой комиссии».

— Это мы и раньше знали, — сказал Экселенц. — Другое дело — кто наводил гэзспэшников на эти миры.

— Наводил? — задумчиво переспросил Максим. — Да, пожалуй. Мы снова получаем третью силу. Я проверю.

— Проверяй, — разрешил Тирекс. — Тут подойдет методика «грибной охоты». Если понадобится помощь, я подключу Тахорга.

— Сам справлюсь, — дернулся Максим. — До связи.

Он дал отбой, и в ту же секунду изнывающий от любопытства Бромберг засыпал его вопросами. Что имела в виду эта парочка душителей свободной науки, когда намекала, будто им понятно, кто мешает исследованиям? Почему для участников молниеносного обмена мнениями так уж очевидно, что корабли ГСП были «наведены» кем-то на Саулу и Надежду? Причем тут грибная охота? О какой третьей силе шла речь?

— Объясняю по порядку, — сказал Максим, улыбаясь. — Исследования, о которых вы беспокоитесь, выводили землян на действующие базы Странников. Кого могла обеспокоить такая перспектива?

— Галактическую безопасность, — не раздумывая, выкрикнул Бромберг.

— Совсем наоборот. Контора была бы счастлива обнаружить места обитания

сверхцивилизаций — так нам было бы проще предотвращать негативное влияние Внешней Угрозы. Поэтому изучение внепространственных трасс было невыгодно самим Странникам. Поэтому их резидент на Земле добился сворачивания работ... А что такое «грибная охота», вы сейчас увидите.

Надев менто-обруч, он напрямую соединился с БВИ. Перед глазами заматался виртуальный калейдоскоп информационных массивов, разбросанных по bwi-страничкам. Максим словно летел сквозь плотное звездное скопление, каждое светило которого соединялось с ближайшими и далекими соседями множеством пульсирующих нитей — гиперсвязками. Набросав десяток ключевых понятий, он быстро сформировал сектор, где хранилась документация по исследованиям Надежды и Саулы. Отчеты прогрессоров, приказы мобильным группам, рапорта орбитальных наблюдателей. Повсюду — наложенные КОМКОНОм-1 грифы секретности, без особого труда преодолеваемые программными приложениями КОМКОНа-2... Наконец он добрался до главного.

Запрос Г.Комова от 10.07.66 (через неделю после первого письма супругов Бенсонов) в инженерную службу Комиссии по Контакткам. Комова интересовало, удастся ли, исходя из экономических соображений, быстро доставить к Надежде или Сауле (либо к обеим планетам) пеленгаторы высокого разрешения, способные проследить, куда тянутся подпространственные тоннели Странников. Через двое суток поступают панические донесения от наблюдателей: практически одновременно прекратили функционировать Нуль-Т-комплексы на указанных планетах.

Комов немедленно отдает приказ: срочно приступить к созданию пеленгатора для отслеживания остаточных деформаций многомерного континуума. На следующий день инженерная служба присылает заключение: такое оборудование слишком громоздко и энергоемко, монтаж займет не меньше месяца, тогда как остаточные деформации полностью «затягиваются» через 40-70 часов. Получив этот ответ, Комов вылетел на Саулу, попытался пройти по следам Нуль-Т-канала с помощью бортовых детекторов Ламондуа. Рейд оказался неудачным, и 19 сентября появляется очередной приказ: отменить распоряжение от 12.09.66 в связи с исчезновением объекта исследований.

— Все понятно, — печально резюмировал Бромберг. — Вернее — все кончено.

Он бойко изложил собственную версию-экспромпт. Следопыты во главе с чертовски самолюбивым Геной Комовым упустили время. Можно сказать, ушами прохлопали. Идею запеленговать базу Странников им подсказало письмо Бенсонов. Когда Комиссия по Контакткам спохватилась, Странники успели отключить свои транспортные линии. Не желая признаваться в собственном ротозействе, Следопыты посылали Бенсонам бюрократические отписки: дескать, исследования продолжаются. Хотя к тому времени уже и нечего было исследовать.

— Все не так просто, — весело сказал Максим. — Ничего не кончено, дорогой профессор. Работа только начинается... Ага, вот и ответы на мои запросы поступили.

Первым в киберпамяти регистратора оказалось письмо от Б.Бенсон, Ружена, 457-41-47. Максим ностальгически вздохнул. Кто из ГСПшников Ружены не знал «сестренку Би». Кстати, именно она дежурила в тот день, когда Максим (тогда еще Ростиславский) стартовал к Саракшу. Судя по тексту, она оставалась все той же жизнерадостной болтушкой: на шести страничках — успела же наговорить такой текст за считанные минуты! — укоряла его, что редко выходит на связь, а также приглашала в гости, обещая познакомить с хорошей девушкой — не такой испорченной, как эти зазнавшиеся землянки.

И лишь в самом конце последней страницы Биргит соизволила ответить по существу. Объекты поиска они с Рольфом выбирали в тот раз, как обычно, то есть ввели в кибер-атлас стандартное задание: назвать четыре неисследованных солнца (тройные и большей кратности не предлагать), которые можно облететь на яхте прогулочного класса, сохранив 20-процентный запас хода. Кибер подумал секунду-другую и выдал координаты квартета близких светил из сектора Пегаса: ЕН-5243, ЕН-5251, ЕН-5269, ЕН-5277. Будучи людьми педантичными и не слишком инициативными, Рольф и Биргит исследовали объекты именно

в порядке нарастания номеров, согласно каталогу Единой Номенклатуры.

Следующий ответ касался старого дела «Крематорий». Оперативная группа управления "К", проводившая дознание по свежим следам, установила, что накануне отлета, стоя в очереди на получение разрешения на охоту, Антон Сорбин случайно встретился с доктором ксенологии Бадером, и тот, по обыкновению, прочитал многочасовой монолог о трудной жизни Следопытов. Среди прочего, Бадер упомянул, что в очередной раз отложена экспедиция к ЕН-7031, у которой имеется пригодная для жизни планета. Когда Саул поинтересовался миром, где нет людей, Антон сразу вспомнил недавний разговор и машинально назвал эту планетную систему.

Далее в информационной справке излагались результаты расследования по личности самого С.Репнина. Установлено, что впервые он зарегистрирован на Земле в сентябре 58 года. Поселился в Колпино, сведений о себе в БВИ не сообщал, вел крайне замкнутый образ жизни — не удалось найти людей, с кем бы он близко подружился. В начале 60-х гг. фигурант наладил контакты с рядом научных обществ по изучению военно-политической истории XX века. Наиболее заметные работы: «Ржевско-Вяземская операция Калининского и Западного фронтов (июль-август, 1942)»; «О некоторых особенностях менталитета первого поколения советских людей»; «Лагеря военнопленных III Рейха» — всего передал в информационную сеть 19 исследовательских и обзорных материалов (общий объем — порядка 700 стандартных страниц), посвященных периоду 1930-45 гг. старого стиля.

С.Репнин необъяснимым образом исчез из пассажирского салона яхты А.Сорбина, когда звездолет «Корабль», возвращаясь с Саулы, вошел в атмосферу Планеты. Из прощальной записки можно было, при желании, сделать вывод, что фигурант, будучи заключенным гитлеровского концлагеря, построил машину времени, на которой бежал ровно на 300 лет в будущее, а затем принял решение вернуться в свою эпоху.

Возбужденное по данному факту расследование показало, что фигурант внешне похож на сохранившиеся в архивах фотографии Репнина Савела Петровича, который родился 16 июля 1911 года в г.Санкт-Петербург и с 19-летнего возраста поступил на военную службу в Красную Армию. Было проведено сравнение отпечатков пальцев, оставленных Саулом Репниным по месту жительства и в яхте А.Сорбина, с отпечатками пальцев Савела П.Репнина из архивов Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. Экспертиза показала несомненное сходство отпечатков, однако однозначный вывод невозможен ввиду крайне низкого качества чудом уцелевших материалов трехвековой давности.

По имеющимся данным из архивов военной контрразведки, НКВД и Наркомата обороны СССР, капитан Красной Армии С.П.Репнин попал в плен 21.08.1942 (по ст. стилю) в сражении на подступах к г.Ржев, где он командовал ротой 6-го танкового корпуса. Оказавшись в лагере для военнопленных около г.Тарту, организовал побег группы заключенных, которые впоследствии вели партизанскую борьбу против оккупантов. Погиб в бою с отрядом карателей в сентябре 1943 года, при убитом С.П.Репнине эсэсовцы обнаружили портфель с секретными документами штаба оккупационной администрации. В заключение дознаватель Галбезопасности особо подчеркнул, что идентичный портфель оставлен фигурантом в салоне космической яхты А.Сорбина.

Предпоследним документом был акт экспертизы пистолета-скорчера, также оставленного фигурантом в яхте «Корабль». Составители акта дипломатично отмечали, что оружие произведено по нетрадиционной технологии, не имеет положенной маркировки и характерных соединительных швов, словно выращено из эмбриозародыша, а не собрано, как полагается, из отдельных деталей. Кроме того, в конструкцию скорчера внесены некоторые изменения, примерно на 25-30% повысившие эффективность изделия.

— А вот и последний документ, — сообщил Максим, выводя текст на экран. — Научно-технический отдел управления "К" сообщает Экзорсисту, что точная оценка феномена находится за пределами возможного, поскольку современная наука не имеет единого мнения относительно осуществимости путешествий во времени. Резолюция

Экзорсиста: «В архив. Возобновить по необходимости»... Через два месяца начальником управления стал мой учитель и ваш кровный враг.

— Не говорите ерунды! — вскричал троекратный лауреат Геростатовской премии. — Мы с Рудольфом никогда не враждовали. Мы просто... — он покашлял. — Просто мы временами спорили...

И Бромберг нахраписто потребовал разъяснений. Его интересовал все тот же вопрос: почему профи-галбевовцы уверены, во-первых, что на Земле действует агентура Странников, и, во-вторых, что «Санта-Эсперанса» и «Корабль» были кем-то сознательно наведены на Нуль-Т-установки Странников. Именно на эти темы Максим не был намерен распространяться, о чем и сказал прямым текстом.

— Дело вовсе не в маниакальной тяге к сокрытию фактов, — поспешил он упредить неизбежные вопли буйного собеседника. — Просто я не хочу навязывать вам устоявшиеся гипотезы Конторы. У вас другая модель мышления, поэтому будет лучше, если вы приступите к работе без довлеющего груза чужих представлений. Вы будете заниматься этой загадкой своими методами, мы — своими. А через некоторое время встретимся и обменяемся выводами.

— Разумно, — признал Бромберг. — Ну что ж, ваш номер у меня есть, вы меня тоже сможете найти, если захотите. Удачи вам.

От греха подальше Максим решил подстраховаться и проводил новообетенного соратничка до дверей Нуль-Т-кабины. С этого взбалмошного старикашки стало бы подслушивать под дверью... Потом, вернувшись в кабинет, начальник отдела ЧП вызвал Клавдия.

— Кажется, я временно освободил тебя от дела «Кукла наследника», — начал он издали.

— Шеф, мне очень не нравится твой угрожающий тон, — признался старший инспектор. — Такое впечатление, будто сейчас на меня повесят новое дело.

— Ты угадал, — похвалил его Максим. — Значит, я не ошибся в выборе исполнителя. Тебе, с твоей проницательностью, с твоим врожденным искусством бойца невидимого фронта...

— Ладно, кончай эту пытку, — хихикнул Клавдий. — Говори, что делать придется.

12. Моргана. 10 декабря 83 года.

Этернал поднял его, что называется, по тревоге: разбудил среди ночи и приказал немедленно явиться на космодром «Жуковский». Звездный порт был оцеплен инспекторами КОМКОНа-2 и вооруженными громилами из Федерации боевых искусств. Сам Этернал носился по территории порта, организуя авральную погрузку на борт «Полумесяца» некоего сверхценного объекта, так что толком поговорить не удалось. Только в звездолете шеф, страшно ругаясь (даже назвал кого-то «бандой придурков») объяснил, что происходит. К моменту отрыва от стартовой площадки Максим был полностью согласен с президентом — действительно банда, причем именно придурков.

Пару дней назад собрался Президиум Всемирного Совета, на котором приняли решение инициировать детонатором одного из Подкидышей. В качестве объекта был выбран Аркан Голик, имевший на сгибе локтя значок, напоминавший латинскую букву «Омега» или эмблему фирмы «Мак-Дональдс». Нуль-физик, работавший на Полигоне в 400 световых лет от Солнца был смертельно болен лейкемией Юргенса, и врачи обещали Голику не больше полугода жизни.

Голику поведали историю его происхождения и предложили выбор: либо смерть от неизлечимой болезни, либо — эксперимент, в результате которого его организм, возможно, получит новые возможности. Если верить отчету, который прислал с Полигона проводивший беседу Комов, «подкидыш-11» был потрясен известием, однако быстро взял себя в руки и согласился участвовать в эксперименте. «Альтернатива у меня небогатая», — сказал он.

Одним из условий Мирового Совета была гарантия безопасности для человечества, а потому в постановлении отдельным пунктом указали: «Провести мероприятие в Дальнем Космосе, исключив несанкционированное возвращение „подкидыша“ на Землю». Поэтому Голик был доставлен с Полигона на планету Моргана, где имелась хорошо оснащенная научно-исследовательская база, укомплектованная специалистами КОМКОНа-1 и Института ксенозоологии. Следопыты изучали разрушенный стихиями и местной фауной город Странников, а зоопсихологи — саму местную фауну, в частности, полуразумных псевдодемонов.

— Идиоты! — не мог успокоиться Этернал. — Правая рука не знает, чем должна заниматься левая ягодица! Я имел полное моральное право отложить их дурацкий эксперимент на неделю для обстоятельной подготовки!

«Экселенц бы так и сделал», — подумал Максим. Насколько он разбирался в повадках основных ведомств, работающих в Космосе, люди Комова подумали обо всем, кроме сущего пустяка, а потому минувшим вечером получили большой и неприятный сюрприз. Пять лет назад Погром помешал Вышестоящей Организации эвакуировать за пределы Земли саркофаг-инкубатор, однако последний оставался под охраной службы Контрпроникновения. Как бы то не было противно горе-коллегам, Комову пришлось звонить Этерналу и просить разрешения на вывоз детонаторов.

Потрясенный шеф КОМКОНа-2 устроил большой скандал, однако сразу два вице-президента Мирового Совета, лично извинившись, заверили, что в дальнейшем подобные решения обязательно будут приниматься с участием его ведомства. По словам Этернала, он добился гарантий, что виновные в пренебрежении к законодательству будут наказаны, а заодно напомнил, что любые операции с детонаторами должны проводиться в присутствии представителей Комиссии по Контролю. Руководству Мирового Совета пришлось сильно надавить на Комова, прежде чем тот сдался и согласился впустить на Моргану давних конкурентов.

Когда корабль опустился на Моргану, помощник Этернала осторожно поднял саркофаг, а сам шеф КОМКОНа-2 и Максим с «кайзерами» на изготовку сопровождали особо ценный груз на всем пути через рукав переходника, в вездеходе, а потом в коридорах лабораторного корпуса. Здесь их встретили Комов, Вандерхузе, сильно постаревшая Марта Раулингсон и еще какие-то бонзы из Комиссии по Контактam.

Передав инкубатор во временное пользование ответственным лицам «первой комиссии», контрпроникновенцы немного расслабились. К Максиму подбежала сияющая Марта, чмокнула в подбородок, начались воспоминания о работе на Саракше. Погоревав о глупой смерти Левы Абалкина, Марта вдруг сказала:

— Ты знаешь, интересная история... Когда это случилось с Левушкой, головы прекратили контакты с нами.

— Как же? — удивился Максим. — В прошлом месяце я видел в Таиланде небольшую семейку — голов на пять-шесть. Самец, две самки и щенки.

— Кое-кто остался, — согласилась прогрессорша. — Буквально три десятка на всю Землю и по одной семейной группе на Венере и Марсе. Вероятно, соглядатаи. А на Саракше они нас близко к себе не подпускают. Что ты об этом думаешь?

— Об этом ваша лавочка должна беспокоиться, — Максим сделал равнодушное лицо. — Негуманоидные цивилизации выведены из нашей компетенции.

А про себя он отметил, что разрыв отношений с одновременной заброской агентуры на заселенные миры земной цивилизации — это типичное чрезвычайное происшествие, которым обязательно следует заняться вплотную.

Тут в сопровождении многочисленной свиты появился герой дня. Аркан Голик был рослым брюнетом с серо-синими глазами. Телосложением он немного напоминал Абалкина, хотя уступал тому в ширине плеч. По его лицу блуждала болезненная гримаса — вероятно, процесс перерождения клеток уже достиг нервных окончаний. «Подкидыш» проследовал в бронированный бокс, в котором, как догадался Максим, обычно содержатся изучаемые

псевдодемоны. Чтобы вырваться из такой камеры требовалось не меньше часа возни с плазменным резаком.

За происходящим внутри можно было наблюдать посредством голографических мониторов. Врачи облепили Аркана датчиками, включили расставленную вдоль стен аппаратуру. Теперь в боксе оставались только «подкидыш» и ответственные за проведение эксперимента — Комов и Этернал.

— Тебя не удостоили? — раздался рядом с ухом насмешливый шепот.

Повернув голову, Максим обнаружил прямо перед глазами белую майку с красной надписью «Houston Cougars». Насколько он знал, «Хьюстонскими пумами» называлась баскетбольная команда соответствующего университета на Техасщине — нетрудно было сообразить, почему голос показался таким знакомым. Немного приподняв взгляд, Максим увидел лицо Мерлина Кондратьева.

— Как и тебя... Кстати, в каком качестве ты тут оказался?

— В полуофициальном, — пояснил Мерлин. — Независимый исследователь. Изучаю город Странников.

На них зашикали, чтобы не мешали слушать. «Чего слушать-то? — громко удивился правнук первого звездолетчика. — Вы что, в театр музкомедии пришли?» Хохотнув, Максим предложил перенести профессиональные сплетни на попозже.

Голик, постанывая, улегся на койку, установленную в центре неприступного бокса. Руководители обоих КОМКОНов подкатали к ложу столик, на котором покоился саркофаг.

— Посмотрите на этот предмет, — строго сказал Комов. — Он вызывает у вас какие-нибудь эмоции?

Голик отрицательно мотнул головой, однако выведенные в зал мониторы показывали: у него скачком поднялись частота пульса и кровяное давление, а вдобавок резко изменился профиль биотоков. Несомненно, подопытный волновался или нервничал. Впрочем, «подкидыша-11» наверняка предупредили, что некие артефакты Странников могут сыграть в его судьбе важную роль. Как тут не разнервничаться...

Этернал открыл коробку. Голик с живым интересом заглянул внутрь, спектр биотоков снова изменился, давление пришло в норму, сердцебиение оставалось учащенным.

— На том диске — значок, как у меня на локте, — удивленно сказал Голик. — Это имеет отношение ко мне?

— А вы не знаете? — быстро спросил Этернал. — Сосредоточьтесь. Может быть, подсознание подскажет.

Голик закрыл глаза и задумался. Физиологические параметры постепенно вернулись к норме. Узор мозговой активности содрогнулся — врачи в зале прокомментировали, что налицо нормальная картина человеческого мышления. Открыв глаза, Голик решительно заявил:

— Ничего путного на ум не приходит. Что будете делать дальше?

Комов посмотрел на Этернал, но тот демонстративно отвернулся: дескать, сам затеял эту авантюру — сам и расхлебывай. Почесав за ухом, Комов осторожно вывинтил детонатор, украшенный стилизованной «омегой» (впрочем, если повернуть на 90 градусов, получалась буква «эпсилон») и подошел вплотную к полулежащему на откинутах ложе «подкидышу». Приборы показывали нормальное физиологическое состояние. «Даже слишком нормально для такого больного человека», — обронил кто-то из медиков.

Кажется, Комов пребывал в растерянности. До сих пор все причастные к этому делу считали, что для инициирования «подкидыша» необходимо совместить значок на ворсистой грани детонатора с такой же картинкой на сгибе локтя. Помедлив, Комов именно так и поступил. Зал затаил дыхание. Голик, судя по телеметрическим показаниям — тоже.

Внезапно главный Следопыт, вскрикнув, отшатнулся от кресла, но тут же снова шагнул вперед и пояснил, что детонатор ударил его сильным электрическим разрядом. На голограмме Максим видел диск, висящий в воздухе перед лицом Голика. Короткие волоски, покрывавшие днище детонатора, на глазах прибавляли в длине и тянулись к разным частям

тела «подкидыша». Трехмерное изображение начало дергаться, но удалось разглядеть, что сотни тонких нитей буквально облепили Голика. Датчики сообщали что-то несусветное — разобраться в этих показаниях мог только специалист, поэтому Максим вовсе перестал смотреть на монитор.

Все зрители ждали, что вот-вот случится нечто совершенно особенное, однако минуты через три детонатор отсоединился от Голика, втянул нити, подлетел к коробке и аккуратно вернулся в свое гнездо.

— И это все? — громко выразил разочарование Мерлин. — Лично я ждал большего. Предлагаю забросать режиссера тухлыми помидорами.

Послышались смешки. Старший представитель Медицинской Академии, смерив Кондратьева уничтожающим взглядом, презрительно заявил:

— Вы невежда, месье. Обратите внимание на монитор — лейкомия отступает.

Между тем Голик с удивлением подтвердил, что больше не чувствует боли, которая изводила его в последние недели. Затем на «подкидыша» напала сонливость, и он попросил не беспокоить, пока сам не проснется.

Руководители двух Комиссий вывезли из бокса тележку с детонаторами и тут же затеяли спор о дальнейших экспериментах. Их дискуссию решительно пресек главный медик:

— Он останется под нашим наблюдением. Если начнутся опасные проявления — поставлю вас в известность. Но теперь наша основная задача — определить факторы, подавившие вирус Юргенса.

Голик спокойно спал, делать в зале было нечего, и Каммерер с Кондратьевым уединились в каюте последнего. Коллеги из разных ведомств слишком давно не виделись, так что им было о чем поговорить.

За завтраком Волк-Одиночка, как называли в известных кругах Мерлина, поведал, что с большим трудом пробил через Мировой Совет разрешение доставить на Моргану портативный КРИ — коллектор рассеянной информации. В итоге долгих стараний удалось получить изображения существ, обитавших в этих развалинах сотни тысяч лет назад. К сожалению, изображения вышли размытыми — изготовленные из янтарина стены плохо сохраняли фотоны.

Пока Максим рассматривал стереоснимки громоздких туш со множеством мощных щупалец разной длины, Мерлин свирепо скалился, а потом вдруг сказал:

— Пора разобраться, кто мешает нам работать и почему мне так долго не разрешали эксперимент с коллектором.

— Мешали? — насторожился Мак. — И тебе тоже?

— Представь себе. Я три года умолял самые разные инстанции подпустить меня хоть к какому-нибудь городу Странников. Собрал целую коллекцию потрясающих по идиотизму отписок: дескать, влияние столь сложного прибора может нанести необратимый ущерб ценнейшим реликвиям... А почему ты сказал «тоже»? Были похожие прецеденты?

Максим в очень сжатом виде изложил проблему, на которую его навел Бромберг, дополнив историю теми сведениями, что успел раскопать Клавдий. Дознание подтвердило, что Август Бадер давно считал эту систему очень перспективным объектом, но в руководстве КОМКОНа-1 самого Бадера считали маразматическим занудой, а потому с некоторых пор прекратили слушать доводы ветерана корпуса Следопытов и даже действовали наоборот. В те времена более важной задачей считался прорыв через Слепое Пятно. Как следствие, экспедиция к ЕН-7031 отменялась трижды (!!!), а затем вовсе исчезла из перспективных планов.

Скорчив понимающую мину, Мерлин воскликнул: дескать, сам многожды бил во все колокола.

— Я уже устал доказывать, что в руководстве «первой комиссии» засели натуральные вредители! — возбужденно выкрикивал бывший хьюстонский баскетболист. — Уже много лет, примерно с начала шестидесятых, все исследования по Странникам практически

свернуты или топчутся на месте!

Беседа грозила скоротечно переродиться в обычную для людей их профессии болтовню, то бишь в бесцельную ругань по поводу новых порядков. Но тут, по счастью, засветился светлячок на дверной мембране.

Заходи, не стесняйся! — гаркнул Мерлин. — И подругу приводи, а то нас тут двое!

Войдя в номер, ухмыляющийся Этернал извинился за отсутствие подруг, но твердо пообещал при первой же возможности познакомить Кондратьева с целым взводом роскошным культуристок из спецотряда рукопашной подготовки. Затем, усевшись в услужливо выросшее из пола кресло, поинтересовался самочувствием Тахорга и велел передавать наилучшие пожелания. «Вы увидите шефа раньше, чем я, — пробурчал Мерлин. — Мне тут, похоже, сидеть и сидеть — до самого коллапса Вселенной».

— Тоже верно, — Этернал фыркнул. — Ну-с, молодежь, что вы думаете о давешнем шоу?

— Думаем, — процедил Максим. — Но ничего путного пока не придумали. В лучшем случае, детонаторы окажутся индивидуальными аптечками, которыми предусмотрительные Странники снабдили своих питомцев. Только я в такую удачу не слишком верю.

— Согласен, — Этернал кивнул и вдруг засмеялся. — Медики прыгают от счастья. Уже выявили в крови Голика целую колонию антител, которые дружными усилиями пожирают вирусы Юргенса. Говорят, ничего подобного микробиология еще не знала. Так что эксперимент в любом случае следует признать удачным — найдено лекарство от самой страшной болезни последнего полувека.

Новость казалась приятной. Однако все трое, ввиду профессиональных особенностей, давно заделались отъявленными пессимистами, а потому предпочитали думать исключительно о возможных в перспективе неприятностях. Кондратьев мрачно поинтересовался:

— Кто-нибудь позаботился о подстраховке на случай, если наш подопытный кролик вдруг пожелает прогуляться до космодрома? Не видел я тут крепких ребят с парализаторами. Или хотя бы пресловутых подруг-культуристок.

— Все предусмотрено, — успокоил младшего коллегу Этернал. — На всех звездолетах система управления заблокирована функциональным кодом. А в тоннелях, ведущих к стартовым бункерам, дежурят очень крепкие ребята из комовской лавочки. У них имеются не просто парализаторы, а вот такие игрушки...

Вытянув из кобуры, он ласково подбросил и снова поймал новейший «кайзер». Верхний ствол — скорчер, нижний — метательный. Точно таким же был вооружен Максим — перед вылетом на Моргану галбеговцы зарядили пистолеты обоймами с парализующими ампулами.

— Он может прорваться в обход тоннелей, — все еще сомневался Мерлин.

— По этой планете не больно погуляешь, — Этернал снова хохотнул. — Не зря же для эксперимента выбрали Моргану. Здесь, знаете ли, обитают оч-чень милые твари. Или не слышали о псевдодемомах?

Они слышали о псевдодемомах и даже имели удовольствие вступать с оными в тесный контакт. Поэтому вопрос сразу отпал, хотя Максим продолжал немного тревожиться. Кто знает пределы возможностей «подкидыша» после контакта с детонатором? Как ринется, как вмажет — пойдут от ваших Следопытов-Прогрессоров клочки по закоулочкам. Или загнипнотизирует и спокойно сядет в звездолет.

Впрочем, он понимал, что задает себе некорректные вопросы, ответы на которые известны разве что самим Странникам. Как говаривал кто-то из классиков, «чтобы правильно сформулировать вопрос, надо знать большую часть ответа». Эксперимент сегодняшний поставлен исключительно из этих соображений — хоть чуточку прояснить завесу окружающего нас мрака...

— Хотел бы я знать, какотреагирует на это, как вы остроумно выразились, «шоу» Резидент... — негромко сказал Максим. — И вообще я давно уже пытаюсь понять его

психологию. Мы на Саракше не слишком заботились о желаниях аборигенов, поскольку были уверены, что лучше них знаем и понимаем, что нужно делать. Поэтому спокойно гнули свою линию, всеми средствами вынуждая саракшианцев выполнять наши предначертания. Мы знали, что мы умнее и сильнее аборигенов... И еще мы чувствовали себя в относительной безопасности, поскольку нас защищала высочайшая технология...

Он вспомнил, какие легенды окружали работавших на Саракше землян. Сколько раз местная контра или мафия пытались ликвидировать досаждавшего им Мака Сима! Сколько раз в укромных местечках его окружали до зубов вооруженные банды отпетых зверюг, и профессиональные киллеры привычно давили на гашетки, уверенные в итоге. Только пули, отклоняемые защитными полями, неизменно возвращались в самих же стрелявших... Очень непросто драться с существом, которое втрое сильнее тебя, думает и реагирует в десять раз быстрее, а вдобавок слышит ультразвук, видит инфракрасный свет и чувствует жесткие лучи.

— Схоластика, — отмахнулся Этернал. — Мы же согласились, что Резидент — не Странник, а завербованный человек. Он получает от своего руководства приказы и выполняет их, проявляя ту или иную степень самостоятельности. Думаю, в одном ты прав — сами Странники не будут слишком церемониться с нами, они целеустремленно навязывают младшим цивилизациям свои предначертания...

— Вероятно, они снабдили Резидента солидными экстрасенсорными способностями, — добавил Мерлин. — Впрочем, это мое личное мнение. Голословное и умозрительное.

На руке шефа «второй комиссии» ожил браслет. Незнакомый голос сообщил:

— Кажется, началось. Приборы отслеживают перестройку клеток.

— Превращается в монстра? — быстро спросил Этернал.

Дежуривший в зале Следопыт издал странный звук, словно пытался подавить смех. Потом сказал беззаботным тоном:

— Не, внешне он не меняется. Врачи говорят, перерождаются нервные волокна и некоторые эндокринные железы.

— Какие именно? — рявкнул Мерлин. — Сердце — тоже эндокринная железа! Мозг затронут трансформацией?

— Откуда мне знать, — обиделся голос в браслете. — Я археолог, а не медик.

— Побежали, — скомандовал Этернал, расстегивая кобуру. — На месте разберемся.

База, выросшая вокруг города Странников, имела обширные размеры, а вот насчет внутреннего транспорта никто не позаботился. От жилых отсеков до лабораторного комплекса пришлось бежать через множество коридоров, тамбуров и подъемников, и весь путь отнял не меньше пяти минут. За это время доносившиеся из браслетов и динамиков внутренней трансляции выкрики успели пройти эволюцию от уговоров («Аркан, не нервничайте, вернитесь в кресло...»), минуя легкую панику («Куда он делся? Кто-нибудь его видит?...»), до откровенной истерии («Аркан, что вы делаете? Немедленно назад...»).

Ворвавшись в демонстрационный зал, они первым делом увидели распахнутую дверь бокса. Голика видно не было. Все пытались перекричать друг друга, но никто не желал рассказывать подробности. Этернал пробился к Комову и, размахивая «кайзером», рявкнул, пытаясь перекричать галдеж:

— Где он?

Растерянный Комов посмотрел на него безумными глазами и без слов показал на малую голограмму. Видимо, на этот монитор шла видеoinформация с внешних передатчиков. Аркан Голик без скафандра и без оружия уверенно шагал по каменистому грунту Морганы, непринужденно перепрыгивая через заросли колючек полутораметровой высоты. Он успел миновать половину пути до ближайшего бункера, когда из-за кустов вымахнула парочка псевдодемонов.

Демонстрационный зал мгновенно затих. Чудовища — каждое в полтора раза выше ростом и значительно массивнее человека — оскалив клыки и выпустив когти верхней четверки конечностей, бросились на легкую добычу. Они уже присели для последнего прыжка, но прыгать не стали, а вместо этого повалились на бок и застыли в неподвижности.

Голик спокойно прошел мимо лежащих тварей.

— Аркан, вернитесь, вы не сможете покинуть планету! — отчаянно крикнул Комов.

— Вряд ли он вас слышит, — насмешливо заметил Кондратьев. — Или вы снабдили его радиобраслетом?

Президент КОМКОНа-1 только вздохнул и отрицательно покачал головой. Между тем на голограмме «подкидыш» добрался до входа в бункер, защищенного массивным бронированным диском, набрал восемь цифр на клавиатуре замка и шагнул в раскрывшийся проем.

Марта тихо сказала:

— Вот так же он открыл дверь бокса. Хотя не мог знать код замка... Значит, все-таки заработала программа. Он уже не человек.

— Но и не Странник, — уточнил Максим. — Он — усовершенствованный человек. Homo Super.

Они продолжали вызывать Голика, но тот ни разу не ответил. Вскоре раскрылись лепестки верхнего люка, и из бункера выпорхнул звездолет. Все передатчики базы заголосили, требуя от «подкидыша» вернуться или хотя бы сообщить о своих намерениях, однако «призрак», сохраняя молчание, вышел за пределы атмосферы и скрылся в подпространстве.

Три работника Галбеза в этой суматохе участия не принимали, поскольку Этернал увел их в бункер. Следовало проверить, действительно ли Голик улетел на стартовавшем корабле. Этернал не исключал, что «подкидыш» мог запустить звездолет в беспилотном режиме, имитируя свой побег, а сам тем временем затаится на Моргане для выполнения неведомого задания.

Увы, Голик все-таки бежал. Проверив показания приборов, они установили, что обладатель знака «омега» невероятным образом сумел разблокировать эпсилон-Д-привод. Потом вернулся вездеход, который привез свежие трупы псевдодемонов. Вскрытие установило смерть по причине отключения центральной нервной системы. А еще через полчаса Этернала вызвали в рубку связи. После непродолжительного разговора с Землей, шеф приказал Максиму отправляться на «Полумесец», а сам с невыразимым наслаждением сказал Комову:

— Можете радоваться, убийца. Ваш авантюризм и некомпетентность привели к гибели еще одного человека.

Пока звездолет готовился к старту, Этернал сообщил последние новости. Голик задал похищенному «призраку» курс на Гараж. На предупредительные сигналы не реагировал, а разрешения на вход в систему у него не имелось. В таких случаях самозапускается комплекс ближней обороны, отключить который может только начальник управления "Ф" с разрешения Мирового Совета.

— Его расстреляли? — переспросил Максим.

— Гиперонные пушки, — неохотно подтвердил Этернал. — Насколько мне известно, любой не имеющий допуска объект, уничтожается в открытом космосе не ближе миллиона километров от Гаража.

Потрясенный Максим с большим трудом сумел взять себя в руки. Он не мог представить причину, вынудившую принимать столь жесткие меры безопасности. Убивать только за попытку приблизиться — подобный режим существовал разве что в зоне атомных арсеналов Саракша. Или на подступах к лагерям особого режима... Хотя нет, был еще один очень похожий пример. Когда-то ужасно давно Странники оставили возле Ковчега спутник-убийцу с заданием расстреливать каждый корабль, приближавшийся к планете.

— Что же так манит Странников на этой планете? — пробормотал он наконец. — И почему мы так яростно ее защищаем?

— Наверное, тебе можно об этом знать, — сказал Этернал. — Лет двести назад планету Гараж превратили в могильник активных артефактов. Там хранятся особо опасные реликты Первого Посещения. Слышал, наверное...

Разумеется, Максим знал эту давнюю, почти забытую историю. На рубеже XX и XXI веков какие-то беззаботные пришельцы вывалили на Землю шесть куч нечистот и с любопытством наблюдали, как мы копаемся в этой мерзости. Иногда диким аборигенам удавалось даже извлечь из груды навоза съедобное зернышко или блестящую бусинку. Сначала исследователи Зон Посещения считали, что пришельцы улетели, забыв свое барахло. Но потом стало ясно, что они наблюдали за действиями людей всю первую четверть XXI столетия...

13. Земля. Сентябрь 2026 года.

Ватага почти обогнула Гнилую Топь, когда в роще затрещали деревья, и Старшой, крикнув сдавленным шепотом: «Ложитесь, козлы! Хозяин пожаловал, Дядя Вася!» — повалился ничком, где стоял. Остальные, не мешкая, последовали его примеру, распластались в жиже, не подсохшей опосля вчерашней моросьбы. Четверо человек — не мертвы, не живы — изо всех сил вжимались в жирную грязь, раскинув крестами руки-ноги. Словно диагноз сифилиса в медицинской карточке.

Дядя Вася, промеж тем, подходил ближе и ближе, слышались гулкие удары шагов, невидимые ступни расплескивали булькающие брызги, оставляя на мокрой земле и поверхности трясины громадные, в метр длиной, отпечатки то ли подошв, то ли копыт. Бестелесное чудище шагало с передыхами — два-три шлепка, потом тяжелое натужное сипенье и снова звуки шагов.

Пронесло, однако. Дядя Вася, не заинтересовался четверкой сталкеров, мимо направился. Когда грохот шагов начал удаляться, людишки-крестики приподняли головы, вглядываясь вдогон жуткому капризу неведомых создателей Зоны. Цепочка шагов медленно, как бы неохотно, удлинялась — прозрачный Хозяин, колыхая воздушную рябь, топал ножищами аккуратно на Желтый Дом, что стоял целехонький на горбе холма в двух с гаком верстах отсель. Но возле Поющего Оврага пунктир метровых вмятин вдруг оборвался, и стихли пугающие звуки.

— Ушел, родимый.

Старшой выпрямился, упираясь откинутым прикладом, и взялся счищать с гидрокостюма размокший чернозем, перемешанный с жухлой хвоей, листьями и прочими экскрементами осенней природы. Ватага тоже встала в полный рост, умело матерясь по всем адресам сразу. Толкнув плечом Толяна, Одноглазый сказал, плотоядно подмигивая располосованной шрамами рожей:

— Понял, сопля, для чего резину надевать велено? А то каждая салажatina с дипломом юмор свой кажет: вы, мол, че, аквалангисты, али сталкера... Будешь теперь до завтраго мокрый шлендрать — авось поумнеешь, не станешь другой раз насмехаться.

— Не станет, — уверенно подтвердил Старшой, словно бы со смыслом. — Другой раз — не станет. Ну, пошли, мужики, мало осталось.

Тропа каким-то чудом даже не увлажнилась, хотя зарядивший со вчерашнего утра дождь становился сильнее, и все вокруг прямо-таки бурлило и хлюпало. Ох, не зря прозвали старики эту дорожку — Засушная Авеню.

Ватага привычно перестроилась в колонну по-одному, с интервалом в полдюжины шагов. Одноглазый шел первым и время от времени пускал веером щедрые очереди из пейнтбольного автомата. Шарики ложились аккуратными дугами с радиусом в полтора-два десятка метров. Только у последнего поворота дорожки очередь дала сбой. Две ампулы, брызнув краской, упали недолетом, остановленные на полупути всплеском подземной тяжести. Одноглазый пальнул повторно, потом еще. Сказал, не оборачиваясь:

— Комариная плешь сдвинулась, однако. Обход искать надо.

Обход нашли, потыкавшись по топяи и утопив рюкзак с провиантом. После, как вернулись на Засушную Авеню, присмиривший было Толян решил подать голос:

— Слышь, Старшой, а что в Желтом Доме? Вроде, на чистом месте стоит...

Покосившись на дипломированного покойничка, Старшой поведал ласковым говорком:

— Там, родимый, Огненный Треножник обосновался. Бродил, понимаешь, и стрелял лучом по каждому, кто близко сунется... Видишь, вокруг горки кучи металла посверкивают?

— Ну...

— Антилопа-гну... Это ооновские гниды роботов за Треножником посылали. Цельный месяц, однако, осаду держали, чуть не сотню машин положили.

Одноглазый, сплюнув, добавил:

— На той неделе взяли трехножку. Мы с Бульдогом вона откуда всю разборку видели, как в кино. Стрельнули чем-то, он и заглохнул. Запихнули в ящик — и на космодром... А какие бабки нам за него деловые отвалить обещали!

Он явно не мог успокоиться, да и Бульдога всего передернуло. Понятное дело, за такие деньжищи вся ватага не меньше месяца ужиралась бы лучшими плодами цивилизации. Печально вздохнув, Старшой приказал сталкерам идти вперед, и вскоре вывел их на голую макушку очередного бугра. Здесь он шумно сбросил рюкзак и велел разлить по маленькой.

— Пришли, — объявил вожак, согревая перчаткой граненный стакан. — Толянч у нас по первому разу в серьезном деле — пусть первым судьбу свою попытает. За тебя, паря. Будь!

Они выпили-закусили, после чего Толян намылился, как есть, сигануть со склона в рытвину, однако Одноглазый удержал сопляка, напомнив: до Кубика положено ходить без оружия. Толян быстро-быстро, путаясь в антабках, скинул автомат, ремень с кобурой, вещмешок и, не попрощавшись, побежал вниз.

Бульдог быстро обвел окрестности лазерным биноклем-сканером фирмы «Сони» и, ни слова не говоря, кивнул Старшому. Сигнал этот означал: на шухере спокойно, в радиусе мили, а это побольше полутора километров, никого постороннего не обнаружено. Трое перекрестились, как всегда поступали в таких случаях, и Старшой, вскинув свою Light Rifle-400, приложился к телескопическому окуляру.

Выстрелил он профессионально — точно и расчетливо. Срезанный экономной, всего в две пули, очередью Толян, не пикнув, ткнулся носом в траву. Всего-то каких-нибудь парутройку шагов до Кубика не добежал.

— Я ж говорил, не станет он в другой раз насмехаться, — степенно изрек Старшой. — Шевелись, братва. Торопиться нам особо некуда, но и мешкать не стоит.

Спустившись в котлован, они первым делом оттащили труп, сбросив в овраг, где за четверть века набралось порядком таких неудачников. Потом окружили Черный Куб, нетерпеливо вглядываясь в матовую беспросветность обращенной к гостям грани.

Свершилось. Куб засиял, открывая принесшим жертву их будущее. Только непривычно смотрелось это самое будущее: скромный холм свежей земли, насыпанный в чистом поле.

— Не иначе, показывает нам место, куда пойтить надо, — предположил Одноглазый. — Видать, большие ценности там закопаны.

— Ценнее некуда, рожа кретинская! — прошипел Старшой, остервенело тыча во все стороны переключенной на автоматический огонь LR-400. — В таких могилах ооовцы нашего брата хоронят!

В них стреляли издали, много дальше мили. Потому и лазерный сканер не помог. Вся троица легла быстро и безболезненно, так и не поняв, откуда пришла смерть.

Засаду в Желтом Доме оставили еще неделю назад, как только вывезли Огненный Треножник. Региональная штаб-квартира безошибочно рассчитала, что сталкеры обязательно попрутся к Черному Кубу, едва в этом квадрате станет чуток поспокойнее. И дождались — сам Старшой явился со своими душегубами. Огромные снайперские винтовки успокоили безжалостного ветерана сибирских сталкеров и всю его ватагу одним залпом. Впрочем, для порядка Ахмедбек, Иван и Хамфри сделали по одному контрольному выстрелу, хотя любому ясно — реактивные пули 75-го калибра гарантируют стопроцентную летальность, даже если имеешь дело со слоном.

Ассоциативная память порой играет диковинные шутки. Пока роботы маршировали к

Черному Кубу, перед внутренним взором Жилина промелькнули яркие картины давней охоты на марсианских пиявок. Тогда у него была такая же винтовка «Уриэль», только с укороченным стволом...

— Есть, зацепили, — удовлетворенно ухнул Касуга.

Жилин лениво заглянул в стереотрубу. Двухсоткратное увеличение показало, как роботы аккуратно подхватывают манипуляторами коварное изделие чужого разума. Прежде чем скрыться в контейнере, облицованном изнутри тончайшим слоем «абсолютного отражателя», Черный Куб успел изобразить не то заводской цех, не то лабораторию — много разных приборов, машин, конвейерные линии. Вероятно, это было предприятие, куда роботов отправят для ремонта. Или на демонтаж. Так уж работал этот подарочек космических гостей: если убить рядом человека, то следующему зрителю Черный Куб покажет самую острую ситуацию, в которой означенный зритель окажется в ближайшие три-четыре месяца...

— Алла акбар, братишки, — Ахмедбек широко улыбался. — Можно сказать, эту Зону мы очистили.

— Курочка Ряба осталась, — напомнил пессимист Хамфри. — Такую махину голыми манипуляторами не скрутишь.

— Без нас возьмут, — отмахнулся Касуга. — Мы свою смену отработали по высшему разряду.

Лавируя между гравитационными провалами масконов, к месту работ приблизился тяжелый грузовой вертолет. Пилотов в кабине, само собой, быть не могло — одна автоматика. Умная машина с математической точностью зависла над копошившимися в котловане роботами, медленно снизилась, едва не касаясь грунта колесами. Похожие на многоногих пауков роботы проворно забросили контейнер в грузовой отсек, намертво закрепив, чтобы не шевельнулся. Вертолет снова набрал высоту и медленно направился к юго-востоку, строго выдерживая заданный курс.

Через час с командного пункта сообщили, что груз благополучно прибыл на аэродром, и спецгруппа окончательно избавилась от нервного напряжения. Дальнейшие операции были отработаны до мелочей: робот-самолет доставит добычу на Байконур, там другие роботы перегрузят контейнер в автоматическую ракету, и часов пять спустя Черный Куб будет замурован в одной из пещер на обратной стороне Луны.

Короткая стрелка на циферблате (в Зоне полагалось носить механические часы, потому как электронным здесь доверия не осталось) переползла за тройку, снова заморосила хлябь небесная. Неторопливо собрав поклажу, они взгромодились на летучую платформу, и процессоры автоводителя повезли боевую группу восвояси по трассе, которая неделю назад была сравнительно безопасной. Только Зона, гадина, не могла успокоиться, без конца здесь что-то перемещалось, ежедневно и ежечасно выпирали новые каверзы, тогда как старые перетекали в совершенно неожиданное место.

Дважды налетал «горючий пух». Ахмедбек орал свое «алла акбар» и «аман алла», нажимая гашетку. Пневматическая мортира швыряла в огненные облака сферические дьюары с жидкой углекислотой, а Касуга, матерясь на шести с половиной языках, орудовал ручным управлением. Еще их атаковали «громовые рушники» — пришлось сажать платформу на брюхо и отбиваться струями переносных компрессоров. Отбились, продвинулись на полкилометра, где едва не вляпались в лужу «ведьминого студня», но исхитрились обогнуть заковыристым зигзагом, чудом увернувшись от порхающих серебряных паутинок.

Только под вечер, до предела измотанные, выбрались они к границе Зоны. Солдаты на Заставе старательно выдерживали дистанцию — мало ли какую заразу могли подхватить эти самоубийцы, побывавшие в самом пекле. Только майор «голубых касок» решился приблизиться, чтобы сообщить: генерал Родригес отдал приказ немедленно по прибытии отвезти полковника Айвэна Джилина на авиабазу.

— Мне хоть помыться надо, — вякнул было Иван.

— Вам приказано немедленно вылететь в Сент-Питерсберг, — отрезал майор. — Ожидается какое-то совещание на высшем уровне.

Со слов майора он решил, что совещание состоится в Сент-Питерсберге, штат Флорида, то есть в двух шагах от космопорта на мысе Канаверал, а это пахивало немедленной отправкой в межпланетный простор. Комендант аэродрома успокоил: в действительности речь шла о Санкт-Петербурге, административном центре Ленинградской области. Все три часа полета на стратоплане Жилину снились плохо запомнившиеся кошмары: кажется, он опять проваливался в бездонную пасть жидкой атмосферы Большого Джупа, а по коридорам «Тахмасиба» слонялись боевики Зоона Паданиса, грозившие замочить каждого, кто не в совершенстве владеет языком коренной национальности.

Когда его растолкали, Быков как раз собирался запустить главный фотореактор, чтобы сжечь струей плазмы рвавшуюся к атомному арсеналу колонну танков Mc9 «Mamont». Продрав глаза, Жилин дико уставился на будившего его пилота и даже крикнул: «Отражатель не сфокусирован, Алексей Петрович!..» Потом дошло, что они уже приземлились в Пулкове, а ощущение юпитерианской перегрузки производит тяжеленный рюкзак, упавший с верхней полки ему на колени.

Как и следовало ожидать, спешку пороли совершенно напрасно. Совещание было назначено завтра на 10.00, так что на ближайшую ночь он имел полный отгул. После затянувшегося блаженства в горячей хвойной ванне Иван заказал в номер порционный ужин из пяти блюд и плюхнулся в кресло перед стереовизором.

Надолго его не хватило: сплошные ристалища тупых эрудитов, глубокомысленные беседы на интимные темы с обязательным привлечением профессоров-сексопатологов и ветеранов обеих чеченских кампаний, мордобойные триллеры, оживающие средь бела дня мертвецы, порно-эротические мыльные сериалы о жарких страстях на экзотических астероидах, а также очень много спорта и чудовищной музыки. Лишь изредка редактора делали коротенькие вставки информсообщений, которые с некоторой натяжкой можно было назвать серьезными.

...Экологические службы Евразийского Сообщества и Демократической республики Иран практически завершили очистку бассейна Волги и Каспийского моря от промышленных отходов...

...Научная база на Тритоне, естественном спутнике Нептуна, продолжает исследования живых существ, временами выползающих на континентальный шельф. Ученые не исключают, что эти головоногие через десятки миллионов лет могут обрести разум и станут хозяевами Солнечной Системы, сменив на этом посту одряхлевшую расу Homo Sapiens...

...Генеральная Ассамблея ООН преодолела вето представителя США в Совете Безопасности, продлив на неопределенный срок санкции против Соединенных Штатов. Большинство членов ООН сочли убедительными доводы наблюдательной комиссии, полагающей, что США не полностью уничтожили свои арсеналы средств массового поражения...

...Новость дня! Непревзойденная Аманда Флетчер объявила о намерении развестись с Карлосом Бланко. В приватной беседе эстрадная суперзвезда намекнула, что наконец-то встретила настоящую любовь. «Настоящую любовь, а не мужчину моей мечты», — многозначительно подчеркнула блистательная Аманда...

Воистину, это была Страна Дураков, край зажавшихся идиотов, обезумевших от дарованного небесами изобилия. Даже всепланетно известное шоу «Колесо Фортуны» додумались назвать по-своему — «Поле Чудес». А еще со скуки и пресыщенности путчи устраиваем: инородцев с чемоданами — на вокзал, а подлинных сынов-дочерей нации — в общий строй. «Хайль майн либер фюрер!» Впрочем, быстро упьются, и можно брать их голыми руками.

Жилин плюнул и отправился в спальню. Хоть сервис здесь был на уровне. Хотя сказать, на то и ведомственный дом для почетных гостей.

В региональной штаб-квартире собирались знакомые лица. Раздобревший на

заморскую дармовщинку Федор Геннадьевич Пантелеев, известный в Австралии, как средней руки бизнесмен и аферист Дик Нуан. Оскар Пелбридж, пять лет назад помогавший искать слег в Вентспилсе, а ныне — резидент в Хинганской Зоне. Остальных он тоже знал в лицо и даже по именам, но подружиться не успел из-за гнусной специфики этой службы. Приглашенные кучковались по трое-четверо, Мария увлеченно общалась с высшим комсоставом, работавшие в Канаде и Сахаре оперативники обособились своей компанией, а подводники шушукались с умниками из научного сектора. Так вот и остался полковник «Джилин» в окружении давних приятелей.

— Слышали, наверное, Римайер помер, — сказал Оскар. — Инфаркт.

— Знаю, — чуть не хором ответили Иван и Дядя Федор.

Потом Федор Геннадьевич поздравил Жилина с захватом Черного Куба. Иван отмахнулся: дескать, у нас еще Курочка Ряба на свободе слоняется, а вот вы под Хартфордом, молодцы, дочиста все особо опасные игрушки подчистили.

— А чегой-то, Курочка Ряба? — насторожился Дядя Федор. — Не слыхал.

— Это, знаете ли, такая хреновина в избу размером. При известных обстоятельствах... — Жилина передернуло, ...откладывает яйца с биомеханической начинкой. Такие, понимаешь, здоровенные эллипсоиды с полуосями до двух метров, из которых вылупляются предметы различного назначения.

— Предметы, о которых думает заказчик? — уточнил педантичный Оскар. — А «известные обстоятельства» — это, конечно же, жертвоприношение?

— Причем жертвой обязательно должен быть человек, — подтвердил Иван. — Скажика, Дядя Федор, а как вы ухитрились одним заходом вытащить Золотой Шар и «смерть-лампу»?

Пантелеев не слишком охотно поведал, как взял под плотный прессинг одного местного сталкера-психопата. Тот, не подозревая о слежке, добрался до «машины желаний», подставил «мясорубке» положенного смертника, а потом завопил: «Хочу, мол, счастья для всех! На халяву, чтоб никого не обидеть и всем хватило!» Такого надругательства Золотой Шар, натурально, не стерпел и гробанулся от перенапряжения. Идиота-сталкера размазало по окрестным камням, а инопланетная машинка впала в солипсис. Тут Дядя Федор смекнул, что принесены сразу две жертвы, а ни одного желания не выполнено — не считать же реализацией счастья для всех гибель рыжего громилы Рэда Шухарта. Пантелеев рискнул, подбежал к Золотому Шару и потребовал: «Хочу, чтобы ты и „смерть-лампа“ не сопротивлялись и никого не убили, когда роботы станут укладывать вас в контейнер». Запредельная наглость стоила Дяде Федору трех новых седых волосков на лысине, однако увенчалась полным успехом. Обе машины-убийцы стали смиренными и вскоре оказались на Луне...

Сокрушенно покачав головой, Федор Геннадьевич проговорил с ненавистью в голосе:

— Сволочи все-таки эти братья по разуму. Понабросали дряни и ушли, а сами, небось, издали подглядывают. Наверное, очень интересно наблюдать, как туповатые полудикие аборигены используют по неожиданному назначению твои экскременты... Ладно, что мы все обо мне. Расскажи, как уговорили Треножник.

Если «смерть-лампа» стреляла модулированными гамма-квантами, то упрятанный в Желтый Дом самоходный антимат, получивший от сталкеров прозвище Огненный Треножник, излучал плотные пучки позитронов. В ходе многодневной осады яйцеголовые из научного ведомства перепробовали безумное количество приемов и под конец решили бомбардировать источник античастиц продуктами Зоны. Как ни странно, идея оказалась плодотворной. Треножник отключился, когда по нему выпустили ПТУРС, в боеголовке которого находилась «банка-пустышка», заполненная «канадской сиренью»...

— Вам особое приглашение нужно? — рявкнул под ухом генерал Роберто Мария Родригес, или же «просто Мария». — Заходите, пока не сочли вас дезертирами!

— Кажется, я очень испугался, — буркнул Дядя Федор. — Айда, хлопцы. Побачим, чего умные люди балакают.

Широкое лицо Марии вдруг расплылось добродушной улыбкой, от чего второй подбородок превратился в основание третьего. Шеф сообщил, посмеиваясь:

— Умные люди, поднатужась, рожают гениальные мысли. Оказывается, не было никакого Посещения. И вообще в космосе нет разумной жизни. А пресловутые Зоны — частично выдумки падких на дешевые сенсации газетчиков, а частично — естественные испражнения матушки-природы.

Федор Геннадьевич с кислой миной поинтересовался, можно ли уже смеяться, или будет продолжение. В тон ему Оскар, сделав каменное лицо, подумал вслух: дескать, собрать бы некоторых кабинетных деятелей от фундаментальной науки, да высадить в центре самой заваливающей Зоны. Восхитившись его гуманизмом, Иван предложил более жестокую меру перевоспитания.

— У меня, — сказал Жилин, — после вчерашней ходки в Зону носки нестиранные остались. Пусть понюхают, чем натуральные явления природы пахнут.

Ряды столов с 20-дюймовыми плазменными мониторами делали зал заседаний похожим на студенческую аудиторию. Народ расселся, и генерал Родригес объявил открытой выездную Коллегию ВССБ — Всемирной спецслужбы при Совете Безопасности ООН. Цель заседания — информирование региональных резидентур о последних телодвижениях ведомства и прочих сопутствующих обстоятельствах.

Мария сразу пояснил, что не намерен говорить о борьбе с наркомафией, политическими экстремистами, оружейными контрабандистами и прочей шушерой, поскольку основная задача сегодня — преодолеть последствия Посещения. На этом генерал исчерпался и передал слово коммодору Ботасу, своему заместителю по анализу и планированию.

Результаты работы ВССБ Ботас считал, мягко выражаясь, удовлетворительными. Зоны практически вычищены, особо опасные предметы эвакуированы за пределы Земли, ситуация вокруг Зон неуклонно берется под контроль. Почти половина выявленных артефактов изучена, причем 32 объекта уже нашли массовое применение в производстве и прочно вошли в повседневную жизнь.

Он перечислил саморазмножающиеся аккумуляторы «этак»; суперпроизводительные процессоры 9-го поколения, разработанные на основе кристаллических «говорящих булавок»; антигравитаторы на базе симбиоза «черных брызг» и «гремучих салфеток»; чудодейственные медикаменты и высокопродуктивные сельхозкультуры и так далее.

Самый же могучий рывок, сказал Ботас, достигнут в космонавтике: десять лет назад физики ЦЕРНа додумались облучить нейтронами суспензию, составленную из «ведьминого студня» и «огненного пуха». На выходе реакции получились монокристаллы мезовещества. Годом позже исследования «пустышек» завершились созданием универсальных магнитных ловушек. В итоге мы имеем два десятка фотонных планетолетов и, как следствие, покоренную Солнечную Систему. А захваченный недавно генератор античастиц открывает путь к созданию аннигиляционного фотонного двигателя.

— Вместе с тем... — голос Ботаса утратил бравурную тональность, — ...до сих пор нет ответа на главный из проклятых вопросов... Вы понимаете, о чем я говорю. И пока мы не решим эту загадку, покоя нам не будет.

За ним выступил с обзором ситуации оберст-лейтенант Макензен из научного отдела. По его словам, бесчисленные гипотезы, выдвигаемые полчищами ученой братии, сводятся всего лишь к двум простым концепциям:

1. Посещение было случайным. Братья по разуму летели мимо и по какой-то причине слегка намусорили;

2. Посещение было отнюдь не случайным. Братья по разуму вполне осознанно вывалили на Землю все эти предметы, причем ставили перед собой совершенно конкретную, но неизвестную нам цель.

В пользу последней группы гипотез говорит простой факт: пять Зон из шести находятся на суше. Если бы контейнеры с мусором швыряли куда попало, то законы вероятности

сделали бы соотношение иным: две на суше и четыре в океане — ведь 2/3 поверхности Земли покрыты более или менее подсолненной двуокисью водорода. Следовательно, места для размещения артефактов были выбраны из каких-то соображений, опять-таки нам неизвестных.

Ботас выключил, сложил вчетверо и спрятал в боковой карман ноутбук, с монитора которого читал текст своего доклада. Затем добавил от себя:

— Теперь нам предстоит не менее трудная задача — догадаться, с какой целью внеземные сапиенсы подкинули нам эти подарочки.

Он снова сел в президиуме. Негр в морском мундире — явно из отряда, контролирующего изучение Зоны в Индийском океане возле берегов Антарктиды — сказал задумчиво:

— Да, похоже, это все-таки не мусор и не ассенизационный контейнер, а исследовательские тесты, вроде детских головоломок или лабиринтов для крыс или морских свинок.

Поскольку начиналась общая дискуссия, Жилин тоже решил высказаться:

— Представьте себе, что какой-нибудь Аменхотеп или Калигула получил от внеземной цивилизации подарочный набор вроде наших Зон Посещения. В комплект входили самые разные предметы, назначение и устройство которых лежит далеко за рамками античной эрудиции. Например, прицел для подводной лодки, процессор с оптико-волоконными связями, огнемет, парашют, ампулы с вакциной против СПИДа. Воспользоваться этим набором люди смогут не раньше, чем дорастут до понимания даров. Тем не менее, какое-то применение указанным предметам нашлось бы даже в глубокой древности. Парашют, скорее всего, порежут на простыни — без авиации он не нужен. Разве что с горы сгаты. Ампулы с вакциной будут носить на шее вместо амулетов и так далее.

— Зато огнемет мог бы пригодиться, — желчно вставил Дядя Федор.

— Вот именно, — обрадовался Жилин. — Короче говоря, существенно ускорить прогресс подобными подарками не получится. В лучшем случае, можно чуть-чуть скорректировать азимут развития культуры. А мы, судя по всему, сумели найти применение всем или почти всем подаркам. Эрго — это не случайно насыпанная куча мусора, но хорошо продуманный набор технологических новинок, доступных или почти доступных пониманию современного человечества.

Немного поразмыслив над его словами, Мария пошептался с сидевшими по бокам от него Лемхеном и Ботасом, затем процедил, сверкая контактными линзами:

— Согласен. Следы на местах «пикника» напоминают тот ящик с инструментами, которые капитан Немо подбросил колонистам на острове Линкольна. Словно кто-то могущественный дал нам оружие для войны против неизвестных врагов, о существовании которых мы даже не догадываемся. Но враг может нагрянуть, и тогда у нас будет наготове, чем его встретить. Именно поэтому мы форсированно изучаем Зоны, закрывая глаза на бесчинства сталкеров. Любая цена приемлема — лишь бы расколоть побольше загадок Посещения. К сожалению, некоторые чудеса оказываются в не слишком чистых руках, но в конечном счете все равно служат прогрессу человечества в целом.

Неожиданно очнулся профессор Торнау, напомнивший, что многие артефакты представляют опасность планетарного масштаба. Кроме того, самые интересные предметы выполняют полезную функцию лишь после жертвоприношения. Из зала выкрикнули: мол, существуют феномены, противоречащие здравому смыслу: «веселые призраки», «ожившие мертвецы», невидимые монстры, проявления дивергентной вероятности.

— Невидимки вроде Дяди Васи или Бродяги Дика — простые и понятные явления, — отмахнулся Торнау. — Вульгарная интерференция гравитационных полей от близко расположенных «комариных плешей». Вот нарушения причинно-следственных связей, «эффект эмигрантов» — это на самом деле серьезно. Объяснить их можно разными способами, но Скальпель Оккама требует выбрать самый простой: пришельцы никуда не ушли, а продолжают незримо влиять на земные события. Установлено же, что так

называемые «пустышки» могли существовать лишь за счет внешнего силового поля. Трагические события вокруг эмигрантов из Зон Посещения также становятся понятными, если предположить, что таким образом развлекаются невидимые нам наблюдатели ВСЦ... А наше уважаемое руководство с труднообъяснимой непреклонностью отказывается дать зеленый свет работам в данном направлении.

— Сядь, скандалист, — весело прикрикнул Мария. — Дожили! Мои же ученики на меня бочку катят... Руководство ни от чего никогда не отказывается. Просто тебе не полагалось знать о наших мероприятиях по этой теме. Я как раз собирался сказать...

И он выдал сенсацию, которую придержал напоследок. Начиная с весны этого года, сказал генерал, полностью сошел на нет «эффект эмигрантов». Кроме того, одна за другой разваливаются псевдомагнитные ловушки — всякие там «пустышки» и прочие «банки дьявола», за исключением тех, которые построены на Земле по заимствованным технологиям. Также теряют активность остальные артефакты, до сих пор считавшиеся антинаучными и сверхъестественными. Реально это означает, резюмировал Мария, что по мере продвижения землян за черту Астероидного пояса пришельцы сворачивают свой эксперимент.

— Посещение наконец открыло нам глаза на давно известный факт, — сказал Мария. — Люди крепко усвоили, что не одиноки во Вселенной. И оттуда, из космоса, могут явиться не только друзья и благодетели. Итоги Посещения можно интерпретировать по-разному, но с точки зрения нашей работы вывод один: мы предупреждены о существовании Внешней Угрозы, а потому обязаны действовать соответственно... — генерал обвел подчиненных торжествующим взглядом. — Решено создать самостоятельную спецслужбу, которая будет заниматься проникновением иных цивилизаций на Землю. Вчера днем Совет Безопасности назначил полковника Ивана Жилина первым председателем Комиссии Внешней Безопасности. Поздравляю, коллега.

Назначение отмечали узким кругом в «Астории». Мария поведал не успевшему очухаться Жилину, что его выбрали из шести предложенных кандидатур. Решающую роль сыграла безупречная биография: бывший космолетчик, удачливый тайный агент, участник подавления трех неофашистских путчей. Кроме того, Иван оказался самым молодым претендентом. Еще Мария сказал, посмеиваясь, что предлагалось назвать новую спецслужбу Комитетом Галактической Безопасности, но Генеральный секретарь очень развеселился и ответил: «О Галактике поговорим, когда наши звездолеты доберутся хотя бы до Проксимы».

— По-моему, молодой председатель не слишком доволен новой должностью, — проникательно заметил Дядя Федор. — В чем твоя кручина, парень?

— Да я уже собирался завязывать с этой работкой, — покался Жилин. — Совсем собрался на старости лет вернуться в Космофлот.

— Насчет старости ты хорошо сказал, — расхохотался Мария. — Или про «сыворотку омоложения» не слыхал?

— Собственными руками брал ту лабораторию.

— Значит, должен понимать, что еще полсотни лет о старости думать не придется...

И тут на генерала накатило лирическое настроение. Р.М.Родригес потребовал налить до краев и разразился длинным тостом:

— Наша профессия, коллеги, это — искусство чудес. Историю творят те, кто знает больше других и обладает возможностью незримо направлять события. Иными словами, именно мы с вами — истинные творцы истории, вершители судеб человечества. Мы — те, кого не знают современники, но кем восторгаются потомки. Мы — легенда грядущих поколений. Кто вспомнит через сто лет борт-инженера Ивана Жилина? Другое дело генерал Жилин — бесстрашный воин спецназа, суперсекретный агент, разоблачитель заговоров, подавитель мятежей, раскрыватель тайн Посещения... Да ты станешь героем романов, фильмов, телесериалов, а если повезет — даже в бродвейских мюзиклах засветишься!.. И еще один большой плюс — о нас ничего не известно, мы всегда скрыты завесой тайны. Основные архивные фонды навечно останутся недоступными для любопытных взглядов.

Поэтому о тебе смогут судить лишь по тем эпизодам, которые ты опишешь в своих мемуарах... Но есть в нашей профессии темная сторона, о чем тоже не стоит забывать. Всегда были и всегда будут люди, которые ненавидят нас. Ненавидят, потому что боятся. Мы слишком много знаем, а это всегда вызывало ненависть. Поэтому будьте готовы ко всякому.

Он предложил выпить за всех честных трудяг тайного фронта. Ледяную жгучесть водки захрустели грибочками и отдали должное кабаньему стейку в сырном соусе «горгондзола». Потом аудитория потребовала к ответу нового шефа. Умиротворенный и где-то даже смирившийся с очередной каверзой негодяйки-фортуны, Жилин пробормотал, подняв заиндеветшую стопку:

— Друзья, конечно же, я благодарен за доверие и все такое. Только не поздно ли мы спохватились? Пришельцы ушли, Посещение благополучно преодолено, Зоны взяты под контроль. Чем прикажете заниматься моей Комиссии?

— Вот об этом не беспокойся, — лениво помахивая пальцами, успокоил его Мария. — Одни города древних пришельцев на Марсе завалят тебя хлопотами выше макушки. Да и насчет Посещения я очень сомневаюсь — хрен они далеко ушли. Так что, сынок, запомни: кто-кто, а наш брат без работы не останется. Во всяком случае, пока в этой Вселенной тлеет хоть самая дохлая искорка Разума.

14. Архивные файлы.

Файл [bwi//ComCon2/054.83/FreeInform-098/83](#).

Ограниченная секретность

Стенограмма заседания Тайной Коллегии

Земля, Торонто, Центр общей подготовки

Института экспериментальной истории

17 декабря 83 года.

ПАРАДОКС: Рад приветствовать дорогих коллег в стенах моего научно-исследовательского учреждения. Поскольку мы собрались, чтобы обсудить достижения двух братских ведомств, передаю ведение форума в надежные руки коллег.

ТЕРМИНАТОР: Всего два слова. Сегодня у нас гости, а посему прошу соблюдать элементарную этику. Не злоупотребляйте специальной терминологией.

БРОМБЕРГ: Насколько я понимаю, здесь всего два гостя — я и Мерлин. Вероятно, Ямада-сан посоветовал не болтать лишнего в нашем присутствии.

ЭКСЕЛЕНЦ: Айзек, не будь вы столь смекалистым старым ребенком, вас бы сюда не пригласили.

ТИРЕКС: Если примемся переругиваться по любому поводу, то никогда не начнем. Предлагаю следующий регламент: профессор Бромберг, Мак и Сфинкс докладывают свои выводы, а затем — общая дискуссия. Возражения и дополнения есть?

ТАРАНТУЛ: Я бы тоже хотел...

ТИРЕКС: Предлагаю на выбор — гипертекст или общая дискуссия.

Тарантул переводит свой материал в локальное киберпространство. см. файл [bwi//ComCon2/054.83/Tarantul](#).

ТИРЕКС: Этот вопрос решили. Прошу вас, профессор.

БРОМБЕРГ: Приступив к работе, я имел два неоспоримых факта. Факт первый: триста лет назад Савел Репнин был убит, причем возле его тела нашли портфель с документами. Факт второй: совсем недавно некто, очень похожий на него, потерял на космической яхте точно такой же портфель. Проанализировав проблему хрономоции, я установил, что проблема решена. Следствия из теории Хайна-Мансура-Бланже убедительно показывают, что любое перемещение материальных объектов против потока времени противоречат закону сохранения энергии. Таким образом, хрономоция невозможна в принципе. Кроме того, если Савел Репнин совершал путешествие во времени, то остается непонятным факт

удвоения его портфеля. Вывод: мы имеем удвоение не только портфеля, но более сложного объекта — портфель плюс Савел Репнин.

СФИНКС: Мне нравится его логика.

БРОМБЕРГ: Мерси, не ожидал. Итак, в середине XX века по старому стилю некая ВСЦ записала атомно-молекулярную структуру красного партизана и его портфеля. Спустя 300 лет по этой записи была изготовлена точная копия С.Репнина, опять-таки вместе с портфелем. Копию внедрили на Землю для выполнения неизвестной нам миссии, с каковой целью дубликат С.Репнина был снабжен мощным оружием в виде модифицированного скорчера. Поскольку дубликат был изъят немедленно по возвращении с ЕН-7031, остается предположить: его миссия заключалась в том, чтобы привести землян на планету Саула. О судьбе скопированного С.Репнина после изъятия приходится только гадать. Возможно, экспериментаторы дематериализовали или вновь заархивировали копию, но не исключено, что его просто убрали из Солнечной Системы. В последнем случае можно предположить, что где-то в Галактике существует мир, населенный подобными копиями, записанными на разных планетах.

ТАХОРГ: Благодарю вас, профессор.

БРОМБЕРГ: Простите, я еще не закончил. В обозримом прошлом Странники несколько раз открыто вторгались в жизнь человечества. Перечислю основные примеры. Сначала было Посещение, когда всю Землю загадили крайне опасными изделиями. Потом — история с «подкидышами». Наконец, атомный двойник привел экспедицию на планету, где имеются примитивная гуманоидная цивилизация и промежуточная станция трансгалактического транспорта. Странники раз за разом заставляют нас участвовать в каких-то экспериментах. Очень хочется знать, насколько успешно мы сдали этот тест на разумность. Dixi.

ТАХОРГ: Еще раз благодарю. Получилось даже интереснее, чем я ожидал. Мак, прошу.

МАК: Получив сигнал от доктора Бромберга, я возобновил оперативно-розыскные мероприятия по ранее закрытому делу «Крематорий». Разработка темы «Возвращение в крематорий» приводит к шокирующим выводам. Прежде всего, обращаю ваше внимание на участвовавшие в первой половине 60-х годов выходы на действующие артефакты Странников. Обычно находки соизмеримой ценности попадались не чаще, чем раз в десятилетие, а тут целый каскад открытий: Ковчег (60), Надежда (63), Саула (65). В двух последних эпизодах земных открывателей буквально за ручку привели на планеты, где имелись артефакты. В одном случае достоверно подтверждено вмешательство извне в работу кибер-атласа Центрального космопорта Ружены. Обычный генератор случайных чисел никак не мог выдать Бенсонам тот маршрут.

Во втором случае ИВУ избрал достаточно сложный сценарий. Сначала подстроена встреча Антона Сорбина и Августа Бадера — последний в то утро неожиданно принял немотивированное решение вылететь из своего эквадорского офиса в Ленинград, но после разговора с Сорбиным немедленно вернулся в Кито. Родственникам и сотрудникам Бадер объяснил свое путешествие внезапно возникшим желанием сменить обстановку. Напомню, что в те времена всепланетная сеть нуль-транспортировки еще не функционировала, а потому очень немолодой человек совершил перелет на рейсовом «призраке» легкого класса. Нам предстоит определить, действовал ли он под влиянием внушения или выполнял прямое указание ИВУ... Затем начинается второй этап операции: появился Саул, Антон вспомнил многочасовое нытье Бадера об отмененных экспедициях, а в итоге состоялся рейд в систему ЕН-7031.

Отметим, что обе акции вполне укладываются в обычную тактику ИВУ: действовать изподтишка, лишь направляя ход событий, но не появляясь на сцене в явном виде. Таким же образом работают наши прогрессоры на слаборазвитых мирах. Вместе с тем, в обозримом прошлом дважды, как минимум, отмечено масштабное и неприкрытое вмешательство в судьбу человечества. Я имею в виду Посещение XX века, а также историю, которая произошла на Радуге в 31-м году до Новой Эры. Как вы, вероятно, знаете, в августе 2154 года по старому стилю после серии непродуманных экспериментов, связанных с нуль-

транспортировкой материальных объектов, возникли паразитные энергетические Волны. Эти потоки Лю-энергии грозили уничтожить весь континент, на котором размещался полигон. Однако 5 августа две сближающиеся Волны спонтанно самоликвидировались, причем были зафиксированы направленные из подпространства удары импульсов неизвестной природы. Очевидно, какая-то ВСЦ решила спасти стотысячное население континента и научно-исследовательский комплекс.

КЕНТАВР: Мои сотрудники шли похожим путем. Интересно узнать, насколько ваши выводы совпадают с нашими.

МАК: Я полагаю, что следует вернуться в идее, высказанной Тахоргом на совещании в Аодзоре. Предположим, что в нашем секторе Галактики оперируют одновременно две соперничающие ВСЦ. Одну из них мы называем Странниками — именно они построили города и спутники в десятках солнечных систем, законсервировали саркофаги-инкубаторы с зародышами древних аборигенов Тагоры и Земли...

ПАРАДОКС: Позволю себе подать реплику, если коллега не возражает. Служба Проникновения полагает не вполне доказанным, что зародыши гуманоидов, обнаруженные 45 лет назад экспедицией Комова, изъяты на Древней Земле. Практически идентичные гуманоиды живут на Сауле, Саракше, Надежде и Гиганде. Саркофаг-инкубатор мог предназначаться для любой из пяти цивилизаций, просто мы добрались до него раньше остальных претендентов.

МАК: Благодарю, это интересное замечание... Итак, продолжаю. Помимо перечисленных мероприятий, Странники построили нуль-Т-узлы на нескольких планетах, а также вывели боевой спутник на орбиту вокруг Ковчега. Все указанные конструкции созданы на протяжении миллиона лет по сходным технологиям, то есть имеют общее происхождение. В то же время нам совершенно неизвестны примеры их прогрессорской деятельности. С другой стороны, предметы, заброшенные на Землю в процессе так называемого Посещения, кардинально отличаются от типичных изделий Странников. Следовательно, существует еще одна ВСЦ — назовем ее условно «Вторая». По каким-то причинам Вторая упорно подбрасывает нам высокие технологии, а также тычет мордой в действующие агрегаты Первой. Хао, великие вожди, я все сказал.

ТАРАНТУЛ: Миллион лет работают на одних и тех же технологиях! По-моему, кто-то уже обращал внимание на противоестественность такой ситуации. Не помните, кто это был?

ТЕРМИНАТОР: Мы помним все и обо всех... Сфинкс, придержи свой доклад. Послушаем, что надумали аналитики экспериментальной истории.

ПАРАДОКС: Как я уже сказал, ход наших рассуждений во многом совпадает. Мы также пришли к выводу о противоборстве двух ВСЦ. Одну, пассивную и, несомненно, деградирующую наши ксенологи давным-давно называли Странниками. Вторая действует активно и, вероятно, развернула динамичную экспансию. Мы присвоили этой расе условное имя — Рейнджеры. Два с небольшим столетия назад Рейнджеры осуществили Посещение, подтолкнувшее человечество на принципиально иную технологическую магистраль. Благодаря подаркам ВСЦ было форсировано развитие космонавтики, появилась эмбриомеханика, разработаны высокоэкологичные ресурсосберегающие технологии. Освоение планет и астероидов Солнечной Системы открыло путь к выходу из экономического кризиса, который наметился ввиду исчерпания ресурсов Старой Планеты. Но главный итог Посещения видится мне в другом — создан Галбез. Не это ли было замыслом организаторов «пикника на обочине»? И зачем им это понадобилось?

ЭКСЕЛЕНЦ: Несомненно, Вторая ВСЦ, то есть Рейнджеры подвели нас к какому-то выбору.

БРОМБЕРГ: Меня коробит жестокость методов пресловутых Рейнджеров. Посещение и его последствия унесли жизни сотен тысяч людей.

ЭКСЕЛЕНЦ: Прогрессоры нередко действуют хирургическими методами. Я допускаю, что, не случись Посещения, то спазмы экономики, экологии, политики привели бы к более масштабным жертвам.

БРОМБЕРГ: Это не оправдание. А что тогда сказать о так называемых супермашинах Посещения? Насколько нам известно из мемуаров двухвековой давности, всевозможные источники иллюзий, материализаторы желаний, демонстраторы вероятного будущего и прочие чудеса срабатывали только после человеческих жертвоприношений. Согласитесь, что от нас требовали весьма своеобразной реакции. Это не слишком похоже на обычные эксперименты, когда крысу запускают в лабиринт. Нет, не тесты на сообразительность устроили нам Рейнджеры.

ТАХОРГ: Странники проявили себя не многим гуманнее. Казус «подкидышей» поставил Землю и Тагору перед суровой альтернативой — жить под угрозой или убить себе подобных. Обе ВСЦ совершенно не заботятся о судьбе отдельных аборигенов.

ПАРАДОКС: Хочу обратить внимание уважаемого собрания на любопытное обстоятельство. Странники раз за разом посылают исполнителей на Гараж. Трудно усомниться, что их интересуют складированные там артефакты Посещения. Но разве не проще было бы Странникам, если они сверх(!)цивилизация, направить к этой планете собственную экспедицию? Очевидно, есть веские причины, сковавшие их активность в этой части Вселенной. Служба Проникновения предлагает рабочую гипотезу: в наших краях сложился баланс сил, не позволяющий обеим ВСЦ совершать резкие телодвижения (например, заключено соглашение, запретившее Рейнджерам и Странникам вторгаться в нейтральную зону) — вот они и вынуждены прибегать к тайным операциям. А в таком случае очень вероятно, что Странники и Рейнджеры обзавелись агентами влияния в цивилизациях земного уровня, включая Саракш, Тагору, Беллерофонт и даже Леониду.

ЭТЕРНАЛ: У меня уже не первый год вертится на одном месте глупый вопрос. Полезно или вредно человечеству общение со Странниками и Рейнджерами? Ведь не исключено, что мы чересчур усложняем себе жизнь. Если старшие братишки по разуму хотят нам добра, причем сами мы, будучи существами примитивными, собственной пользы разглядеть не способны, так не лучше ли позволить им делать то, что ВСЦ считают нужным? Нам же лучше будет. Ясно же: Сверхразум несет сверхдобро.

ПАРАДОКС: Не факт. И вовсе не обязательно, что цивилизация-прогрессор желает добра для нас. Скорее уж — для себя. Так что их цели наверняка нам не понятны и даже чужды. Поэтому ВСЦ вынуждена подталкивать нас в нужную им сторону, используя замаскированный нажим. Классическая схема подобных действий известна, сами так работаем. Происходит некое событие, мы принимаем ответные меры, а в результате делаем шаг по тропинке, начертанной чужаками-прогрессорами.

ТАХОРГ: Есть и другой способ. Внедрить своего резидента в руководящие структуры. Не обязательно даже в высшие органы управления. Оптимальный вариант — агент в аппарате советников. Его рекомендации, соответствующим образом обоснованные, также могут сыграть роль незаметной провокации.

СФИНКС: Совет общественной психологии подготовил свои рекомендации по данному вопросу. Чтобы не отнимать лишнее время, приобщаю наши наработки к протоколу заседания.

Сфинкс переводит свой материал в локальное киберпространство. см. файл bwi//ComCon2.054.83/Rezident.

Участники заседания обмениваются репликами посредством личных киберблоков.

БРОМБЕРГ: У меня сложилось впечатление, будто кое-кто затеял виртуальную дискуссию. По-моему, это не совсем этично.

ТАХОРГ: Простите, профессор, обсуждались узко специальные вопросы. Непрофессионалы просто не поймут, о чем идет речь.

ЭТЕРНАЛ: Предлагаю вернуться к делу Гурона. Эксперимент на Моргане подтвердил, что «подкидыши» выполняют задания Странников, но ведь Абалкин не прошел обработку детонатором.

ТИРЕКС: Очевидно, программа Гурона заработала по иной причине. Разберемся.

БРОМБЕРГ: Но когда?

ТЕРМИНАТОР: Кто сказал, что мы способны раскрыть все загадки в ближайшие сто или двести лет? Главное в нашем деле — уметь ждать и целеустремленно идти к цели, стараясь не делать резких движений. По крайней мере, не делать их преждевременно. Объявляю заседание закрытым.

Файл bwi://ComCon2/054.83/Tarantul

Приложение I к файлу FreeInform-098/83.

Совершенно секретно

В результате многолетнего изучения космоса ксенологами и нашим ведомством получены отрывочные данные о присутствии трех ВСЦ: Странники, раса планеты Ковчег и гипотетические соперники Странников.

Недавно завершены исследования реликтового поселения Странников на планете Моргана с использованием аппаратуры КРИ. Удалось синтезировать 6 устойчивых видеосюжетов (см. прилагаемые клипы) длительностью от 0.83 до 4.59 сек. Несомненно, эти существа имеют определенное сходство с моллюсками, обитавшими на Земле в силурийскую эпоху: наличие щупальцев, рудиментарных панцирей и т.п. Учитывая возраст города на Моргане (порядка 0.6-0.9 млн. лет), трудно с уверенностью заключить, кто изображен на синтез-клипах — сами Странники, или иные существа, посетившие Город в более поздние времена. Во всяком случае, на самой Моргане подобной фауны никогда не водилось. С другой стороны, анатомия и габариты изображенных моллюсков таковы, что эти существа вполне могут оказаться строителями и обитателями известных нам конструкций, создание которых приписывается Странникам.

За последние 22 года сканирующие устройства, размещенные на Ковчеге, получили несколько нечетких изображений существ, обитающих в лабиринтах под поверхностью этой планеты. Налицо опять-таки отдаленное сходство (но отнюдь не тождество) с изображениями, которые выдал КРИ на Моргане. Возможно, существа с Морганы и Ковчега являются родственными, но враждующими цивилизациями. Представляется очень вероятной следующая гипотеза: миллионы лет назад раса разумных моллюсков разделилась на несколько рукавов, каждый из которых прошел собственный эволюционный путь. Другая версия: в те времена в Галактике сложились благоприятные условия для появления высокоразвитых существ данного вида, аналогично явному доминированию разумных приматов в нашу эпоху.

В этой связи вновь остро встает вопрос о предназначении спутника-убийцы, оставленного Странниками в окрестностях Ковчега. То ли Странники пытались предотвратить проникновение на Ковчег пришельцев извне, то ли задача спутника — воспрепятствовать выходу обитателей Ковчега в космос. Не исключено, что жители Ковчега представляют собой одну из колоний Рейнджеров, либо взбунтовавшуюся колонию самих Странников. Для однозначного вывода катастрофически не хватает информации.

Считаю совершенно необходимым провести дополнительные исследования с помощью КРИ на Марсе, Владиславе и прочих планетах, где обнаружены конструкции Странников. Прошу оказать содействие и преодолеть бессмысленные запреты КОМКОНа-1.

Файл bwi://ComCon2/054.83/Rezident.

Приложение 2. к файлу FreeInform-098/83.

Особо секретно

Государственной важности

СФИНКС: По мнению следственного управления, Резидента Странников или другой ВСЦ можно вычислить лишь по косвенным признакам. Это должен быть солидный член элиты, формальный или неформальный лидер. Неявный участник или организатор громких скандалов, раздражающих администрацию, расшатывающих привычный уклад жизни. Он должен быть закулисным организатором акций, облегчающих работу для агентуры ВСЦ: ликвидация Комитета Галбезопасности, борьба против фукамизации. Именно он должен был принимать участие во внедрении Подкидышей, он помогал свести Подкидышей с

детонаторами. Он корректировал программу межзвездных исследований, отменяя экспедиции к очагам деятельности Странников и запрещая КРИ-исследования реликтов. Не исключено, что Резидент ратовал за создание сверхчеловека и повторный запуск Массачусетской машины. Нужно выявить всех людей, которые засветились хотя бы в нескольких из перечисленных акций.

ЭТЕРНАЛ: Получается очень похоже на Бромберга.

ЭКСЕЛЕНЦ: Вряд ли. Айзек слишком на виду, Резидент должен вести себя более скрытно.

СФИНКС: В любом случае, надо проверить. Проведем поиск по нашим тайным досье.

ЭТЕРНАЛ: Но мы даже не уверены, что среди людей действительно живет резидент Странников.

МАК: Могу лишь повторить старую сентенцию Экселенца: если в доме запахло серой, надо начинать производство живой воды.

ТАХОРГ: Это звучало остроумно, когда старина Руди был непререкаемым авторитетом для молодняка вроде нас. Пора понять, что любые подозрения следует поверять элементарной логикой, безжалостно отбрасывая заведомо бессмысленные гипотезы. Если пахнет серой — значит, где-то поблизости имеет место утечка в трубопроводе и следует вызвать аварийную команду ремонтных киберов, но никак не попов с кадилами.

ТИРЕКС: Вернемся к делу. Очевидны и другие подозреваемые: Глумова, Бадер, Горбовский, Комов, Фокин.

ЭТЕРНАЛ: Глумова и Фокин отпадают. У них не было возможностей для совершения всего перечисленного.

МАК: А Глумова? Не забывайте о ее влиянии на Комова. Под влиянием экспансивной истерички некоторые из нас совершают очень странные поступки.

ЭКСЕЛЕНЦ: Проверять нужно всех. Подключим ридеров, запустим тактику «мелкого гребня». А там видно будет.

ТЕРМИНАТОР: Прекратите. Бромберг уже психует, вот-вот взбесится. Соответствующие службы просто обязаны заняться этим делом.

15. Страницы из дневника.

Кажется, я в седьмой или восьмой раз принимаюсь надиктовывать эти записи и каждый раз возникает одна и та же проблема: с чего начать. Попытаюсь хотя бы сейчас, оставшись один на один с киберблоком, честно разобраться, для чего я взялся за эти мемуары.

В нашей среде принято читать воспоминания великих предшественников — таких, как Ронге, Шелленберг, Судоплатов, Родригес, Жилин. На полках моей кристаллотеки хранится не меньше сотни мемуаров руководителей спецслужб прошлого. Читаешь-перечитываешь и постепенно проникаешься духом профессии, нередко узнаешь кое-что такое, что можно применить в текущих делах. Но не это, наверное, главное. Из этих книг лучше понимаешь цивилизацию, которой служишь.

Лет десять назад, когда меня только назначили руководить Чрезвычайным Розыском, я перечитал мемуары Ивана Жилина и наткнулся на чудовищную фразу. Его шеф, легендарный генерал Мария Родригес сказал в порыве откровенности: мол, потомки узнают о нас лишь то, что мы сами соизволим рассказать. В те времена я еще не растратил огрызки романтической восторженности и посчитал данную посылку в корне аморальной. Кажется, я даже дал себе слово, что мои мемуары, если я за них когда-либо возьмусь, будут выдержаны в духе древней формулы: всю правду и ничего, кроме правды.

Наверное из этих соображений я по горячим следам описал инцидент с поисками Льва Абалкина. Просмотрев тот файл спустя год с небольшим, я с ужасом обнаружил, что всей правды не получилось. Внутренний цензор заставил меня промолчать о некоторых пикантных обстоятельствах и даже слегка приукрасить собственную роль в очень некрасивой истории. Я словно бы пытался самооправдаться, переваливать ответственность за

трагическую развязку на кого угодно, лишь бы самому предстать в относительно привлекательном свете. Наверняка так будет происходить и впредь, как бы не старался мемуарист оставаться честным. Тем не менее, я продолжаю изредка диктовать свое восприятие самых неприятных событий, дополняя устный рассказ видеокадрами, текстом документов и прочими подручными материалами. Возможно, кому-то будет интересно ознакомиться с этими опусами...

Все наши дела начинаются одинаково — с вызова к руководству. Так случилось и в этот раз. На третий день после совещания в Торонто меня пригласил Этернал. Как обычно, шеф выглядел растерянным, он тоже понимал, что такая работа не для него, но ничего изменить не мог.

Помявшись, Этернал сообщил, что есть решение Всемирного Совета: приняв дополнительные меры предосторожности, повторить условия, при которых активизировалась программа Голика. Я поинтересовался, кого избрали жертвой на этот раз.

— Корней Яшмаа согласился добровольно, — сказал Этернал, опуская глаза. — Мак, мне тоже не нравится эта авантюра, но решение принято. Если мы откажемся, нас выгонят и найдут более покладистых исполнителей.

— Пускай, — сказал я. — Надеюсь, мое участие не обязательно?

— В самом эксперименте — нет. Но решено использовать средство, которым прежде занимался ты. Найди Пильгуя и уговори его сотрудничать.

Это было неожиданно, хотя и разумно. Я почувствовал какую-то робкую надежду, что на этот раз эксперимент обойдется без жертв. Поспешив к себе, я вновь просмотрел материалы по старому делу «Капитан Немо». Память не подвела — запрета на разработки не накладывали, Пильгую просто посоветовали не проводить опыты на людях. Пильгуй согласился, и дело было закрыто.

Услышав, о чем его просят, Капитан Немо не стал кочевряжиться или злорадствовать. Только пожал плечами и проворчал:

— Оборудование у меня громоздкое... Придется здесь, в лаборатории работать. Привозите, посмотрим, что получится.

Поначалу был шок: Мировой Совет собирался проводить инициирование на какой-нибудь дикой планетке у черта на куличках. Мы с Этерналом с трудом убедили вице-президента, и руководство, скрипя извилинами, согласилось. Все равно, как показала Моргана, «подкидыш» при желании найдет способ сбежать, так что не суть важно, где произойдет превращение Корнея в супер-хomo. Впрочем, Пильгуй гарантировал благополучный исход.

Эксперимент не произвел на меня впечатления. Корней держался уверенно, сам залез в ванну биогенератора, изредка шутил. Как и на Моргане, детонатор присосался нитями к телу «подкидыша», приборы опять показали начало процесса мутации. Организм Корнея медленно трансформировался. Насколько мы, дилетанты, смогли разобраться, в его хромосомах появились новые гены, спектр биотоков тоже изменился. Кто-то из ксенобиологов «первой комиссии» сказал, что похожие ментограммы свидетельствуют о проявлении экстрасенсорных качеств — аналогичные «зубцы» имеются у ридеров, психокинетиков, даже у голованов.

Потом детонатор вернулся в коробку, а наши ученые продолжили обследование. Корней без конца рассказывал о своих ощущениях, но все ждали другого — когда у него появятся нечеловеческие намерения. Сценарий эксперимента предполагал, что заложенная Странниками программа посоветует «подкидышу» не слишком откровенничать, поэтому несколько телепатов постоянно контролировали его мысли и желания. Однако, позже все они подтвердили, что Корней ни разу не солгал — намерения лететь на Гараж у него не возникло.

Когда медицинская комиссия накопила достаточно информации, Комов и Этернал решили прервать эксперимент. Пильгуй запустил свою аппаратуру, и процесс был подавлен с помощью биогенераторов. Постепенно организм Корнея вернулся к нормальному

человеческому состоянию. Все бурно радовались, однако, на мой взгляд, это была только имитация успеха. Эксперимент оборван на самом интересном месте. Впрочем, биологи считали иначе — я слышал разговоры о принципиально новом подходе к дальнейшей эволюции Человека Разумного, как вида. Вроде бы появилась надежда использовать проявившиеся у Корнея гены для возбуждения экстрасенсорных способностей. Этернал подмигнул, и я ответил тем же: все исследования генных инженеров в данном направлении, безусловно, будут проводиться под самым плотным контролем моего отдела.

Потом было короткое обсуждение. Дальнейшие эксперименты с детонаторами признали опасными. Три вице-президента Мирового Совета заверили, что больше «подкидышей» трогать не станут. Как я понял, им нужно было завершить программу относительно благополучным результатом, и они своего добились. Отныне «подкидыши» интересовали только профессионалов.

Все разъехались, очень довольные собой, а мы собрались своей компанией в вестибюле института: Комов, Этернал, Марта, Вандерхузе и я. Похоже, все чувствовали себя примерно одинаково: сильное облегчение, что Яшмаа не попытался прорваться на Гараж, и легкое удивление от того, что он не стал этого делать. Мы обменялись мнениями, а потом Вандерхузе вдруг сказал:

— Теперь ясно, что детонаторы были средством связи между Странниками и «подкидышами». Голика подлечили от болезней, придали необходимые свойства и приказали отправляться на Гараж. Эксперимент окончился гибелью «омеги», и Странники поняли, что таким путем они к артефактам не подберутся. Поэтому Корнею соответствующего задания не давали.

— Однако, детонатор изменил его организм, — темпераментно добавила Марта. — Уж поверьте моему профессионализму, если бы трансформация продолжалась, Корней превратился бы в принципиально иное, нечеловеческое существо.

— Между прочим, детонатор Голика самоликвидировался, — заметил Комов.

Он мог бы не говорить об этом — все мы видели новую пустоту в обойме, где покоились эти шайбы. Этернал задумчиво произнес: дескать, надо поставить на уши нуль-физиков, чтобы разобрались, каким образом Странники управляют детонаторами на галактических расстояниях. Никто не стал спорить. Тогда я напомнил о Гуроне. Меня интересовало, какие гипотезы на этот счет появились у первой комиссии?"

— Он подвергался самому сильному прессингу, — ответил Комов. — Остальным «подкидышам» позволили выбрать работу по вкусу и свободно посещать Землю. Эффект был усилен радиацией Саракша и экстрасенсорным влиянием голованов. Мы построили виртуальную модель менталитета «подкидышей», и получилось, что все эти факторы вполне могли активизировать «включатель» в его сознании даже без участия детонатора.

Мне очень хотелось спросить, почему Комов выбрал для столь сильного, как он выражается, прессинга именно Абалкина, но не стал обострять беседу. Наверняка тут сыграло роль соперничество из-за Суок — Комов всеми силами старался держать Абалкина подальше от Глумовой.

Между тем Комов как-то странно поглядывал на меня, будто хочет поговорить, но не желает делать этого в присутствии столь многочисленной компании. Когда все расходились, я замешкался, и он тотчас подошел ко мне, предложив обсудить некоторые нюансы возможного сотрудничества.

Мы завалили в его апартаменты на сорок последнем этаже, и шеф конкурирующей фирмы принялся рассказывать, как это ужасно, когда два ведомства, делающих общее дело, не могут найти общий язык. Я меланхолично поддакивал, эпизодически напоминая о ляпах, допущенных КОМКОНОм-1. В ответ он вежливо перечислял не менее прискорбные оплошности нашей Конторы и прочих братских организаций. Когда мы завершили ритуальный обмен взаимными претензиями, начался деловой разговор, который я записал на киберблок. Вот эта запись:

Я: Исследования по Странникам топчутся на месте.

КОМОВ: Согласен, это наша большая проблема. Нет свежих идей, поэтому мы варимся в собственном соку.

Я: Один ксенолог из числа независимых жаловался, что новые идеи КОМКОН-1 отвергает с порога.

КОМОВ: Вы, конечно, имеете в виду Мерлина Кондратьева... В чем-то он, наверное, прав. Я слишком долго ждал новых действий Странников, а потому тянул время. Сейчас мы активизируемся.

Я: И вы не догадались проследить гиперканалы Саулы? В прежние времена такая промашка вызвала бы самое пристальное внимание Галбеза.

КОМОВ: Не сыпьте хлорид натрия на повреждения моего эпителия... Это не промашка, это глупость. Не могу себе простить, что та догадка пришла не в мою тупую башку. Для нас было шоком, когда Бенсон, этот дилетант-неудачник предложил такую простую до гениальности идею. Вообще сама мысль о подобном поиске совершенно выходила за рамки действий, которые мы привыкли осуществлять при изучении артефактов. Когда открыли Надежду, мои мысли были заняты другим — создавать смешанные группы из людей и голованой. Наша техника, усиленная их менто-способностями открывали слишком интересные перспективы.

Я: А почему вы тормозили применение информационных коллекторов? Разве КРИ может повредить артефакты?

КОМОВ: Не исключено. Был такой случай. Лет сто назад первую модель КРИ применили, чтобы синтезировать кадры посадки пришельцев из космоса. Кадры получились удовлетворительными, но скала, с которой коллектор считывал изображение, пошла трещинами. Мы опасались, что такое повторится в строениях Странников.

Я: У вас есть кадры приземления Странников?

КОМОВ: Нет, не Странников... Скорее всего, не Странников. Согласно известной датировке, та экспедиция прилетела на Землю в эпоху гибели динозавров. Не думаю, что цивилизация Странников имеет настолько древнюю историю.

Он показал видеogramму приземления, реставрированную легендарной группой Рудака. Признаюсь, кадры не производили должного впечатления. На берегу кайнозойского или плейстоценового болота опустилась массивная ракета. Напуганные грохотом и огненным столбом выхлопов ящеры бросились врассыпную. Потом открылся люк, спустился трап, и показалась явно негуманоидная фигура в скафандре с непрозрачным шлемом. На этом видеосижет самым подлым образом оборвался.

Я: Интересно. Вы позволите скопировать этот клип?

КОМОВ: Он имеется в БВИ. Причем в открытом секторе... Максим, мне бы хотелось установить с вами доверительные отношения. Это просто безобразие, что разные ведомства работают столь несогласованно. Мы могли бы обмениваться полезной информацией.

Я: Какого рода?

КОМОВ: Ну, допустим, мне известно, что Институт теоретических проблем социальной прогностики в условиях совершенно шизофренической секретности разрабатывает принципиально новую ксенологическую концепцию. Согласитесь, несерьезно держать в тайне от Комиссии по Контактam столь интересный материал. Если даже выводы Тарантула окажутся неверными, некоторые его соображения могут быть полезны для моих аналитиков.

Я: Боюсь, ничем не смогу вам помочь. Об этой разработке я слышу впервые.

КОМОВ: Разумеется. Они не афишируют свои действия. Я очень боюсь, что ведомство Тахорга, получив неверный результат, развернет активные мероприятия на основе этих ошибочных прогнозов. Может получиться очередная трагедия.

Я: Надо подумать. Геннадий, у меня к вам встречный вопрос.

КОМОВ: Охотно отвечу, если это в моих силах.

Я: В ваших. Что вы думаете о супермашинах, сконцентрированных на Гараже?

КОМОВ (смеется): А вы — веселый парень, я это еще на Саракше заметил... Единогo

мнения, как вы понимаете, нет. Могу лишь высказать собственную гипотезу. Одна сверхцивилизация, сильно озабоченная судьбой Вселенной...

Я: Вы имеете в виду Странников?

КОМОВ: Нет, я тоже давно пришел к выводу, что у Странников есть конкуренты. Да-да, я знаю кое-что о вашем совещании в Торонто.

Я: Естественно. Вы, как член Мирового Совета, должны были получить экземпляр стенограммы.

КОМОВ: Увы, далеко не полный. Айзек Бромберг исходил желчью, когда рассказывал, что самые интересные моменты похоронены в виртуальной сфере. Ну, вернемся к теме... Итак, какие-то Рейнджеры зачем-то вздумали снабдить землян очень мощными средствами. Земляне, проявив благоразумие, оставили себе только милые безделушки. Те изделия, которые показались нашим предкам опасными, были отправлены далеко-далеко — сначала на Луну, а потом на Гараж — и стали недоступными. Это общеизвестно. Так вот, я полагаю, что если собрать их вместе, да нужным образом соединить в разумно организованный комплекс, то замысел Рейнджеров осуществиться в полной мере. Второй вопрос — почему Странники хотят проникнуть на Гараж? Не знаю. Либо им очень нужны супермашины, во что я не верю, либо Аркан Голик получил очень важные указания и должен был... Ну, например, от него требовалось доказать человечеству, что супермашины представляют смертельную опасность. Как вам нравится такая точка зрения?

Я: Очередная гипотеза. Я приму ее к сведению. Пожалуй, мне пора откланяться. Попробуйте четко сформулировать, какие тайны управления "Т" я должен вам выдать.

КОМОВ: Короче говоря, такое сотрудничество вас не устраивает. Понимаю. Честь мундира и все такое. А вы знаете, почему их управление называется "Т"? Думаете, «тайные операции»? Ничуть не бывало. Террор. Управление "Т" изначально предназначалось для силовых операций против внеземных культур.

Я: Не надо меня пропагандировать. Мне очень не нравится, что в этом конфликте схлестнулось столько сил, каждая из которых стремится использовать меня втемную, не открывая всей правды. Или, вернее, сообщая часть правды, когда припрут обстоятельства.

КОМОВ: В вас говорит корпоративная солидарность... Что для вас агент Странников на Земле?

Я: В каком смысле?

КОМОВ: Это старая загадка из фольклора Следопытов. Если арканарские инквизиторы раскроют нашего Прогрессора, то примут его за посланца преисподней. В аналогичной ситуации контрразведка Островной Империи будет убеждена, что разоблачен лазутчик континентальных держав. И это неизбежно, поскольку ваши коллеги всегда ищут лишь ту Внешнюю Угрозу, которую способны вообразить. Согласитесь, что и вы увидите в агенте Странников лишь привычный шаблон, созданный вашим воображением. И можете не сомневаться, что такое порождение ваших подспудных домыслов, предрассудков и опасений окажется весьма далеко от истины.

Я: Не знаю, насколько я ограничен, но ваша вера в Странников напоминает религиозное чувство. Вы априорно убеждены в доброжелательности, абсолютной мудрости и всемогуществе высшего разума. По существу, идет спор между романтиками, уверенными, что внеземная сверхцивилизация желает всеобщего добра, и циниками, которые полагают, что любое вмешательство в естественный прогресс человечества не принесет никакой пользы кроме вреда.

КОМОВ: Разум всегда несет добро. Сверхразум несет сверхдобро. Почему вы боитесь сверхдобра?

Я: Вовсе не сверхдобра. Представьте себе, я знаком с этой логической цепочкой и недавно нашел для нее продолжение. Возможно, сверхразум действительно искренне желает нам сверхдобра, которого мы не понимаем. Но ведь даже сверхразум способен на ошибку. А ошибка сверхразума — это сверхошибка.

КОМОВ: Интересный софизм. Надо будет подумать... Так кем же, по-вашему, будет

представляться нам прогрессор Странников?

Я: В его оценке мы просчитаемся точно так же, как арканарские инквизиторы или контрразведчики Архипелага. Мы ошибочно примем его за старшего брата по разуму, союзника и друга.

Видеозапись лишь кажется объективной, однако лжива, поскольку не способна передать эмоций. В этом изложении я выгляжу беспристрастным и непреклонным рыцарем справедливости. На самом деле я колебался, но потомки узнают об этом лишь в одном случае — если я сохраню данную запись. Не уверен, что поступлю таким образом. Слишком уж все сложно. Я растерян, смят и загнан в угол. Мы слишком мало знаем, чтобы принимать ответственные решения.

Вчера Тахорг приватно сообщил мне подробности, ради которых Комов, наверное, и затеял сегодняшний разговор по душам. Секретный агент из службы "Т" расколол-таки Глумову. Об интимных подробностях исполнитель деликатно умолчал, но поведал суть. Майю Тойвовну потянуло на откровения, и она призналась, что двадцать лет назад сделала большую глупость, за которую придется расплачиваться всю жизнь. В порыве страсти она помешала человеку, которого тогда любила, добиться успеха. Он ей этого не может простить.

Тахорг не уверен, что Суок сказала правду. Если она — Резидент, если Странники встроили в ее организм экстрасенсорику (а эксперименты с «подкидышами» показали, что Странники вполне могли это сделать), то Глумова наверняка разоблачила вызванного с Периферии агента и элементарно откачала дезу.

Я твердо знаю одно: среди нас живет Резидент ИВУ. Может быть, даже не один. Наверняка все ВСЦ держат на Земле своих великолепно законспирированных агентов. И еще я совершенно точно знаю, что не могу доверять никому, даже ближайшим коллегам. Вспоминаю себя и моих товарищей на Саракше — аборигены считали нас лучшими друзьями, хотя мы заставляли их выполнять свою волю.

Поэтому, если я хочу обезвредить агентуру Внешней Угрозы, то должен взять на себя всю ответственность за операцию. Мне придется самому провести всю цепочку необходимых мероприятий: вычислить агента, заставить его разоблачиться, а затем взять с поличным. Верить нельзя никому, враг представляется лучшим другом — вот еще одна заповедь нашей работы. Очень сомневаюсь, что читатели моих мемуаров увидят эту фразу.

ЧАСТЬ III

Сомневайся во всем.

16. Земля. 20 мая 99 года.

Трижды перечитав текст сообщения, Максим в замешательстве прикрыл глаза и долго сидел неподвижно, хотя полученная информация отнюдь не стала для него большим сюрпризом. Со стороны могло показаться, что начальник отдела ЧП размышляет над сложившейся ситуацией, но в действительности его мозг был пуст. Думать надо было раньше, а теперь оставалось самое неприятное — пункт за пунктом выполнять давно отработанный план мероприятий.

Он с силой хлопнул кулаком об край стола, а затем, шипя от боли, занялся делом. Для начала отключил радиобраслет, заблокировал киберкомплекс, рассовал по ящикам все лишнее, врубил защитные системы и стереовизор, после чего взялся за составление отчета.

Мировой Совет еще три дня назад был поставлен в известность о метагомах, и уже наблюдались признаки легкой паники. На разных уровнях спорадически вспыхивало спазматическое обсуждение ситуации, которое, подобно черной дыре, неуклонно втягивало в свою невидимую сферу органы управления, академическую и прикладную науку, исполнительные и силовые ведомства.

Максим давно смирился с профессиональным идиотизмом власть предержащих. Хотят без толку дискутировать — приятного аппетита. Что делать, если среди нас вдруг, не спросивши дозволения, завелась новая могущественная раса?.. Беспроектное занятие — изощряться в риторике над проблемой, имеющей единственный ответ: ничего уже не поделаешь!

По стереовизору выступал очередной пророк очередной религиозной секты, каких за последнее время развелось безобразное множество. Увешанный блестящими побрякушками бородатый психопат вещал замогильным голосом:

— Бог строил Вселенную, Землю и нас долго и тщательно, как строят дом. Итак, после долгих трудов Он построил свой дом и теперь живет в этом доме, живет среди нас. Он живет — в нас. Люди и все существа Вселенной — разумные и остальные — лишь жилище Творца...

Поморщившись, словно зубы заныли, Максим переключил визор на другой канал и продолжал набирать текстовые вставки, имплантируя фоно-, менто— и видеогаммы, фрагменты служебной документации, заключения экспертных подразделений. Отчет получался на славу, только вот сам составитель чувствовал себя, как выжатый лимон. Вообще-то он плохо представлял себе смысл этой идиомы, которую вычитал в каком-то старинном романе, однако фраза запомнилась.

Наконец он покончил с рутинной и, плотоядно отдуваясь, отправил тексты, кому положено, то есть в Мировой Совет, президиумы обоих КОМКОНов и президенту сектора. Всем прочим, а именно руководителям братских ведомств, Максим еще накануне разослал неотредактированный вариант, в котором откровенно изложил собственное видение ситуации.

Теперь можно было со спокойной совестью вернуться к главной задаче. Для начала же следовало привести в порядок мысли. События последнего полумесяца выглядели сумбурными, но в действительности подчинялись строгой логической зависимости и были плотно упакованы, как частицы в центре нейтронной звезды.

5.05. Паника в поселке Малая Пеша.

6.05. М.Сидоров, бывший в то время президентом сектора Урал-Север, получил часть материалов о метагомах.

8.05. Т.Глумов посетил Харьковский филиал Института Чудаков с заданием выяснить подробности визита Колдуна.

11.05. М.Сидоров передал руководство сектором Г.Комову. В тот же день Лаборант сообщил, что Т.Глумов успешно прошел тестирование в ИЧ.

12.05. Приняв решение идти ва-банк, М.Каммерер, не дожидаясь санкции номинального руководства, отослал рапорт членам Тайной Коллегии.

13.05. М.Каммерер намекнул Д.Логовенко, что спецслужбам известно о существовании метагомов.

14.05. М.Каммерер и Т.Глумов проинформировали Л.Горбовского и Г.Комова о возможных связях метагомов с резидентурой Странников. В тот же день Д.Логовенко изложил Л.Горбовскому и Г.Комову свою версию появления метагомов.

15.05. Г.Комов разрешил М.Каммереру по собственному усмотрению осуществлять мероприятия против метагомов.

16.05. М.Каммерер приказал Т.Глумову стать метагомом, чтобы информировать КОМКОН-2 о действиях и замыслах популяции «суперхомо». Т.Глумов с возмущением отверг эту идею.

18.05. Т.Глумов проинформировал М.Каммерера о визите Д.Логовенко и своем повторном отказе пройти инициацию.

И вот последние события... Максим скептически покосился на надрывающийся безмолвным воплем световой сигнал киберблока и нажал позицию «Отказ от связи». Затем ткнул пальцем в другой сенсор и, откинувшись на ложемент кресла, сказал:

— Зайди.

Спустя полминуты мембрана пропустила в кабинет Клавдия. Начальник отдела без слов протянул своей правой руке распечатку. Текст был коротенький, но Худоев читал мучительно долго, словно сдуру взявшийся за «Что делать?» первоклашка. Впрочем, Мак понимал, что такая информация посылает в нокаут получше спецампулы с препаратом «вечный сон».

Мак!

Глумов Тойво Александрович сегодня находился в закрытом секторе с 11.40 до 13.55 и был затем препровожден в палату психофизиологического тестирования. Практически это означает, что инициация проведена благополучно.

20.05.99 Лаборант

— Итак, Тойво — больше не человек, — мрачно изрек Клавдий. — Даже не знаю, радоваться за него, или наоборот.

— Допустим, какое-то время он будет оставаться человеком, — заметил Максим. — А радоваться или нет — уже не наша проблема... Докладывай.

Клавдий подключил свой проектор к киберблоку шефа, и на ставших плоскими экранах появился текст беседы Логовенко с Комовым и Горбовским. Черные строчки стенограммы то и дело прерывались набранными красным цветом абзацами худоевских комментариев. Клавдий собрался приступить к отчету, однако почтение к субординации взяло верх, и он заметил:

— Шеф, кто-то вызывает.

— Не слепой, — Максим лениво бросил взгляд на определитель номеров. — Президенту сектора не терпится со мной побеседовать. Подождет.

Пожав плечами, старший инспектор Худоев начал:

— В первую очередь меня поразила чрезмерная агрессивность Комова. Горбовский был явно благожелателен к собеседнику, старик буквально источал любопытство, выпытывал подробности. А вот Комов без конца требовал, чтобы людины покинули окрестности Планеты.

— Допустим, он убедился, что имеет дело не со Странниками, а сверхлюди ему не интересны, — сказал Максим. Продолжай. Какие еще несуразицы бросаются в глаза?

Клавдий понимающе закивал и сообщил, что ему совершенно непонятно, почему Логовенко затер часть записи.

— Он сам пришел для серьезного разговора. Если не хотел, чтобы мы о чем-то узнали — мог уклониться и не рассказывать. Может быть, разрушение записывающего кристалла и провалы в памяти собеседников были побочным эффектом его активности?

— Не может быть такого. После лакун они продолжали разговор в нормальном ритме, то есть в процессе общения никаких провалов у них в памяти не было. Это означает, что воздействие на кристалл и память людей произведены уже после завершения беседы.

— Логично, — признал Клавдий.

— Сам знаю, что логично, — буркнул Максим. — Ты, часом, не пытался анализировать, какие именно фрагменты беседы затерты?

— Да, я сделал это. Получаются любопытные вещи... — Клавдий прищурился: — Шеф, вы шли тем же путем?

— В общем, да. Но мне интересно, насколько совпадают наши выводы. О чем-то подумал я, о чем-то — ты, еще о чем-то — Тахорг с Тарантулом. Так, методом нескоординированного мозгового штурма, проще вычленишь истину. Поэтому — вперед и с песнями.

Собственно говоря, монолога Клавдия не получилось. Оба поочередно делились соображениями, так что из мозаичных блоков складывалась более или менее логичная картина.

В самом начале беседы Логовенко продемонстрировал телекинез — усилием биополя передвинул стакан со стола на подоконник. Затем, судя по контексту, он (не стакан, разумеется, и даже не подоконник, а Логовенко) заговорил о секретах экстрасенсорных

способностей. Запись этого рассказа отсутствует — в фонограмме появилась лакуна длительностью около 12 с половиной минут.

Следующая пауза (то бишь разрушение молекулярной структуры кристалла) появляется, когда Логовенко объяснял причину массовой гибели китообразных — едва ли не самого интригующего из биосферных катаклизмов, привлекавшего самое пристальное внимание «второй Комиссии» вообще и отделов ЧП в частности.

Буквально через полторы минуты Комов поинтересовался, владеют ли метагомы телепатией. Лакуна прервала вопрос Комова и продолжалась почти 10 минут, полностью поглотив ответ Логовенко.

Затем Логовенко многословно излагал философские воззрения своего вида, говорил о психологии метагом. Завязался диспут. Комов сорвался и потребовал, чтобы метагомы прервали контакты с человечеством, поскольку представляют угрозу для последнего. Эти участки фонограммы прекрасно сохранились.

Но вот Горбовский задал вопрос о приоритетах и задачах метагом. «Никаких секретов», — сказал Логовенко и, видимо, начал отвечать. Однако, на кристалле эта часть беседы отсутствует. Кто-то старательно стер запись всех слов, произнесенных на протяжении получаса.

— Вывод кажется ясным, — подытожил Клавдий. — Из фонограммы тщательно вымараны все места, где говорится о конкретных свойствах метагом. Нам оставили только общие слова.

— Согласен, — сказал Максим. — И поневоле мы вынуждены задуматься над очередным проклятым вопросом. Итак — *cui prodest*?

— Сам третий день день ломаю голову, кому это могло быть выгодно, — сквозь зубы признался Клавдий. — Шеф, у меня даже возникло опасение, что пресловутые лакуны созданы вовсе не Логовенкой, а кем-то другим. Поскольку Комов и Горбовский отпадают — следовательно, кто-то посторонний и очень могущественный не только следил за беседой, но вдобавок воздействовал на участников встречи и записывающую аппаратуру.

— Кто же?

— Простейший ответ — опергруппа управления "Т".

— Отпадает, — с сожалением сказал Максим. — Они не имеют такой техники. Этого не смогла бы сделать даже служба "Ф".

— Кого же мы знаем настолько могущественного, чтобы вмешаться в разговор слюденами?

— Боюсь, это могли быть только Странники. Или Рейнджеры.

Худоев слишком давно работал в Конторе, а потому морально был готов принять такую версию. После очень короткого раздумья он согласился, что здесь поработала одна из ВСЦ, она же — ИВУ. Больше некому. Элементарная логика, основанная на принципе исключения невозможного, приводила к однозначному выводу: если технология земного уровня не способна стереть запись на кристалле и в памяти — следовательно, это сделал представитель цивилизации более высокого класса. Иными словами — Резидент.

— У вас есть соображения, для чего Резиденту понадобилось портить фонограмму? — спросил Клавдий.

— Соображения имеются, но нуждаются в проверке.

— А если побеседовать об этом с Логовенко?

— Он уклоняется от общения, — сообщил начальник отдела. — Я не стал настаивать. Если метагом не хочет говорить — все равно ничего из него не вытянем. Больше толку будет, если связаться с коллегами... Если нас пожелают выслушать.

Клавдий склонил голову, соглашаясь с этим выводом. После смерти Экселенца и отставки Этернала президентом «второй Комиссии» неожиданно назначили Бутона, не слишком толкового функционера из Корпуса Следопытов. Поскольку ясно было, что Бутон станет информировать о любой мелочи прежних коллег по КОМКОНу-1, Тайная коллегия до предела ограничила контакты со службой "К". По существу Контрпроникновение оказалось

вне структуры Вышестоящей Организации.

Испытующе поглядывая на шефа, Клавдий проговорил:

— До последнего момента я был уверен, что участвую в охоте на агентуру Странников. Так же считали остальные, включая Тойво. И вдруг выясняется, что вам давно известно...

— Не так уж давно, — возразил Максим. — Меньше двух месяцев.

— Допустим... — Клавдий шевельнул рукой, словно отметал уточнение, как несущественное. — Но как вы догадались? Имевшейся информации было совершенно недостаточно для подобного вывода.

— Я не догадался об этом, — признался Максим. — Мне сообщили разгадку открытым текстом.

17. Саракш. 2 апреля 99 года.

В подпространстве разразился шторм средней интенсивности. Прокол континуума сопровождался широким спектром банальных спецэффектов вроде асинхронной вибрации корпуса, пульсирующего резонанса транс-метрики, гравитационных флуктуаций, а также неизбежных в подобном случае менто-наплывов. Люди, будучи от природы существами грубыми и бесчувственными, переносили эти мелкие неприятности с юмором, но вот голованы, с их гипертрофированной экстрасенсорикой, были в шоке.

— Их предупреждали, — меланхолически прокомментировал Белоусов. — Нет, как же, они — высшая раса Вселенной, а потому лучше нас знают, что делать и когда лететь. Пусть теперь сами на себя жалуются.

— По большому счету, не могу не присоединиться и полностью разделяю, — чистосердечно сознался Максим. — Но и согласиться не просто. Страдают же, идиоты.

— Жалость первооткрывателя к неразумному субъекту открытия, — проворчал прогрессор. — Что предлагаешь?

— Справься, когда посадка. Почувствуют под когтями твердую почву — сразу полегчает.

— Посадка, братишка, будет нескоро...

Витяня Белоусов, старший сопровождающий от КОМКОНа-1, поведал неутешительную историю. Последнее десятилетие на Саракше прошло без больших войн, по каковой причине главные державы вложили немалые средства в совершенствование стратегических комплексов, и теперь вокруг планеты возникло сплошное поле обнаружения. Орбитальную станцию пришлось демонтировать, передислоцировав главную базу на естественный спутник Саракша, а посадочные модули навещали планету лишь после сложных процедур подавления наземных узлов противокосмической обороны. Тем не менее, аборигенам иной раз удавалось обнаружить корабли людей визуально, что породило массу легенд о «летучих яйцах». Поскольку астроцентрическая концепция так и не стала общепринятым учением, обыватели цивилизованных стран были убеждены, что «яйца» гнездятся где-то в окрестностях Мирового Светильника.

Для их «призрака-14» эти подробности сулили долгое и нудное маневрирование вне сферы локационного поля. Потом будет посадка на обратной стороне местной луны, и лишь по истечении положенного срока, когда над Лесом опустится ночь, малые планетолеты доставят беженцев в родные джунгли.

— Говоря по-простому, перепады ускорений продлятся еще часа два, — резюмировал Максим. — Такими темпами мы вместо пассажиров доставим «груз двести». Причем хорошо остывший. Пошли.

На каждого человека приходилось в среднем по шесть с четвертью голованов, так что пришлось попотеть в самом прямом смысле. Максим заходил в каюту, где выли, катались по полу и царапали когтями неподдающийся пластик ополоумевшие от непривычных нагрузок киноиды. Опрокинув на спину первого попавшегося пассажира спецрейса, он, придерживая руками за уши и придавив коленом брюхо, налаживал психоcontact. Тем временем напарник

отшвыривал других голованов, которые, невзирая на сильнейшее недомогание, пытались защитить собрата от посягательств землянина. Следующего голована врачевал уже напарник, а Максим прикрывал ему спину и заодно пытался немного перевести дух.

Впрочем, после исцеления третьего или четвертого обитателя каюты киноиды смекнули, что люди вовсе не желают им зла. Точно по приказу вожака, голованы внезапно прекратили бесноваться и лишь тихонько поскуливали, ожидая своей очереди.

— Вроде бы всех подремонтировали, — сказал наконец Максим. — Полежу часок.

У себя в каюте он вытянулся на койке, заблокировав нервные узлы, рассылающие сигналы усталости и боли. Железы секреции послушно заработали, впрыскивая в кровь ударные дозы гормонального коктейля. Организм стремительно восстанавливался, возвращаясь к нормальному режиму. Жировые клетки растворялись, насыщая органы энергией. Обломки разрушенных молекул соединялись в иных сочетаниях, превращаясь в вещества, остро необходимые изрядно вымотанному телу.

В разгар этого физиологического развлечения дверная мембрана разорвалась на короткий миг, впустив голована. Судя по ширине грудной клетки, равно как по высоте холки и редкой проседи, киноид был матерым самцом. В смысле, мужиком. Наверняка повелевал огромным гаремом и обзавелся многочисленным потомством, но года через два кто-нибудь из первенцев, оттащав папашу на поединке, отберет самых сочных молоденьких жен. И останутся старику лишь одряхлевшие бабки, да почетное право подавать мудрый совет в трудную минуту.

— Это случится не так скоро, как ты думаешь, — оскалился голован и сел на задние лапы. — Меня зовут Крруч-Дрит-Шшом.

— Приветствую тебя, Крруч, — сказал Максим, торопливо натягивая шлем, экранирующий менто-импульсы. — Раз ты видишь мои мысли — полагаю, знаешь и мое имя.

— Знаю, — подтвердил Крруч-Дрит. — Почему вы это сделали?

Кажется, голован был настроен на серьезный разговор. Будь это формальное выражение благодарности за оказанную помощь, он бы говорил высокопарно и цветисто, как то: «Народ голованов милостиво принимает бесполезные знаки заботы и готов простить неразумный народ Земли за грубое нарушение покоя нашего и вторжение без спроса в жилища наши...»

Максим шевельнул плечами, разминая затекшие связки. Откликнувшись на его движение, койка предупредительно трансформировалась в кресло. Человек нажал кнопку, послав сигнал тому, кто ждал его команды в соседней каюте. Можно было начинать, но Максим тянул время — следовало правильно выбрать тональность, чтобы собеседник не замкнулся вдруг на полуслове.

— Вам было плохо — мы помогли, — сказал он наконец. — Разве вы не поступили бы также?

Разумеется, они оба прекрасно знали, что голованы ни разу не приходили на помощь терпящим бедствие людям. Может быть не нападали без особых причин, однако никогда не помогали, если им не светила прямая выгода. Земляне слишком избаловали киноидов своим альтруизмом, потакая капризам четвероногих сапиенсов, но не было известно ни единого случая, чтобы голованы ответили бескорыстием или хотя бы благодарностью. Радиация подарила им интеллект, но молодая раса не успела подняться до этических высот и полагала Вселенную *in corpore* своим должником. Кажется, голованы попросту презирали всех братьев по разуму...

Крруч не ответил, отвернул голову. Потом пролаял:

— Мы причинили вам неудобство, но вы помогли нам. Мы запомним.

«Он слишком долго прожил на Земле, — понял человек. — Вне больших стай они становятся восприимчивыми к другим порядкам. Пройдет время, и голованы научатся быть разумными».

— Я сожалею, что остальные голованы думают иначе, — сказал он.

— Мы и вы — разные, — сказал голован. — Мы храним память о прошлом, вы — думаете о будущем. Мы этого не умеем. Нас мало, и мы должны заботиться о себе. Вас — много, и вы помогаете другим. Нам это непонятно. Вы — чужие.

— Поэтому голованы выгоняли землян из своих лесов?

— Поэтому тоже.

Встав, Крруч направился к выходу.

— Почему вы решили уйти с Земли? — спросил Максим у его заливка.

— Нам больше нет места на ваших мирах, — сказал голован и вышел из каюты.

Не снимая каску, Максим соединился с соседней каютой. Человек, ни разу не выходивший к голованам, сообщил:

— Когда вы надели шлем, он почувствовал прерывание телепатического контакта и забеспокоился. Однако беседу прерывать не стал — очень уж хотел выговориться на прощание. Необходимость разрыва с людьми его угнетает. Но потом вы спугнули его.

— Вопросом об изгнании землян?

— Нет. Вопросом о бегстве голованов. В его сознании возник устойчивый образ чего-то ужасного. Это появилось на Земле совсем недавно и превосходит голованов по каким-то способностям, которые они привыкли считать областью, где они сильнее всех. Я не смог разобрать остального — он закрыл свой разум.

На станции, укрытой среди лунных скал, поддерживалась земная сила тяжести. Голованы быстро оклемались, и снова начались идиотские выходки. Самцы молча корчили свирепые рожи и демонстрировали клыки, щенки истошно визжали, а самки истерично требовали безотлагательно переправить их на родной Саракш, где ждут не дождутся истосковавшиеся сородичи. Если же низкие коварные двуногие отказываются немедленно отослать голованов на планету и намерены держать цвет высшей расы в заточении, то голованы оставляют за собой право перегрызть все провода на этой станции и вообще устроить людям веселую жизнь.

«Первая Комиссия» в таких случаях обычно уступала и напрягала усилия в отчаянном рвении задобрить младшеньких братишек по разуму. Только на этот раз зарвавшимся четвероногим не повезло: станцией командовал Кобольд Хайлендер (он же Эльф) из службы "П", а с этими ребятами подобные фокусы не проходили.

— Счастливого пути, — любезно сказал начальник базы. — Вот вы, а вот — ваша планета в небе светит. Отправляйтесь хоть пешком, хоть вплавь. Можем подтолкнуть пинком под хвост.

Визги, писки, вой, угрозы и демонстрация клыков моментально прекратились. Скоропостижно присмирившие голованы чинно разошлись по предоставленным в их распоряжение боксам.

— Вот так и надо было с самого начала, — назидательно резюмировал Эльф. — Не цацкаться, унижаясь перед обнаглевшей мразью, а решительно поставить на место. Эти полудикие уважают только силу и совершенно не понимают доброго отношения. Принимают за слабость и норовят сесть на заливку.

Потом они хорошо посидели в апартаментах Кобольда, обмениваясь новостями и соображениями. Максим подтвердил, что никто голованов с Земли не выдворял, хотя давно следовало. Сами запросились восвояси без объяснения причин.

— Чудеса, — сказал Эльф. — Вроде все радости жизни имели на Земле... Впрочем, без объяснения причин — вовсе не значит, что причин не имеется.

— А почему, как ты думаешь, все транспорты с голованами сопровождают опергруппы Конторы? — поинтересовался Максим. — Хотим хотя бы под занавес понять, что их с места сорвало.

— Получается?

— Сложно сказать. Я работал по классической схеме «подслушки»: спрятал на корабле сильнейшего ридера...

Максим рассказал о результатах телепатического сканирования и внезапно

объявившейся на Земле угрозе для голованов. Эльф озадаченно покачал головой.

— Есть соображения? — спросил начальник базы.

— Я вот думаю, не Резидент ли Странников напугал наших четвероногих нахалов. Хотя, с другой стороны, Резидент должен работать на Земле достаточно давно, а тут речь шла о совершенно новом факторе.

— Странников они навряд ли испугались бы, — решительно изрек Хайлендер. — Голову даю на отсечение — на Саракше тоже работают агенты Странников, но голованы их не боятся.

— Точные данные? — вскинулся Максим.

— Насколько вообще можно точно утверждать что-либо на этой идиотской планете. Да еще при наших дважды идиотских методах работы!

Он с возмущением напомнил события двухлетней давности, когда голованы принялись откровенно выживать работавших с ними людей. При этом киноиды открыто пригрозили: не уйдете добром — наведем на вас контрразведку гуманоидов. Тогда руководители ведущих подразделений, расквартированных на базе «Саракш» — бригады прогрессоров и оперативной лаборатории Института экспериментальной истории, — направили Мировому Совету свои рекомендации. В качестве ответных репрессалий предлагалось немедленно приступить к депортации обосновавшихся на Земле голованов. Однако верхушка КОМКОНа-1 и марионеточных ведомств вроде Академии Астропсихологии учинили вселенскую истерику, обвинив персонал базы в зоологической ксенофобии. Пришлось убрать исследователей из Леса, ограничившись дистанционным наблюдением.

— Знаешь, почему это происходит? — Эльф рычал не хуже рассвирепевшего голована. — Штабные умники не понимают изменяющейся обстановки. Мы продолжаем тупо держаться линии, которую полвека назад предложили Терминатор и его соратники! Но концепция, правильная в те времена, дает осечку сегодня. Мы тщательно избегаем контактов с официальными властями доминирующей культуры, но стараемся иметь дело с меньшинствами: оппозицией, мутантами, голованами...

Максим недоуменно поднял брови. Люди всегда действовали на других планетах таким образом, и этот факт не вызывал у него прежде ни капли внутреннего протеста. Сейчас, после слов Кобольда, он тоже вдруг почувствовал противоестественность подобного подхода. Только мысли Каммерера были заняты другой проблемой, и он сразу провел очевидную аналогию: возможно и Странники точно так же работают на Земле. ВСЦ предпочитают иметь дело с анклавными культурами, со всевозможными диссидентами. Меньшинства привычны к конспирации, они сохраняют в тайне контакт с иным разумом...

— Ты полагаешь, цивилизация Саракша созрела для полномасштабного контакта?

— Я полагаю, у нас больше нет ни причин, ни возможности таиться от них, — голос Эльфа сделался усталым. — Правительство северян объединило континент под своей властью, подавило варваров и все активнее продвигается вглубь Страны Мутантов. Их контрразведка уже нащупывает нас, еще немного — всю земную резидентуру попросту расшифруют, и получится скандал похлеще истории с тагорянами. Подозреваю, что похожая ситуация складывается на Гиганде, Коците и Беллерофонте. Уже сегодня я вынужден ограничивать активность мероприятий, чтобы не нарушить проклятую конспирацию. Мы только фиксируем события, но не направляем их!

«Возможно, так же ограничена в своих возможностях земная резидентура Странников, — подумал Максим. — Будем надеяться, что действия Конторы затрудняют агентам ИВУ их работу против человечества. Если мы добились, что они только фиксируют события, но не направляют их — это было бы огромным успехом...»

Между тем Эльф продолжал возмущаться:

— Голованов и мутантов мы на Землю возим, хотя больше пользы вышло бы, если устроить такое турне для нескольких особо умных ребят из правительств главных держав. Вот, прокатали недавно Колдуна в Харьков... Слышал про эту историю?

— Слышал, конечно, — Максим решил воспользоваться удобным случаем и перейти к

делу. — Кстати, как ваша дружба с Колдуном?

— Это не дружба, а черт знает что, — вздохнул Хайлендер. — Он тебе очень нужен?

— Хотелось бы встретиться со старым приятелем. Неделю назад он покинул Землю при странных обстоятельствах.

— У меня нет надежного канала для связи с этим живым идиолом, — признался Эльф. — Когда ему нужно, Колдун сам назначает время и место встречи. Только такая радость случается один, много — два раза в год. Обычно мы общаемся со старостами общин.

— Думаю, со мной он повидаться не откажется, — самоуверенно заявил Максим. — Ты только скажи, сколько у меня времени в запасе.

Кобольд задумчиво прищурился, как бы пытаясь разобраться: хвастает ли геноссе Каммерер, или действительно припрятал козырного туза в манжете. Потом сказал, что точных цифр назвать никто не может. Во всяком случае, планетолет пробудет на Саракше несколько часов, пока защищенные от радарного обнаружения орбитальные платформы перезаряжают свои конденсаторы.

Антигравы бесшумно опустили полусферу планетолета на крохотную площадку, расчищенную в чахлам перелеске, отделявшем мрачные заросли на Севере от обильно удобренных стронцием южных джунглей. Голованы величественно спустились по трапу, построились колонной (молодые матери и щенки — в середине походного строя, матерые бойцы обоего пола — по периметру) и затрусили в родные края. Проводив их взглядом, Максим оттолкнулся от корпуса и полетел вдоль русла Голубой Змеи, рассекая плечом ночной воздух. Он снова оказался на планете, безжалостно и бестолково переломившей его судьбу. Планета-фатум. Планета-проклятие. Планета навязчивых воспоминаний. Планета несбыточных надежд.

Максим летел с милого севера в не менее милую сторону южную, почти не вмешиваясь в работу начиненного миниатюрными агрегатами пояса. Местность прочно впечаталась в память, так что он отыскал бы верную дорогу, даже изменись эти края гораздо сильнее. А перемены были заметны даже при таких неблагоприятных факторах, как ночь, высота, скорость и дождь. Джунгли затягивали раны, причиненные жаром плазменных шаров и последовавшими осадками.

Обитатели этих мест тоже стали немного другими. Радиация падала в строгом соответствии с «законом семерки», и мутации мало-помалу сходили на нет. Перенасыщенный землянами Департамент науки наладил выпуск медикаментов и дезактиваторов, пусть не слишком эффективных, но все-таки помогавших очищать местность и лечить генетические уродства. Судя по добротности строений, народ здесь жил несравнимо лучше, чем во времена, когда на Саракш впервые занесло Макса Ростиславского. Хотя, спору нет, попадались мутанты того самого пошиба, которых нежелательно показывать несовершеннолетним детям...

Сбросив напряженность антигравитации, он сделал круг над поселением, которое за сорок земных лет основательно разрослось и похорошело. На месте прежних, из хвороста, хижин стояли бревенчатые и каменные хаты с антеннами на крышах, деревню окружали ухоженные квадраты огородов. А вот исполинское здание ангара бесследно исчезло, лишь кое-где из высоких колючих кустарников выглядывали бетонные плиты фундамента. Уже наступил поздний вечер, но в окнах горел свет — деревня еще не спала. Наверняка всем миром смотрели по второму национальному каналу какой-нибудь душетерзательный сериал.

Сверху даже без ночного зрения был отлично виден яркий желто-зеленый фонарь на крыше, которым полагалось обозначать жилище старосты. Максим приземлился во дворе и вошел в дом, вспоминая слова, подходящие позднему гостю. Многочисленное семейство раздраженно зашипело: мол, не отрывай от экрана. Лишь дряхлый старец с жиденькими седыми ниточками на подбородке и верхней губе ответил ритуальной формулой, добавив:

— Сейчас уже никто так не говорит. Скажи, сынок, какая незадача привела тебя в наши убогие края?

Услышав, что ночной пришелец желает видеть Колдуна, домочадцы стремительно

прониклись священным трепетом. Подобная реакция показалась Максиму странной — его просьба не должна была напугать мутантов. Но вот напугала же! Или это не испуг, а любопытство?.. Желая успокоить аборигенов, землянин пояснил:

— Вы ему передайте, что пришел человек, который жил здесь полсотни дождей назад, а потом улетел на большой крылатой машине.

Внимание обитателей большого дома снова возвратилось к голубому экрану, где близились к апосаракшию (термин «апогей» был здесь, безусловно, неуместен) очередная любовная драма. А староста вдруг заулыбался и прошамкал вставными челюстями:

— Не утруждай себя долгими речами. Пойдем, не будем мешать моим родичам смотреть это зрелище... — В коридоре старик затараторил: — Прости, уважаемый, я поначалу и не узнал тебя сослепу. Мак Сим твое имя, с тобой еще солдат был. Вроде, брательник твоей невесты. А ты меня и не помнишь-то, спору нет. Мал я был, меня еще Винтоносом дразнили...

Мутант жалобно смотрел на гостя, подпрыгивая причудливо закрученным носом. Весь вид его будто молил: ну, вспомни же меня, вспомни... Максим действительно припомнил кривоногого пацана со штопором вместо органа дыхания и выпирающими из боков ребрами. Старик был на треть моложе Максима, однако, по меркам Страны Мутантов, его возраст давно перевалил за черту средней продолжительности существования...

— Как же я мог тебя забыть, — слегка покривил душой начальник отдела ЧП. — Ты — Капу, сын кузнеца.

— Точно! — радостно вскричал Винтонос-Капу. — Помнишь, значит. Только мы трое и дожили до сего дня: я, ты и Колдун. Так что ты, уважаемый, проходи в светлицу. Ждет он тебя. Как появился к ужину, так прямо и сказал: Мак, мол, придет сегодня. То есть не сам он, конечно, сказал, а птица его сказала...

— Погоди-погоди, — взмолился Максим. — Да перестань ты тарыхтеть, массаракш тебя за ноги! Кто меня ждет в светлице-то?

Не отвечая, хозяин подтолкнул инопланетянина к циновке, множество которых исполняло в этом доме дверные функции. Шагнув через порог, Максим увидел хорошо знакомую фигуру. Невысокий, коренастый, с непропорционально большой («Как у голована», — подумалось вдруг) головой, поросшей короткой, но жесткой щетиной серо-свинцового цвета. Уникальный пример благополучных мутаций, подаривших мальчишке из джунглей полный спектр экстрасенсорных качеств от банальной телепатии до телекинеза и ясновидения.

Землянин знал, что Колдун приходится ему ровесником, но за эти десятилетия бессменный повелитель Страны Мутантов ничуть не изменился внешне. Даже пернатое существо — помесь ворона с куликом — по-прежнему наводил уныние, сидя на плече, затянутом в зеленую ткань.

Максим молча сел на свободный табурет. В разговоре с Колдуном не имело смысла тратить время на приветствия, воспоминания или объяснение целей визита. Его собеседник не признавал условностей. Раз соизволил встретиться — значит, есть, о чем поговорить.

— Как ты находишь мою страну и мой народ? — спросил Колдун, не разжимая губ.

— Вы стали жить лучше.

— Нам помогают. И вы, и северяне. Мы не можем отказываться от помощи. Почему вы не помогаете так же северянам?

— Мы помогаем, — сказал Максим. — Но не делаем это слишком открыто. Благотворительность унижает. Пусть они думают, что сами добились таких успехов.

Колдун не задал естественного вопроса: «Почему пришельцы не боятся унижить своей помощью мутантов?» Он все понимал и продолжил, не вступая в дискуссию:

— Вы не всегда понимаете, какой может оказаться цена ваших действий. Существа, способные путешествовать во мраке ледяной бездны, должны предвидеть последствия своих поступков — хотя бы из вульгарного инстинкта самосохранения. Прежде мне казалось, что высший разум, дерзающий опекать младших братьев, не имеет права на ошибку.

Действительность жестоко поколебала мою веру во всемогущество логических выводов. В дни нашей первой встречи ты отчаянно старался развязать войну. Разумеется, ты заставлял нас воевать из самых высоких побуждений, заботясь о судьбах мира в целом, а при столь грандиозных масштабах не имела значения такая мелочь, как судьба крохотного вымирающего племени мутантов. Прошло немного времени, и оказалось, что ты был неправ, что мутанты вовсе не обречены и что война не является единственной дорогой к спасению мира. По крайней мере, та война, которую стремился разжечь ты. А теперь представь — что случилось бы, согласись мы тогда атаковать север?

Сорок лет назад, выслушав подобную отповедь, Максим наверняка бы распахнулся. Сегодня, став мудрее, он без эмоций принял экзекуцию, облеченную в щадящую форму абстрактных рассуждений, и ответил с грустной улыбкой:

— Немилосердное занятие — бить по больному месту. Мы осознали старые ошибки, но, как всегда, с опозданием. Более того, речь идет о моей личной ошибке. Я был один, без связи со своими, я полагал, что спасение мира — моя и только моя проблема, а потому делал то, что считал правильным. Да, результат мог оказаться трагичным... — он развел руками. — Не так давно я понял: сверхразум должен быть невероятно осторожен, ибо ошибка сверхразума неизбежно обернется катастрофой.

— Не обольщайся, — строго сказала Колдун. — Ты не обладаешь сверхразумом.

— Согласен, — сказал Максим. — Давай, поговорим конкретнее. Я знаю, что воспринимаешь чужие мысли. Встречал ли ты на Саракше существ, более разумных, чем мы или голованы?

Колдун поднял взгляд, снова опустил, опять поднял. Максим сообразил, что затронул неприятную для собеседника тему. Как и голованы, этот супермутант крайне болезненно реагировал на любое упоминание о конкурентах по части ментальной силы. Однако на этот раз повелитель Страны Мутантов не уклонился и все-таки ответил:

— Такие есть. Но они стараются не приближаться ко мне. Я стал сильнее, чем любой из них.

— Они пришли из космоса? — быстро спросил землянин.

— Пришелец из ледяной бездны обучил нескольких саракшианцев — людей и голованов. Сам он не был человеком.

— Когда это случилось?

— Незадолго до моего рождения. Сразу после большой войны. Когда на Саракше появились земляне, этот чужак-учитель покинул планету. Его питомцы постепенно повышают свое мастерство, но все равно останутся слабее меня.

— И на Земле ты встретил таких же существ?

Колдун опять выдержал паузу, после чего ошеломил Максима, который ждал совсем другого ответа. Прибыв на Землю, Колдун сразу почувствовал присутствие нескольких сотен исключительно мощных разумов. Мутант впервые встретил такое количество существ, превосходящих его силой психического подавления. Более того, они обладали многими удивительными способностями, которых у Колдуна не было в помине.

— Поэтому ты решил вернуться на Саракш? — спросил Максим.

— И голованы тоже вернулись по этой причине... — Не дожидаясь вопроса, Колдун добавил: — Нет, они вовсе не прилетели из космоса. Они родились в твоём мире, но потом дремавшая в них сила вдруг проснулась, подарив могущество.

Его рассказ кардинально менял понимание обстановки, и потрясенный Максим лихорадочно продумывал дальнейшие вопросы. На беду оживший радиобраслет потребовал голосом Кобольда:

— Мак, возвращайся. Включаем помехи. Магнитная буря продлится не больше часа. У тебя есть тридцать минут, чтобы вернуться на корабль.

— Понял... — Отключив браслет, он снова обратился к Колдуну: — Позволь последний вопрос. ты должен помнить, как два десятилетия назад, за несколько дней до первого десанта островитян, здесь работали несколько людей с Земли — они изучали голованов. Мне нужно

знать, не распознал ли ты в одном из них нечеловеческие качества.

— Разумеется, он не был человеком, — подтвердил Колдун. — Только в тот год он был слишком слаб и немного сумел бы. А вот на этот раз, навестив твой мир, я снова почувствовал его. Он стал намного сильнее. Наверное, теперь он умеет такое, чего не могу я.

18. Земля. 21 мая 99 года.

Даже после затянувшихся на два с лишним года отношений он не смог бы сказать, какого цвета глаза Габриэль. Это была невыразимая словами гамма серебристых, бирюзовых и фиалковых искорок, принимавших, в зависимости от настроения, самые невероятные сочетания. Именно такую сдвоенную палитру увидел Максим, резко вырвавшись из хватки беспокойного сна. Габи сидела на краю кровати, рассматривая его перекошенную физиономию, и странно ухмылялась. Видимо, этот пристальный взгляд в упор и разбудил Максима.

— Вставай, соня, — сказала Габи. — Ты срочно понадобился человечеству.

Он предпринял безнадежную попытку смягчить свою участь:

— Не согласится ли человечество принять меня в спящем состоянии?

— Даже спящую красавицу безжалостно разбудили, — напомнила Габриэль. — Чем ты лучше?

— У меня выходной, — невнятно пробормотал Максим, переворачиваясь на бок и снова закрывая глаза. — Человечество обойдется.

— Очень в этом сомневаюсь, — Габи фыркнула. — Человечество уже звонило спозаранок. Узнав, что некоторые бойцы тайного фронта до сих пор давят подушку, человечество выразительно поглядело на часы и возмущенно пригрозило повторить вызов ровно в полдень... Слышишь сигналы? Это оно и есть. В смысле, человечество.

Хлопая слипающимися веками, подобно пресловутому Вию, Максим поплелся босиком в кабинет. Он догадывался, кто может вызывать в столь ранний, по столичным меркам, час. Предчувствие не подвело — проектор киберблока сформировал трехмерный портрет старого приятеля.

— Есть же счастливые люди, — насмешливо сказала голограмма. — Могут себе позволить беззаботно дрыхнуть до самого ужина.

— Мы-то что, мы просто так, — отмахнулся Максим. — Вот в других конторах людям фартит, так фартит. Ажно на глазах растут, почище любого эмбриозародыша. Ни дать, ни взять задохлик болотный на хороших аммиачных удобрениях. Вот ты, говорят, в замдиректора выбился. Не уразумею только, по какой части — по научной, али по хозяйственной?

— По связям с внеземной общественностью, — собеседник помассировал челюсть. — Я другие слухи слышал — будто кто-то просил о встрече.

— Действительно, вопиющий факт, — вежливо согласился М.Каммерер. — Если руководитель столичного отдела ЧП сообщает, что имеет важное сообщение — Вышестоящая Организация обязана его выслушать, а не устраивать скаутские игры в проверку лояльности.

— Тебе известны сопутствующие обстоятельства, — не слишком примирительным тоном сказал новый вице-директор службы "Т". — Тем не менее, мне поручено обсудить возникшие проблемы. Я сейчас в Коста-Рике, так что встречаемся в три часа дня у «Следопыта». Успеешь проснуться?

— Сам не опоздай, — огрызнулся Максим.

В столовой его укоризненно встретил серебристо-фиолетовый с прозеленью взгляд.

— Опять работаем по выходным, — печально констатировала Габи. — По-моему, на сегодня у нас были какие-то планы...

— Это не работа, — бодро сказал он. — Просто небольшая дружеская беседа за бутылкой хорошо выдержанного чая... Кстати, что у нас на завтрак?

— Я заказывала только на себя, — она отвернулась к окну. — Ты ведь не любишь женщин, которые слишком о тебе заботятся.

— С чего ты взяла? — возмутился Максим. — Главное, чтобы женщина не переборщила с заботой.

Он вывел на экран меню Линии Доставки и принялся помечать курсором пиктограммы порционных блюд. Понаблюдав за его манипуляциями, Габриэль глубокомысленно предположила: мол, тебе просто сильно не везло по женской части. Развивать эту тему Максим не желал, а потому решил отшутиться и ответил, что ему в этой жизни вообще сильно не повезло. К сожалению, Габи приняла его замечание на собственный счет и сделала вывод: значит, дело все-таки в женщине. Она даже припомнила историю, случившуюся прошлой зимой, когда ей удалось вытащить Мака на спектакль Венской оперетты, и во время антракта они столкнулись возле буфета с роскошной сероглазой женщиной. Излишне проницательная Габриэль уверяла, будто оба — и Максим, и та особа — переменились в лице, обмениваясь натянутыми приветствиями.

Максим заскучал: Габи имела в виду Майю Глумову, с которой у него сложились непростые отношения. Он промямлил, ковыряя вилкой поджаренный с кровью ломоть ракопаука:

— Это мать моего бывшего сотрудника. Она меня сильно не любит.

— Не иначе, ты ее соблазнил и бросил... — агрессивно начала Габриэль, но вовремя смекнула, что перегибает палку. — Ладно-ладно, умолкаю. Женщин, которые лезут не в свои дела, ты наверняка тоже терпеть не можешь.

Она обиженно притихла. Поздний завтрак завершился в напряженном молчании. Габи исподтишка поглядывала на Максима и переживала, что сгоряча наговорила лишнего. Если бы она, вдруг овладев телепатическим искусством, смогла прочесть его мысли, то была бы сильно удивлена и даже оскорблена, поскольку Максим не обратил на ее слова ни малейшего внимания. Он был в шоке, поскольку понял, что уже смирился с потерей и машинально назвал Тойво «бывшим» своим сотрудником.

Кафе «Уральский Следопыт» было шумным, но уютным заведением на углу проспекта Бугрова и улицы Декабристов. Заместитель директора Института теоретических проблем социальной прогностики сидел за столиком, накрытом полусферой силового поля. Капли дождя, натыкаясь на невидимый навес, обзаводились дополнительной дозой ионизации, усиливая аромат озона.

Максим был не в духе. Сорвав накидку из прозрачной микропористой пленки, он нетерпеливо пнул носком мокасина пол, тяжело рухнул в развернувшееся кресло и выжидательно уставился на посланца Вышестоящей Организации. Тот спокойно осведомился:

— Слышал последние новости по «Визиту старой дамы»?

Естественно, Каммерер был в курсе. Накануне вечером поступило экстренное сообщение: сотни выявленных метагомов в массовом порядке покидали Землю, перебираясь на Ружену, Яйлу, Пандору, Радугу и другие цивилизованные миры Периферии. Однако, сейчас он не был настроен обсуждать эту информацию.

— Почему мы здесь? — не скрывая раздражения, осведомился Максим. — Куда удобнее было бы вести предметный разговор у меня.

— Нас смущает президент твоего сектора, — неожиданно откровенно ответил Тарантул. — КОМКОН-второй давно считался слабым звеном. Теперь же сектор «Урал-Север» объявлен изолированным.

— Могу понять ваши теплые чувства лично к президенту сектора. Но откуда такое отношение ко мне?

— С некоторых пор тебя взяли на заметку, — неохотно сообщил Тарантул. — Судя по событиям последних дней, ты слишком многое выболтал Комову. И вообще, накопились негативные оценки. Ведь ты не любишь нашу работу. Ты служишь формально и в глубине души презираешь наше дело. А потому и результаты близки к нулю.

— К моему темному прошлому вернемся чуть позже, — Максим начал злиться. — А пока займемся серьезными делами. Как я уже рапортовал, мне нужны дополнительные сведения, чтобы завершить мероприятия по людеям и Резиденту. Как ты понимаешь, я не мог приставить ридера к дому Горбовского — об этом немедленно узнал бы столь любимый вами президент сектора. А вот другие службы вполне могли это сделать, и я надеюсь, что вы догадались подстраховаться и организовали подслушку.

По большому счету, Максим не обижался на коллег. Сам он давно заразился подобной манией, так что и они имели моральное право подозревать в нем пособника ИВУ. Между тем Тарантул не без апломба заявил: дескать, завершать операцию уже поздно, поскольку управление "Т" выявило Резидента своими силами. Поздравив вице-директора с успехом, Максим вытащил портативный проектор и, продемонстрировав голографический портрет, спросил: «Он?» Сначала Тарантул опешил, но быстро пришел в чувство и проямлил:

— Мы раскрыли его вульгарным наблюдением. А как ты?

— Элементарно, коллега, — Максим ухмыльнулся. — Старым добрым дедуктивным методом. Чистая логика.

Тарантул напряженно размышлял и явно тянул время, а потому спросил рассеянно:

— Кстати, вопрос на разминку. В каком рассказе Конан-Дойля наш любимый Шерлок Холмс впервые произнес эту фразу: «Элементарно, Ватсон»?

— Ни в каком. Эта фраза появилась лет через сто после сэра Артура, в каком-то телесериале. Может быть продолжим?

— Да, конечно, — его собеседник почти оправился после нокдауна. — Мы действительно организовали подслушку возле «Дома Леонида» в Краславе. Ридер контролировал беседу с безопасного расстояния и надиктовал полную стенограмму. Затем он зафиксировал менто-вспышку, которая, видимо, и стерла твою запись. В этот момент Логовенко сказал, что ему кто-то помешал, и прервал разговор.

— Ваш ридер установил источник этой вспышки?

Тарантул наклонил голову в знак согласия. Потом поинтересовался логической цепочкой, посредством которой начальник столичного отдела ЧП вычислил Резидента. Мак ответил, что намерен изложить свои соображения перед Тайной Коллегией, как только составит полную картину. Он действительно не был готов к подведению итогов — оставалось немало темных мест, и Максим надеялся прояснить их, получив информацию от коллег из братского ведомства.

Лицо Тарантула оставалось непроницаемым, но Максим без особых усилий угадывал сомнения, одолевшие заместителя Тахорга. Хотя М.Каммерер правильно назвал Резидента, сей факт вовсе не освобождал его от подозрений. Не исключалась достаточно простая интрига: Резидент узнал, что разоблачен, и поручил своему подручному М.Каммереру сыграть роль дьявольски проницательного контрпроникновенца. Тем самым М.Каммерер доказывает собственную благонадежность и непричастность к проискам Странников, а потому может продолжать тайную деятельность против человечества. Конечно, старина Мак — давний функционер Конторы, но ведь общеизвестно: агент ИВУ должен представляться нам другом и милейшим человеком. В конце концов, и сам разоблаченный Резидент прежде считался (причем вполне заслуженно!) видным исследователем космоса и до сих пор остается любимцем публики...

Выстукивая пальцами нервные ритмы — явно из репертуара «Клетчатой Панды» — Тарантул неприлично долго колебался, но все-таки решился:

— Заседание состоится через два-три дня. Скорее всего на Ружене.

— Стенограмма подслушки понадобится мне как можно раньше, — твердо сказал Максим.

— Я доложу шефу... — вице-директор отнюдь не выглядел уверенным в результате. — Мак, нам тоже непонятны многие обстоятельства истории с метагомами.

В этом и заключалась вся прелесть нескоординированных мозговых штурмов: служба "Т" обратила внимание на факты, ускользнувшие из поля зрения «второй Комиссии».

Действительно, почему людены ограничились пятью сотнями инициированных? Если пресловутая «третья импульсная» встречается у одного человека из ста тысяч, то среди 17 миллиардов людей должны жить от ста пятидесяти до двухсот тысяч потенциальных метагомов. По логике вещей, Логовенко и его компания должны были, не покладая рук, отыскивать, инициировать и воспитывать новые орды себе подобных. Но вместо этого...

— Согласен, их миграцию уход трудно объяснить, — признал Максим. — Еще две недели назад они вовсе не помышляли об уходе. В той же Малой Пеше, к примеру, спокойно ставили очередные эксперименты по отбору нужных им особей. Однако вдруг свернули деятельность и, внезапно сорвавшись с места, покинули Землю, словно разговор в Краславе спугнул их...

Тарантул с готовностью подхватил:

— Мы полагаем, это мог быть ловкий маневр. Долгоиграющая операция с единственной целью — отвести возможные подозрения от Странников или их резидентуры. В результате достигнута искомая цель: внимание Вышестоящей Организации переключилось на метагомов, которые якобы являются продуктом квазинатуральной эволюции.

— У меня подобных сомнений не возникало, — сказал Максим. — Разумнее допустить, что Логовенко говорил правду. Он почувствовал мощный враждебный мозг и подал остальным люденам сигнал тревоги.

Разгорелась вялая дискуссия, но известные факты не желали укладываться в однозначную схему. Слишком много событий происходило, так сказать, «за кулисами тайного фронта», а потому невозможно было решить загадку логическим путем. Любая цепочка фактов допускала несколько принципиально различных трактовок.

— Ладно, сейчас мы не договоримся, — сделал вывод Тарантул. — Поговорим на Коллегии. Куда переслать информацию — в отдел?

— Лучше домой, а то меня любимая женщина бросит... — Помедлив, Максим спросил: — Вы установили, кто же такой Наследник Тутти — сын Малыша, Гурона? Во всяком случае, в его хромосомах нет никаких намеков на номинального отца Алекса Бернадота.

— Он — сын Резидента, — Тарантул громко цыкнул зубом. — Очевидно, Странники основательно поработали над его генотипом. Поэтому хромосомные линии Тойво не имеют ничего общего с образцами, которые его папаша в молодости сдал в генетический банк. Кроме того, достоверно установлено, что у Резидента была длительная связь с твоей приятельницей-эротоманкой Суок.

— Откуда такие детали? — удивился Максим.

— Наш последний козырь, — объяснил Тарантул. — Мы сохранили все досье. Это неисчерпаемый клад информации о каждом, кто родился за последние 200 лет. Кое-кто хорошо знает о нашем архиве, а потому боится и ненавидит нас...

А на прощанье он сказал со странной интонацией, вместившей добрую зависть пополам с почтением к профессионализму старшего товарища: дескать, у тебя всегда все получается, не зря сам Терминатор назвал «Большим Взрывом».

— Смотри ты, и вправду вернулся? — изобразила удивление Габриэль.

— Когда это было, чтобы я не сдержал слова? — изобразил обиду Максим. — Ну-с, куда идем?

Примерно через час Габи, переодевшись в вечерний костюм от Лурье, заглянула в кабинет и обнаружила Максима сидящим в прострации перед киберблоком. Информация из управления "Т" поступила своевременно и оказалась слишком пикантной. В театр он, конечно, потащился, но весь вечер думал только о делах. Кирпичик к кирпичику выстраивалась логичная картина катаклизма, захлестнувшего человеческую цивилизацию.

И еще он не мог забыть последнюю фразу Тарантула. За эти годы давние события на Саракше обросли толстой бахромой мифов и легенд. Даже профессиональные историки искренне полагали, что единственным землянином, сумевшим просочиться в Островную Империю, был некто Максим Ростиславский, последние сведения о котором датированы началом 60-х годов. И никто не вспоминал злосчастного Льва Абалкина, сумевшего прожить

на Архипелаге почти десятилетие. Вдобавок почему-то сложилось мнение, будто в те времена незабвенный Кинугаси Ямада, восхищенный блестящим успехом операции «Вирус», поощрительно нарек исполнителя ласковым прозвищем «Big-Bug».

Ох, не так все было, совсем не так!..

19. Саракш. 11 февраля 59 года.

Огромный город Акубедаб, в недалеком прошлом — столица Островной Империи — подобно перекормленной амебе, распластался по берегам бухты, втиснувшись в седловину между горами Радматап и Ылдемха. На этой широте южного полушария стояла осень, и недавний зной сменился приятным спокойствием резко-морского климата. Мировой Светильник, поднявшись из-за гребня Ылдемха, залил волнами фотонов морскую гладь и полуразрушенный мегаполис.

Стоя спиной к восходу на Низарском выступе, невысокий толстенный патриций со сложным чувством взирал на смертельно раненного исполина. Когда ракетоплан Тахи Орка сбросил первую бомбу, грибовидное облако взметнулось над усеченным конусом Радматапа. Затем Крыло Ужаса направил подбитую машину на запиравший вход в бухту остров Нигран, и там сработали остальные боеприпасы, испарившие неприступную морскую крепость. Главный порт и арсенал имперского флота испарился вместе с Адмиралтейством, а ударная волна второго взрыва погнала стоявший над западной горой грибок радиоактивного дыма и пепла в глубину страны. Полтора миллиона убитых — такого эффекта не приносили даже массированные ракетные атаки прошлой войны.

После той бомбардировки в нижней части столицы чудом уцелели только два окраинных микрорайона, слегка прикрытые складками рельефа. Там уже курсировали бронированные бульдозеры и копошились аварийные команды смертников — департамент чрезвычайных обстоятельств старался восстановить основные коммуникации.

А по Ылдемха прошли две огненные волны, которые смахнули большую часть панельных построек. Закругленная лысина горы была завалена грудями битого кирпича и бетона, но одетая сталью рука порядка сюда еще не добралась. Здесь занимались делом, в лучшем случае, банды мародеров, которые охотились за немалым барахлишком, уцелевшим под руинами. Патриций же охотился на мародеров. Похожий на Колобка представитель имперской элиты ловко пробирался среди развалин, ориентируясь на характерные звуки: стук топора, треск дерева, звон утвари. Где-то поблизости орудовали в чужих домах лихие люди. Что и говорить, здесь было чего пограбить — бедняки в этом районе не жили...

Дом когда-то был двухэтажным, но взрывная волна снесла крышу и обрушила добрый кусок стены. Проникнув в холл через пролом, патриций обнаружил троих оборванцев — явный Внешний Круг. Подонки деловито набивали мешки добычей и не пожелали выказать почтения, подобающего рангу нежданного гостя. Самый могучий (а потому, видать, и самый тупой) из них, носивший на небритой роже верные признаки дебильности, сверкнув клинком, бросился на патриция.

Он так и не понял, что случилось. Нож пронзил пустоту, а казавшийся неуклюжим противник, молниеносно оказавшись за спиной бандита, выдал серию точных и сокрушительных ударов. Грабитель отключился, даже не успев удивиться, каким образом низенький патриций бил его сверху.

Наступив на промежность бесчувственного подонка, патриций презрительно осведомился, есть ли еще желающие поиграть в мальчиков для битья. «У меня кулаки продолжают чесаться, — сообщил он. — А как ваши морды?» Оба преступника благоразумно промолчали.

— Меня пока не интересует ваш промысел, — великодушно продолжал патриций. — Я ищу крепких ребят, которые хорошо знакомы с этими развалинами.

Мародер пониже ростом выглядел чуть умнее остальных, и патриций показал ему список, включавший с десятков адресов. Грабитель долго читал эти полстранички, натужно

шевели губами, после чего сказал, что два дома находятся в зонах, почти не пострадавших при атомной атаке. Причем один адрес — совсем рядом, не больше часа ходьбы.

— Проводишь меня, если хочешь жить, — сказал патриций.

К его изумлению, плебейской морде вздумалось заартачиться: как же, мол, моя добыча. Толстый коротышка строго пояснил, что его эти проблемы мало тревожат. Чуть позже, когда они карабкались вверх по склону, патриций заговорил вновь:

— Как я погляжу, ты не боишься перечить члену Внутреннего Круга, а тот тупица даже пошел на меня с ножом. Прежде бы вы так не посмели.

— Правда ваша, благородный лорд, — покорно признал мародер. — В старые времена даже мысли такой возникнуть не могло — сей секунд башка начнет раскалываться. А после этой войны все враз переменялось. Как только перестал народ трижды на дню веселиться и песни горланить — так и страх пропал. Гражданина зарезать — плевое дело, даже удовольствие на том словить можно. А иной раз на патриция руку поднимешь — и ничего. — Он вдруг сорвался на крик: — Не боюсь тебя, ублюдок, понял?! Кончилось ваше время!

Нападение было стремительным, однако патриций снова сумел увернуться. Он двигался так быстро, что мародер не успевал разобраться, с какой стороны последует очередной удар. Очнувшись после экзекуции, всхлипывая и утирая хлеставшую из носа кровь, бандит плюнул зубом и долго вымаливал прощение. Толстяк легонько пнул его в печень и велел вести дальше.

На обратном скате горы разрушений было гораздо меньше — каменная толща отразила натиск взрывной волны. Лишь кое-где вспыхнули пожары от световых потоков, излученных в последние мгновения термоядерной реакции, когда остывающий огненный шар, набрав высоту, ненадолго засиял над гребнем Ылдемха. Прежние обитатели остались в своих домах, здесь работали энергоснабжение и водопровод, по трубам подавался газ. Незначительные, по сравнению с центром, разрушения были наспех расчищены, даже автобусы изредка ходили.

Свернув на нужную улицу, они нос к носу столкнулись с патрулем военно-морской жандармерии. Мародер мелко задрожал и пискнул: дескать, все, попались.

— Документы! — грозно потребовал жандармский мичман.

— Он со мной, — обронил патриций, не замедлив шаг.

Позади раздался растерянный голос офицера:

— Конечно, благородный лорд, как вам будет угодно.

Присмиривший мародер всем видом источал благодарность, которую несколько раз порывался выразить вслух, но не достиг успеха ввиду скудости лексикона. Только бормотал: псом твоим буду, ноги стану лизать и на задних лапках хвостом вертеть.

— Заткнись, — посоветовал патриций. — Кажется, мы пришли.

Особняк все-таки пострадал от последнего подвига Крыла Ужаса. Ударная волна, обладающая, как известно, коварным свойством «затекания», обогнула контур горной преграды и повыбивала в этом районе все стекла, обращенные к городскому центру. Окна были наспех заделаны кусками фанеры.

Открывший дверь лакей подтвердил, что экс-канцлер Хранд жив, хотя не вполне здоров. Узнав о ранге посетителя и государственной важности визита, слуга, скорчив недовольную гримасу, поднял позолоченную трубку задекорированного под антиквариат телефона, переговорил с хозяйским секретарем и, продолжая морщиться, провел гостей наверх.

Отставной сановник полулежал в кресле, закутанный в толстый плед. Судя по хриплости дыхания и мертвенной желтизне лица, Семь Демонов уже давно назначили старцу randevu, но упрямый Хранд с необъяснимым упорством загостился в этом мире, предпочитая страдания плоти вечному блаженству в Долинах Вечности.

— С кем имею честь? — проскрипел Хранд. — Ваше лицо...

— Вы имею честь видеть Мукиза Ктулфу, — сообщил патриций. — И у нас нет времени для доисторических церемоний. Империя в опасности.

Он коротко поведал о гибели августейших супругов, крон-принцессы, а также всей верхушки Адмиралтейства. Рассказал, что семь высших военачальников — командующие группами флотов и родов войск — образовали регентский совет при малолетнем наследнике.

— Передо мной поставлена задача восстановить нормальную работу Оборонительного Пояса, — сказал Ктулфу. — Возможно, сегодня вы — единственный оставшийся в живых участник создания системы.

Вице-канцлер Хранд разразился кашляющим смехом и судорожно ухватился за шнур звонка. Когда подоспевший лакей отпоил его микстурой и сменил захарканный кровью плед, старик поведал назидательным тоном:

— Я, к вашему сведению, верховным куратором проекта, потому как не дело высокородного патриция вдаваться в низменные технические детали. Черновую работу выполняло профессорское быдло.

— Мне нужны имена и адреса, — требовательно изрек Ктулфу. — Кроме того, понадобится таблица шифров запуска, экземпляр которой наверняка хранится у вас.

— Возможно, — умирающий старик равнодушно пошевелил пальцами. — В том сейфе было много разных бумаг.

Сейф, прикрытый натюрмортом, имел цифровой замок, но Хранд не назвал кодовую комбинацию. По словам дряхлого патриция, он мог выдать документы лишь по предъявлении письменного приказа Его Величества. Доводы: дескать, обоих Величеств нет в живых, не действовали на помутненный рассудок дегенерировавшего аристократа. Впрочем, Ктулфу догадывался, что старик попросту забыл код.

Не вступая в дискуссии, Ктулфу перерезал шнур, чтобы Хранд не смог вызвать прислугу, и подозвал грабителя, заскукавшего при виде антикварного изобилия.

— Справишься с дверцей? — спросил толстяк.

Обследовав капитальную конструкцию хранилища тайн, бывалый мародер щелкнул каким-то тумблером, после чего сказал обескураженно:

— Сигнализацию-то я отключил, но с замком без инструмента не справиться. Прикажете, благородный лорд, я вызову нужных людей.

— Не надо, — патриций отмахнулся. — Будем резать.

— Там же сталь в три пальца! — вскричал мародер.

— Всего лишь сталь...

В руке Ктулфу неведомо откуда появилась короткая трубка, испустившая тонкую струю огня. Несколько взмахов загадочным инструментом — и увесистый кусок металла мягко шлепнулся на предусмотрительно придвинутое кресло. Соприкоснувшись с раскаленными краями, обивка начала тлеть, но толстый патриций вылил на зародыш пожара целый графин воды, после чего извлек из сейфа пачку бумаг.

Отобрав несколько страничек, Ктулфу протянул одну из них своему напарнику. Тот авторитетно сказал, что в районах, мало пострадавших от атомных взрывов, живут господа, помеченные в списке номерами 4, 7, 16.

— Навестим всех по порядку, — решил патриций.

По улице медленно катился броневоз, украшенный эмблемой морской пехоты. Встав на пути тяжелой машины, Ктулфу раскинул руки крестом. Усмирив взбешенного офицера жетоном регентского совета, он буркнул: «Будешь меня сопровождать», — и полез в десантный отсек.

Командир патрульного броневика, молодой десантник с тремя ромбами на погонах, говорил, сокрушенно покачивая головой:

— Там очень плохой район. У гарнизонной комендатуры не хватает сил поддерживать порядок. Простолюдины словно обезумели. Сплошные грабежи, убийства, погромы.

— Я в курсе происходящего, — холодно оборвал его патриций. — Если интересующие меня особы окажутся в опасности, твоим солдатам придется навести порядок.

— Один квартал мы наверняка успокоим, — заверил офицер. — Танками они пока не обзавелись...

Растолкав завалившую перекресток кучу мусора, броневоз ворвался во двор огромного восьмизэтажного дома. Здесь стало ясно, что успокаивать придется от силы два-три десятка погромщиков. Когда солдаты перестреляли эту банду, Ктулфу поднялся на шестой этаж — лифт, естественно, не работал — и узнал от соседей, что жилец 131-й квартиры получил нож в печень позавчера ночью, возвращаясь после вылазки на продуктовый склад. Не выразив ни капли эмоций, патриций вернулся к своему конвою и приказал ехать по следующему адресу.

Ему повезло только с номером 16. Доктор кибернетики Дакл Шнизна оказался дома и был всего лишь крепко побит. Пожилой гражданин еле держался и в любой момент мог удариться в истерику. Чтобы поддержать конструктора, Ктулфу с пафосом произносил положенные заклинания: «Вы нужны Империи... от вас одного зависит судьба Отечества... только ваш блестящий ум...» Украшенное ссадинами лицо Шнизна моментально прояснилось, и кибернетик, прихрамывая, бросился к письменному столу.

Почувствовав, что цель его поисков почти достигнута, патриций позволил себе немного расслабиться. Он развалился в жестковатом кресле (у вице-канцлера мебель была несравненно удобнее), благодушно наблюдая, как хозяин квартиры тасует колоду перфокарт, с близоруким прищуром разглядывая на свет пробитые в картонках отверстия.

— Вот примерно так, — сказал наконец доктор Шнизна. — Кроме того вам придется набить еще одиннадцать команд и вставить на место перфокарт, которые я перевернул.

Ктулфу скептически рассматривал листок, покрытый символами алгоритмического языка. До сих пор он полагал, что запасные колоды, хранившиеся у Шнизна, содержат все необходимые команды для запуска генераторов психокоррекции в стандартном режиме. Перебитые перфокарты безусловно должны были изменить программу массового внушения. Знать бы только, каким образом...

Нельзя сказать, чтобы этот вопрос чрезмерно беспокоил патриция. Кому положено — разберутся и сообщат свои рекомендации. Сам же посланец регентского совета верно рассудил, что доктор кибернетики, как всякий уважающий себя интеллект, безусловно грешил инакомыслием. Придя к такому заключению, Ктулфу заметил, безмятежно улыбаясь:

— Зря мы ввязались в эту войну. Сколько потерь, разрушений...

— Как вы можете говорить такое?! — с неожиданной страстью возмутился ученый. — Я сам просчитывал возможные сценарии на вычислительном комплексе Императорского Научного Общества. Смею вас заверить, все прогнозы оказались совершенно однозначными. В той ситуации война была неизбежна, мы не могли вечно жить под гнетом столь несомненной угрозы!

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался патриций. — Объясните, если не затруднит.

Он выслушал соображения пожилого программиста и понял, что Обитаемый Остров сумел в очередной раз его удивить. Оказывается, армады белых субмарин и укомплектованные патологическими убийцами соединения морского десанта создавались вовсе не ради агрессии. Оказывается, все обитатели Архипелага, сохранившие способность трезво мыслить, жили под прессингом перманентного страха. Островитяне помнили ужас прошлой войны, когда с континента запустили всего полсотни боеголовок, чтобы подстраховать южные фланги. Традиционный нейтралитет островной монархии погиб вместе со всей инфраструктурой. Экономика державы была уничтожена на три четверти, чудом сохранилось лишь несколько судостроительных предприятий.

За прошедшие двадцать лет все помыслы жителей Архипелага были нацелены исключительно на обеспечение собственной безопасности. Разведка оценивала ракетно-ядерный потенциал Страны Отцов в 120-150 стратегических носителей, оснащенных 300-500 боевых частей. В действительности арсенал континентальной сверхдержавы был на порядок ниже, однако за последние годы возглавляемая Странником тайная полиция выловила самых ценных агентов Островной Империи, а потому поток достоверной информации резко сократился. Не имея четкого представления о событиях в северном полушарии, Адмиралтейство сразу подумало о худшем — что противник уничтожил разведсеть, готовясь к массированному нападению на Архипелаг.

Аналитические центры единодушно предложили оптимальную стратегию: нанести превентивный удар по ракетным позициям северян. Поскольку Островная Империя не располагала баллистическими ракетами и авиацией дальнего действия, оставался последний выход: придвинуть флот вплотную к вражескому берегу и расстрелять пусковые установки снарядами средней дальности...

— Результат оказался обратным замыслу, — резюмировал Ктулфу. — Бросок флота спровоцировал ракетный залп по Архипелагу.

— Подобное развитие событий лежит в пределах допустимых погрешностей, — бесстрастно парировал ученый. — По основным позициям наша логика не имела изъянов.

Патриций давно зарекся спорить с безумцами и фанатиками, а потому просто взял со стола увесистую пачку перетянутых резинкой картонных прямоугольников. Вздвогнувшись, Шнизна протер очки. Кибернетику показалось, что ему отказывает зрение: когда рука гостя приблизилась к одежде, ладонь вместе с колодой на мгновение стала невидимой, а затем снова появилась, но уже без перфокарт.

Сохраняя на лице доброжелательную улыбку, Ктулфу перешел к следующему вопросу:

— Соболаговолите, уважаемый, объяснить невежественному патрицию, по какой причине нарушена стабильность Трех Кругов. Низшие касты беспрепятственно совершают акты насилия против высших...

— Все вернется на свои места, как только вы запустите программу, — заверил его Шнизна. — Сейчас, когда разрушены оба центральных передатчика, станции Оборонительного Пояса излучают бесполезный низкочастотный сигнал. Раньше мы три раза в сутки переводили генераторы на форсаж. При этом Внешний и Средний Круги впадали в эйфорию — пели, плясали и от дурных мыслей избавлялись.

— Значит, если ввести вашу колоду, сигнал станет модулированным, и восстановятся прежние порядки?

От взгляда Ктулфу не скрылась усмешка, мелькнувшая по лицу кибернетика. Шнизна был неважным конспиратором, хоть и считал себя умнее окружающих. Не подав виду, что разгадал его игру, патриций продолжал:

— Неужели вам так нравилась организация нашего общества? Вот, к примеру, лично вы — могучий интеллект и талантливый ученый, а были вынуждены подчиняться дегенератам, составлявшим Внутренний Круг. Согласитесь, что подобный социум трудно назвать справедливым.

— Справедливость — пустой звук, — отмахнулся программист. — Мы сумели найти оптимальную форму баланса между властью и подданными. Каждый имел то, чего заслуживает. Псевдосправедливость, позволяющая выходцам из низов свободно проникать в элиту, никогда не доводила до добра. Впрочем вредна и наследственная аристократия, обрекающая элиту на вырождение. Вопрос лишь в том, кто достоин повелевать...

Внезапно он умолк, словно боялся сболтнуть лишнего. Впрочем, и без того было сказано достаточно, чтобы мародер-проводник, имени которого патриций так и не узнал, сумел сделать правильные выводы. Клинок, скрывавшийся в рукаве, просвистев через тесную комнату, вонзился в горло доктора Шнизна.

Бандит выхватил второй стилет, но в тот же миг получил ушиб челюсти и по инерции стукнулся затылком об угол секретера. Когда его взгляд обрел минимальную осмысленность, Ктулфу осведомился:

— Зачем?

Спутник патриция оказался ходячим арсеналом — под брюками к его лодыжке был прибинтован малокалиберный револьвер кустарного изготовления. Вскинув оружие, бандит закричал, что предпочитает умереть свободным и не позволит вернуть проклятое иго.

Щелкнул выстрел, пуля прошла пространство, за мгновение до того занятое грудной клеткой Ктулфу, однако толстяка там уже не было. Несмотря на свою комичную комплекцию, патриций двигался фантастически быстро. Внезапно оказавшись за спиной мародера, он вывернул руку с револьвером, но его противник прошел отличную школу

выживания в трущобах Акубедаба и пустил в ход заточенную отвертку. Ответный удар получился чуть сильнее, чем задумывался: не оглушил, а сломал шейные позвонки.

Сокрушенно выругавшись, патриций спустился по лестнице и велел командиру броневоза подбросить его на границу зоны сплошных разрушений. Трехромбовый офицер, совершенно одуревший от безумия сегодняшних маршрутов, не посмел возражать или напоминать о сохранившейся в эпицентре радиации. Он даже не удивился, когда неутомимый Мукиз Ктулфу, сказав на прощание: «Возвращайтесь в казарму», — быстрым шагом двинулся через пустырь, засыпанный изотопным пеплом. Если бы десантник продолжал смотреть вслед члену регентского совета, он имел шанс увидеть, как патриций вдруг сделался раза в полтора выше ростом и шире в плечах.

Отключив устройство, создававшее образ низкорослого толстяка, Максим Ростиславский сразу почувствовал себя комфортнее. С исчезновением окружавшей его трехмерной проекции не стало застилавшей глаза полупрозрачной преграды, и теперь не нужно было напрягать зрение, чтобы нормально видеть. Он разжевал пяток таблеток арадиатина, запил водой из фляги и прибавил шаг.

Спрятанный в ухе динамик пискнул голосом Кролика:

— Мак, мы разобрались с каракулями доктора Шнизна. Если ты набьешь эти перфокарты и запустишь такую колоду, генераторы действительно промодулируют несущий сигнал. И тогда будет внушаться слегка обновленная легенда, согласно которой сегодняшние граждане станут Внутренним Кругом.

— Я ждал чего-нибудь в этом духе, — сказал Максим. — Стало быть, я должен запустить старые перфокарты.

— Не выйдет, — сказал Кролик. — Покойник был предусмотрителен. У тебя — неполная колода.

— А что советуют отцы-командиры?

— Пока ничего не советуют. Советуются.

— Намекни, чтобы поторопились. Я на месте.

Если верить довоенной карте, когда-то здесь был разбит городской парк отдыха, хотя в такое верилось с трудом. Подобный пейзаж Максим видел полгода назад на Хонтийской границе сразу после подрыва атомных фугасов. Тем не менее, Шнизна не ошибался — ярость ударных волн сдула надстроенный над бункером павильон, обнажив бетонный капонир со стальной дверью.

Поскольку императорский дворец и Адмиралтейство были уничтожены, только отсюда, из этого подземелья можно было послать модулирующий сигнал, который восстановит спокойствие на Архипелаге и прекратит потоп беспредела. Сейчас гипноизлучатели, размещенные на всех островах Империи под скромной маскировкой станций Оборонительного Пояса, генерировали безвредный несущий сигнал. Модуляция превратит банальное гипногенное излучение в сокрушительное оружие психотропного действия. Лишь один из сотни гуманоидов Саракша был резистом — существом, не воспринимавшим стандартное поле психокоррекции. Неизвестные Отцы не зря называли резистов «выродками»: эти саракшианцы имели врожденные генетические отклонения, из-за чего их биологические антенны были настроены на другую частоту.

Сдвинь диапазон сигналов модуляции на 39.1 мегагерца — и такое излучение сломит волю большинства резистов. Прибавь еще 7.2 МГц — и генераторы подчинят себе среднестатистического землянина.

...Чтобы вскрыть бронированную дверь, пришлось опять прибегнуть к плазме, а потом ждать, пока остынут раскалившиеся края порезанного отверстия. В наступивших сумерках Максим нетерпеливо прогуливался вокруг входа в бункер, с отвращением чувствуя, как все сильнее зудит кожа — фон здесь был на пределе санитарной нормы.

Времени, потраченного на ожидание хватило, чтобы еще раз обдумать ситуацию, и выводы отнюдь не согревали душу. Вернув систему Трех Кругов, земляне снова получали воинственную нацию — обозленную и жаждущую реванша. Оставив же Архипелаг без

психокоррекции, пришельцы брали на себя ответственность за продолжение вражды каст и массовых убийств. Первоначальный план КОМКОНа — запустить программу, пропагандирующую всеобщие любовь и братство, явно не срабатывал. Теоретики на орбите совещались второй час, но никаких рекомендаций не предлагали.

— Пробоина остыла, — раздраженно сказал он в микрофон. — Что мне делать?

Ему ответил сам Странник:

— Мак, действуй по обстановке. Мы не смогли написать ту программу, которую хотели бы, а другие варианты нас не устраивают.

— Ладно, я пошел, — сказал Максим.

Внизу пришлось надеть противогаз: персонал погиб от радиации в день бомбежки, так что бункер был заполнен специфическим ароматом. Поминутно заглядывая в схему, позаимствованную у вице-канцлера, Максим легко добрался до аппаратного зала.

Громоздкие агрегаты — одни блоки магнитной памяти занимали десяток шкафов выше человеческого роста — производили гнетущее впечатление. Потребуется десятилетия, чтобы эти мастодонты эволюционировали в компактные, уместающиеся на столе компьютеры. И еще неизвестно сколько времени пройдет, прежде чем появятся здесь простые в использовании полумозговые кибер-блоки, сочетающие свойства вычислителя, хранилища информации, логического анализатора, средства связи, создателя образов и еще множество функций, без которых немыслима жизнь цивилизованного человека.

Вдобавок, электронная рухлядь не работала — не было энергии. То ли генератор вышел из строя, то ли требовалось запустить движок, то ли еще какая-то дрянь стряслась. Автономным питанием обладало единственное устройство — самоликвидатор. Даже удивительно, как эта примитивная игрушка не сдетонировала, когда в непосредственной близости от бункера бабахнули бомбы Тахи Орка.

Ситуация казалась безвыходной. Любое действие землян с неизбежностью приводило к нежелательным последствиям. База упорно молчала, только дежурные периодически просили продержаться еще немного. А потом держаться стало невозможно — со стороны входа донеслись звуки местной речи. Прислушавшись, Максим определил, что переговариваются человек десять. По обрывкам фраз он определил, что подразделение морской жандармерии разыскивает провокатора-диверсанта, имеющего фальшивые документы члена регентского совета.

«Судьба решила за меня». С этой мыслью землянин установил часовой механизм, перекинул рубильник и стал пробираться к выходу, то и дело натываясь на бродивших в потемках имперских солдат. Оставив за спиной немало вывихнутых челюстей, сломанных ребер и выбитых зубов, Максим протиснулся через дыру, которую сам же прорезал в стальной плите дверного люка. Здесь тоже оказались солдаты, которых пришлось довести до бесчувственного состояния. Убедившись, что свидетелей не осталось, Максим включил антигравитатор и, удалившись от поверхности на дюжину метров, полетел к горловине бухты.

Заряд самоликвидатора оказался атомным, но не слишком сильным — килотонн так на три-пять. Наверное, даже разрушений в имперской столице не прибавилось. А вскоре над океаном снизился посланный с главной базы шаттл, принявший на борт «Белого Ферзя». Экипаж космолана выполнил сложную операцию легко и непринужденно — несколько месяцев назад та же команда при похожих обстоятельствах эвакуировала с Саракша некоего Вальтера Лайнуса.

На душе было мутно. Он еле выдержал короткий перелет до станции. Невпопад отвечая на приветствия встречающих, Максим содрал десантный комбинезон и бросился в свою каюту. Коллеги вызвали по интеркому, кто-то ломился в наглухо заблокированную дверь, а он неподвижно лежал в горячей ванне, а затем, слегка отмокнув, встал под душ, задав автомату программу ежеминутно менять температуру от 285 до 320 кельвинов.

Лишь через час, малость успокоив нервишки, Максим заказал через Линию Доставки легкий ужин из овощей и большой баллон «Крови тахорга». Он почти не поел, только сидел,

обернутый медленно высыхающей простыней, потягивал терпкий напиток и думал.

Обитаемый остров безжалостно растоптал идеалы веселого беззаботного парнишки Макса Ростиславского. Саракш не только отнял любовь — эта проклятая планета разрушила все, во что он верил. Незыблемые этические аксиомы, которые земная культура вколачивала в подростков, оказались глупыми сусальными проповедями, не имевшими отношения к реальности.

Люди вовсе не были умны и добры от природы, люди вовсе не тянулись к прекрасному и светлomu. Главными родовыми чертами разумных бестий оказались злоба, жадность, глупость, высокомерие, а если и присутствовала любовь — то лишь к собственной персоне. Высшим счастьем для отягощенных интеллектом тварей было — унижить окружающих. Мне хорошо, когда другим плохо, пусть даже мне тоже плохо!

Словно ожили те самые главы учебников истории, которые испокон воспринимались старшеклассниками, как плохо придуманные сказки-страшилки. Ан, нет. Вот они, ожившие иллюстрации к параграфу «Кризис индустриальной цивилизации». Все, как в книжке: разрушение институтов государства и семьи, дробление общества по этническим и клановым признакам, массовый геноцид инородцев, дебилизация культуры, социально-классовое расслоение.

Такое уже было на Земле. Сверхдержавы разваливались на враждующие удельные княжества, едва ли не целые нации вымирали от наркотиков и половых извращений, вспыхивали гражданские войны, погромы, терроризм. И на Земле тоже появилась волновая психотехника. Теперь-то, пожив на Саракше, Максим понимал, какой ужас несут гипноизлучатели. С высоты обретенного опыта, он очень остро прочувствовал вывод, назойливо повторявшийся в десятке книг и фильмов: «Вступающее в постиндустриальную эпоху человечество оказалось на грани вырождения и гибели».

Если верить мифологии (официальная история о тех событиях целомудренно умалчивала) спасение принесла Всемирная Спецслужба. Как можно было догадаться по косвенным сведениям, легендарный Роберто Мария Родригес совершил в начале XXI века переворот и установил авторитарный режим, опиравшийся на штыки и боеголовки Международных вооруженных сил. Каким-то образом диктатура спецслужб сумела совершить чудо, вытянув человечество из пропасти. Можно догадаться, что Родригес и его преемник Иван Жилин физически уничтожили организованную преступность, взяли под контроль средства массовой информации, кардинально оптимизировали систему образования. В результате через полвека возникло новое общество, построенное на идеях добра и любви, без особых перемен существующее уже двести лет...

Максим как раз подумал, что Родригес и его соратники совершили подвиг, когда над входом замигал красный плафон и туго хлестнула по барабанным перепонкам истерично-прерывистая сирена общей тревоги. Очнувшись от философического оцепенения, Максим торопливо нацепил одежду и, согласно инструкции, кинулся вон из каюты. В коридоре его остановил ухмылявшийся Слон.

— Притормози, хлопец, — весело сказал старший координатор. — Ничего не случилось. Просто на другие формы общения ты не откликался.

— Прости, я ушел в себя, — пробормотал пристыженный Максим. — Забодала меня такая жизнь.

Хмыкнув, Слон похлопал его по спине и сочувственно обнадежил:

— То ли еще будет. Тебя, понимаешь, начальство ждет...

Явившись в кают-компанию, Мак понял, что координатор, сильно постарался, подбирая обтекаемые формулировки. Видать, не желал тревожить его прежде времени. Начальства было много — вся макушка резидентуры плюс сам Терминатор. Вероятно, супер-президент только-только прибыл с Земли. Короче говоря, судейская коллегия в усиленном составе готова разобраться с новичком, злостно сыгравшим рукой в самый неподходящий момент ответственного матча... Да, пожалуй, это была всего лишь игра рукой, а не гол в свои ворота. За такое не станут надолго дисквалифицировать — просто

побьют и отпустят с миром...

А судейское жюри неторопливо общалось между собой, словно провинившегося М.Ростиславского не было здесь даже в виде голограммы. Терминатор с умеренно раздраженным видом излагал прискорбные факты: дескать, провалено важнейшее задание, а потому надо убрать все концы, чтобы исполнители больше нигде не светились и не раздражали светлый взор земных бюрократов. С другой стороны, говорил супер-президент, в Мировом Совете не было единого мнения по части Островной Империи, а потому слишком тщательного расследования ждать не приходится.

— Скорее всего, вас навестит обычная комиссия средней компетентности, укомплектованная теоретиками от ксенологии, — сказал Терминатор. — Я внятно изложил обстановку?

— Вполне, — заверил шефа Странник. — Ни Сикорского, ни Ростиславского они здесь не найдут. Кстати, мне уже давно пора менять имидж, да и Максу не помешало бы остепениться.

— Кстати, о Ростиславском, — сказал Терминатор, впервые покосившись в сторону Максима. — Он у тебя кто — пиротехник? Вырастили тут себе на голову специалиста по взрывам. Борис, понимаешь, Савинков галактического масштаба! И в Стране Отцов модулятор взорвал, и на Архипелаге. Прямо Биг-Баг какой-то. Смотри у меня, парень, не взорви сгоряча Вселенную.

— Только прикажите, — Мак криво ухмыльнулся.

— До сих пор ты устраивал взрывы без приказа, — напомнил Павел Григорьевич.

Это было не обвинение и не упрек. Просто констатация факта. Можно сказать, служебная характеристика.

— Все, довольно! — раздраженно потребовал Терминатор. — Время взрывов кончилось. Научитесь созидать, а не разрушать. Пора наводить порядок на этой планете.

Только Странник осмелился подать реплику:

— Легче созидать на руинах, чем перестраивать уродливое здание.

Терминатор ответил что-то шутливым тоном, и они заговорили о другом. В тот же день Ростиславский стал Каммерером. Приехавшая вскоре комиссия сочла взрыв в Акубедабе следствием стечения неблагоприятных обстоятельств, и дело привычно замяли — отношения между Галбезопасностью и ксенологическими ведомствами в прежние времена были теплыми и дружескими. Единственным серьезным последствием той истории оказалось прилипшее к Максиму неблагозвучное прозвище Биг-Баг.

20. Архивные файлы.

Файл bwi://ComCon2/0062.99/CloseInform-057/99

Особо секретно

Государственной важности

Стенограмма заседания Тайной Коллегии

Ружена, Сабуро. Тренировочная база

Межведомственной федерации боевых искусств.

22 мая 99 года.

КАЛИБР: Уважаемые коллеги, я впервые участвую в совещаниях такого уровня, но позволю себе, на правах хозяина, открыть наше мероприятие. Думаю, сначала следует набросать повестку дня. Согласно предварительной договоренности, оперативные службы намеревались отчитаться по выполненной работе. Ранее неофициально прошла информация, что управление тайных операций выявило Резидента. Это так?

ТАХОРГ: Практически. На самом деле результат достигнут усилиями нескольких братских ведомств. Если не возражаете, начнем с моего короткого сообщения. Потом, наверное, выскажутся Мак от службы контрпроникновения и Умбриэль от следственного управления. Есть еще желающие?

ЦИКЛОН: Меня интересует, будут ли подключены к операции наши подразделения. Я имею в виду службы "В" и "Ф".

ТАХОРГ: Ты предполагаешь силовые акции против люденов и Странников. Маловероятно. Хотя, на всякий случай, не мешает подумать.

ЦИКЛОН: Мы с Калибром готовы оказать всяческое содействие, если потребуются наши услуги. Но мы должны знать о возможностях предполагаемого противника.

УМБРИЭЛЬ: Не уверен, что в данном случае можно говорить о противнике. Тем не менее, надо быть готовыми к любому развитию событий. Коллеги абсолютно правы.

КАЛИБР: До сих пор элитные службы обходились без нас... Есть еще желающие выступить?

ПАРАДОКС: Все мы давно и много слышим о принципиально новой ксенологической концепции. Якобы коллега Тарантул предлагает принципиально новый взгляд на Странников. Если слухи верны, то было бы не вредно сообщить нам хотя бы общие выводы.

ТАРАНТУЛ: Я подготовил большую статью для «Вопросов ксенологии». Выпуск появится в БВИ через два-три дня.

ТАХОРГ: Коллеги имеют право узнать о твоих исследованиях раньше остальных. В таком случае и сегодняшняя встреча станет более содержательной.

ТАРАНТУЛ: Сейчас ли нам обсуждать пути развития сверхцивилизаций?

КАЛИБР: Воспользуйтесь гипертекстом. Желающие смогут ознакомиться по ходу дела. (Тарантул переводит материалы в локальное инфопространство. см. файл Tarantul-99/4)

ПАРАДОКС: А что, очень любопытно. Ребята с Ковчега сразу стали мне симпатичны. В здоровом консерватизме есть нечто привлекательное.

МАК: Не будь извращенцем. Если прогресс застопорился на миллионы лет, то мне просто жаль этих братишек по разуму.

ЦИКЛОН: Страшненькая картина. Не хочется верить, а придется. Выводы и прогнозы Тарантула обычно безошибочны.

КАЛИБР: Оставим лирику для кулуаров. Слово имеет Тахорг.

ПАРАДОКС: Два слова напоследок. Тарантул зарекомендовал себя блестящим аналитиком и теоретиком ксенологии. С такими задатками ему прямая дорога в мою контору.

ТАХОРГ: Существуют иные прогнозы его печального будущего. Как мы все понимаем, в скором времени в руководстве одной конкурирующей организации возникнет множество вакансий.

УМБРИЭЛЬ: Интересная мысль.

МАК: Говорил же я — на глазах люди растут.

КАЛИБР: Взываю к вашему коллективному благоразумию. Начинайте, коллега Тахорг.

ТАХОРГ: Те из вас, кто знаком с материалами прошлых заседаний, должны помнить, что вплоть до самых последних дней мы имели практически одного подозреваемого. Конкретно мы считали Резидентом небезызвестную Майю Глумову. Помимо главного объекта были выявлены и взяты в разработку несколько десятков человек, которые считались безусловными агентами влияния ИВУ. К сожалению, все улики носили сугубо косвенный характер. Поэтому моя служба была вынуждена держать подозреваемых под усиленным надзором в надежде, что рано или поздно противник, допустив ошибку, выдаст себя.

Полной неожиданностью стала поступившая десять дней назад предварительная информация службы Контрпроникновения, полностью изменившая точку зрения на ситуацию. Множество явлений, которые прежде однозначно трактовались, как результат подрывной деятельности ИВУ, оказались побочными последствиями самозарождения нового биологического вида — Homo Ludens. Практически одновременно, восемь дней назад был достигнут долгожданный результат по делу Резидента. Ставка на выжидание полностью себя оправдала. Детали вам известны из разосланного накануне заседания служебного отчета, поэтому лишь коротко повторяю главное.

Во время беседы с представителем люденев Резидент все-таки ошибся. Ридер, следивший за Домом Леонида, совершенно определенно установил, что один из участников беседы произвел серию энергетических выбросов, нарушивших молекулярную структуру в системах записи информации — как биологических, так и магнито-оптических. Таким образом стало ясно, что данный фигурант обладает способностями, превосходящими параметры даже очень сильного экстрасенса. Как полагается, на основе собранных данных была сконструирована виртуальная модель. Результаты анализа показали: возможности фигуранта качественно не отличаются от свойств, приобретаемых Подкидышами в результате инициирования «детонаторами». С другой стороны, характеристики подозреваемого заметно отличались от тех, которыми обладают метагомы. Таким образом, личность Резидента считаем установленной.

УМБРИЭЛЬ: Хорошая работа. Однако, уважаемый коллега, разоблачение Резидента содержит солидный элемент случайности. Вам удалось выйти на фигуранта лишь в результате его грубого, пусть даже вынужденного прокола. Согласитесь, в таких обстоятельствах Галбез выглядит не лучшим образом.

ТАХОРГ: Ну, во-первых, умение ждать — один из главных секретов нашего искусства. Если правильно расставить силки, то рано или поздно дичь обязательно попадется. Во-вторых, делом занимались много подразделений, каждое — со своих позиций и своими методами. Не сделай этого мы — добились бы успеха другие. Послушаем, что расскажет представитель Контрпроникновения.

МАК: Как вы знаете, я — неважный оратор. Поэтому подготовил компактную справку о проделанной работе. Были, правда, темные моменты, но доклад Тарантула позволил их заполнить. Если не возражаете, я воспользуюсь гипертекстом.

(Мак переводит материалы в локальное инфопространство. см. файл Rezident-D)

ТАРАНТУЛ: Брависсимо, маэстро! Железная логика, как сказали бы предки.

МАК: На уровне железного века логика действительно кажется непробиваемой, но то же самое ощущение обычно предшествует серьезным ошибкам. Мы давно недолгоуважаем этого человека, потому что он организовал кампанию против Галбезопасности и добился расформирования Комитета. Может быть, потому мы пристрастны к нему?

ТАХОРГ: Не слишком ли много кампаний он организовал, стараясь при этом оставаться в тени кулис? Порядочный человек мог бы действовать открыто...

МАК: Тогда другое обстоятельство, которое сильно меня тревожит. За сто лет активного прогрессорства люди допустили множество промахов. И всякий раз ошибочность своих акций мы понимали только задним числом. Я вижу тут две возможности. Во-первых, не исключено, что действия ИВУ также являются ошибочными, а потому не способны принести человечеству пользы. Во-вторых, я боюсь, что Странники попросту намерены наказать человечество за то зло, которое мы сами причинили младшим цивилизациям.

ПАРАДОКС: Так сказать, галактическая педагогика в стиле Джона Локка — наказывать подобным. Нас тычут носом в наши ошибки и при этом намекают: дескать, представьте, как плохо было саракшианцам, которым вы сделали нечто похожее.

УМБРИЭЛЬ: Это уже паника в чистом виде. Будем исходить из доказанных фактов: налицо присутствие агентства ИВУ, ведущей прогрессорскую деятельность.

ТАХОРГ: Не только прогрессорскую. Они вдобавок втягивают нас в разборки со своими конкурентами.

КАЛИБР: Общеизвестно, что интеллектуальные подразделения не слишком высокого мнения о нас, силовиках. Тем не менее рискну признаться. Я не понимаю, каким образом агентство ИВУ связана с метагомами. ПАРАДОКС: Наша служба считается одной из самых яйцеголовых, но я тоже не усматриваю связи, только разрозненные куски большого мозаичного панно. А связь безусловно есть. Не зря же Резидент забыл о самосохранении, атаковав Логовенко своим биополем. Несомненно, он увидел в метагомах союзников Рейнджеров. Может, у службы "И" есть какие-то соображения на этот счет?

РАДИАНТ: Кое-какие имеются, на то мы и существуем. Вероятно, единственный

представитель управления "К" не откажется подсобить в нужный момент, если моя логика споткнется. Как-никак, люденов раскололо именно Контрпроникновение.

МАК: Подсоблю, не сомневайся. Начинай.

РАДИАНТ: Итак, считаем установленным, что две, а то и все три-четыре разновидности Древних осваивают наш район Галактики. Безусловно, каждая из субцивилизаций считает свой путь развития наиболее перспективным, а потому без почтения относится к действиям кузенов-соперников. Логика тут простая: «Мы — лучшие. Значит, остальные неправы. Следовательно, они поступают неверно, а мы должны им помешать, пока они не погубили Вселенную». Как следствие, родственные субцивилизации обмениваются мелкими гадостями. Странники подвесили боевой спутник над Ковчегом, Рейнджеры не подпускают Странников в наши края и так далее. На каждую акцию конкурентов немедленно отвечает противодействием другая часть Древней Расы.

Эксперимент с Землей начали, очевидно, Странники. Это случилось аж в кроманьонскую эпоху, когда заложили саркофаг-инкубатор. Не знаю, повинна ли в этой ситуации какая-нибудь ВСЦ, но в конце XX века Земля развивалась по сценарию, ведущему в тупик. Тогда-то Рейнджеры сыграли в Капитана Немо, устроив так называемое Посещение с подбрасыванием высокотехнологичных игрушек. На протяжении полувека произошел перелом: человечество вырвалось к звездам, преодолело кризис ресурсов и заодно удалось избежать социокультурной катастрофы.

В первой половине текущего столетия были достигнуты определенные подвижки в изучении Золотого Шара и других артефактов Посещения, стало возможным использование подарка Рейнджеров в качестве супероружия против Странников. На базе этих открытий проведена операция «Зеркало-1».

Операция «Зеркало» инициировала активность Странников. Обнаружив, что Земля готовится к защите, они разрешили своему Резиденту найти инкубатор. Детонаторы, как логично предположил Мак, представляют собой средство связи, изменяющее свойства организмов подкидышей. В момент закладки Странники еще не знали, для каких акций пригодятся эти ребята и предусмотрели канал широкомасштабного влияния.

В ответ на появление Подкидышей Рейнджеры запустили программу люденов...

МАК: Не совсем так. В ответ на рождение кроманьонцев Рейнджеры навели землян на места активной деятельности Странников. Людены появились несколько раньше — в начале 30-х годов. И я бы не решился утверждать, что людены — результат активного мероприятия Рейнджеров. Если следовать вашей концепции, то метагомы ближе к расе Ковчега, чем к Рейнджерам. Другое странно: в начале 60-х Резидент обрушился с нападками на программу фукамизации, то есть способствовал увеличению численности люденов! Как установлено, биоблокада разрушает барьер между периферийной нервной системой и иммунной системой — то есть организм начинает подавлять любые нежелательные изменения, в том числе и мутации. Тем самым исключается превращение Homo Sapiens в более совершенный вид. Действия Резидента выглядят не вполне логично.

ТАХОРГ: У тебя есть объяснение?

МАК: В какой-то степени... Возможно, метагомы использовали Резидента «втемную». Логовенко даже похвастался: дескать, они сумели провести кампанию против фукамизации руками Комова и его сподвижников. Но я хотел бы напомнить о происшествиях на острове Матуку, виновником которых оказался моллюск, биологически родственник Древней Расе. Полагаю, ковчегианцы на протяжении многих эпох каким-то образом использовали его для вмешательства в дела человечества. Может быть даже, именно биополе этого монстра способствовало появлению первых люденов.

ТАРАНТУЛ: Бездоказательно.

ТАХОРГ: Искать доказательство — наша задача.

УМБРИЭЛЬ: Иными словами, если отбросить детали, то получается, что в середине века против Странников объединились Ковчег и Рейнджеры?

МАК: Примерно так. Появление метагомов на Земле, а людей на Сауле и Надежде

заставило Странников свернуть активность в этих мирах. Если там и остались Странники, то лишь глубоко законспирированные. Как наш Резидент.

РАДИАНТ: Благодарю, коллега, очень ценное дополнение. Тут у нас была явная недоработка... Итак, Резидент пытался противодействовать, поскольку обстановка для Странников существенно осложнилась. Появление люденов привело к формированию небольшого отряда существ высшего разряда — экстрасапиенсов, присутствие которых вытесняет Странников из сектора Земля-Леонида-Тагора, либо существенно ограничивает их активность в этом секторе Галактики. Неудивительно, что Комов занервничал и принялся столь энергично требовать, чтобы метагомы покинули окрестности Земли. В свою очередь Рейнджеры — или, возможно, ковчегянцы — поторопили люденов — для создания помех Странникам вполне достаточно и пятисот особей.

ПАРАДОКС: Обычная история. Как только исполнители не нужны — о них забывают... Коллеги, до сих пор мы были почти безвольными пешками в большой игре, которую вела Древняя Раса. А что нужно Земле? Пора подумать и об этом...

ЦИКЛОН: Может быть, не стоит пока брать Резидента? Разоблачив агента, полагается вступить в игру с противником. Подумайте об этом.

ТИРЕКС: Во-первых, мы решаем глобальную проблему. Сейчас мы получили уникальную возможность безболезненно восстановить Вышестоящую Организацию, а это важнее любых оперативных игр с потенциальным противником. Во-вторых, никто не собирается «брать» Резидента — мы просто припрем его к стенке и заставим дать объяснения. В третьих, надо показать Странникам, Рейнджерам и прочим, что мы для них — почти равные партнеры. Пора Древним переходить от тайных контактов с меньшинствами к открытому сотрудничеству с официальными властями Земли.

ПАРАДОКС: Между прочим, хорошо бы и нам поступать так же. Служба Проникновения давно предлагает установить открытый контакт с дружественными Земле режимами Саракша, Гиганды, Беллерофонта и других планет, переросших индустриальную эпоху.

УМБРИЭЛЬ: С дружественными... симптоматичная оговорка. Вот и Странники пойдут на контакт, но только «с дружественными властями»... Ладно, ладно, не шумите. Я хотел бы сделать пару-другую замечаний. Будем исходить из допущения, что пресловутый Резидент нам не враг, но искренне озабочен судьбой человечества. Единственное его отличие от нас — Резидент по-другому видит пути прогресса, а потому пошел на сотрудничество с ВСЦ, в действиях которой он не усматривает угрозы. Номо он, бесспорно, Sapiens, то есть, с ним можно спорить и попытаться переубедить, перетянув на нашу сторону.

Если мы просто начнем давить компроматами и косвенными уликами, Резидент замкнется и примется с тупым упрямством все отрицать. Поэтому предлагаю набор аргументов, которые могут подействовать на его психику. Начнем с общих рассуждений: дескать, даже сверхразум способен ошибаться. Тут следовало бы привести примеры таких ошибок с анализом возможных последствий для человечества. Затем подействуем на его самолюбие: Странники используют людей как марионеток, а потом, когда исполнитель больше не нужен — забывают о нем. Другой удар по гордости — он служит самому архаичному ответвлению Древней Расы, подчиняется генетическому мусору. Наконец, если Резидент чересчур предан хозяевам, попробуем сыграть в сочувствие: две ВСЦ объединились против Странников, поэтому будет справедливо, если он поможет Галбезу разоблачить агентуру Рейнджеров и ковчегянцев.

Буду рад услышать ваши замечания и дополнительные предложения. Во всяком случае, эту промывку мозгов должен проводить не следователь, допрашивающий Резидента. Следует распределить роли таким образом, чтобы несколько человек массированно обработали его в процессе благожелательной дискуссии.

ТАХОРГ: Мне нравится идея. В конце концов, он — человек, а не супермозг, лишенный эмоций. Вернемся к этому чуть позже. А сейчас необходимо вспомнить о главном. Завтра или послезавтра мы выступим перед Мировым Советом, и к этому времени

должны быть готовы основные документы. Продолжим после перерыва.

(Стенограмма второй части заседания изъята из соображений безопасности)

Файл bwi://ComCon2/0062.99/Tarantul-99/4

Приложение 1 к файлу bwi://ComCon2/0062.99/CloseInform-057/99

Тезисы статьи

«Внеземные сверхцивилизации: Попытка анализа»

1. На протяжении 280 лет, с момента открытия древних городов на Марсе, главной задачей земных ксенологов становится изучение следов, оставленных внеземными культурами, которые превосходят человеческую расу как по возрасту, так и по степени технологического развития. Поскольку ВСЦ старательно избегают прямого контакта, единственным способом понять старших братьев по разуму остается построение непротиворечивых теорий.

2. Очевидно, что современный человек не в состоянии разобраться в принципах устройства артефактов, созданных цивилизацией, опередившей нас на миллионы лет — аналогично тому, как человек первобытной или античной эпохи принципиально не способен уяснить устройство кваркового реактора и, на основании изучения этого устройства, построить теорию ядерных сил. Вместе с тем даже пещерный человек, случайно нажав пусковую кнопку, мог бы привести реактор в действие, после чего неизбежны совершенно непредсказуемые и заведомо неверные выводы о случившемся, вытекающие из примитивных неандертальско-кроманьонских представлений о законах природы. К идентичному результату приводят и все попытки землян использовать достаточно сложные конструкции, умышленно или по небрежности оставленные нам старшими братьями.

3. В этой связи остановимся на значении термина «понять» в приложении к ВСЦ. Поскольку мы не можем постичь технологических, равно как естественнонаучных достижений высшего разума, посильной для человечества задачей представляется только изучение гуманитарных аспектов. Таким образом, относительно близкие к правде результаты мы получим лишь в попытках уяснить фундаментальные цели ВСЦ, а также изучить их историю, этику, искусство и философию.

4. Наиболее развитые ксенологические модели традиционно строились на базе нескольких аксиом. Априорно предполагалось, что эволюция любой цивилизации представляет собой непрерывный прогресс, то есть последовательное познание и утилизацию новых, все более сложных и глубинных законов природы, экспансию от планеты к планете (в перспективе мыслится колонизация множества миров). Основными критериями высокоразвитой цивилизациями принято считать объем накопленной информации, масштабы энергетических ресурсов, скорость и дальность космического транспорта и мощность оружия.

5. Как я уже неоднократно говорил, с некоторых пор ксенология топчется на месте, поскольку оказалась в плену заведомо ошибочных теорий. Где признаки Монокосма? Где признаки вертикального прогресса? Обе концепции были просто теоретической спекуляцией, хотя не имели под собой ни единого факта. Однако они почему-то заморозили всех, и теперь любой школяр способен бесконечно трепаться о развитии по вертикали. Идиотские фантазии Комова и Бромберга увели футурологию прочь от истины. Мы видели следы, которые Странники оставляли на протяжении миллионов лет. И что? Масса признаков, которые указывают, что они остаются нормальными индивидуальными существами.

6. Факты указывают, что развитие «по вертикали», даже если таковое где-либо и когда-либо имело место, ведет не к слиянию разумов, но представляет собой прогресс индивидуума. Из земной истории нам известны разные пути такой эволюции — например — киборгизация (казус Чертовой Дюжины) и мобилизация генетических резервов (людены). Тагоряне — те и вовсе целенаправленно прогрессируют, изменяя свои организмы методами генетической архитектуры. Какой путь прогресса выбрали известные человечеству ВСЦ?

7. Комплексные исследования, выполненные за последние годы, позволяют заключить, что три обнаруженные нами ВСЦ, а именно Странники, Рейнджеры и обитатели Ковчег, представляют собой различные эволюционные ветви одного биологического вида. Так, с помощью коллекторов рассеянной информации получены четкие изображения строителей городов и орбитальных комплексов на Марсе и Владиславе, а также создателей Нуль-Т-узлов на Сауле и Надежде. Применяв методику «удаленной интроскопии», удалось получить представление о расе Ковчег. Во всех случаях мы видим крупных головоногих моллюсков, обладающих в разной степени развитыми панцирными оболочками. Итак, цивилизация разумных моллюсков (предлагается рабочее название — Древняя Раса) разделилась на три потока.

8. Вероятно, каждая из упомянутых субкультур выбрала собственную концепцию развития. Рейнджеры — активная раса, динамично осуществляющая галактическую экспансию. Можно предположить, что далекие предки Рейнджеров стали на путь, чем-то напоминающий знакомую нам модель Чертовой Дюжины.

На планете Ковчег обнаружено нечто вроде бромберговского Монокосма, но можно отметить признаки, вызывающие аналогию с метагомами. Возможно, мы и имеем дело со своего рода моллюсками-люденами, выбравшими чисто биологическую эволюцию. Ковчеганцы не нуждаются в экспансии, поскольку могут получать любую необходимую информацию о Вселенной, не покидая своих подземелий.

И наконец Странники, которые за несколько миллионов лет практически не эволюционировали технологически. С точки зрения всех мыслимых теорий это невозможно, однако это так. Естественный вывод: раса, которую мы называем Странниками — генетический мусор, не способный к развитию. Определенная часть этой расы давно трансформировалась в более совершенные виды, а эти бедолаги так и не поднялись выше традиционных технологий.

9. Вывод: человечество также последует данной модели эволюции, а потому со временем неизбежно разобьется на несколько разных видов.

Конец файла.

Файл bwi://ComCon2/0062.99/Rezident-D.

Приложение 2 к файлу bwi://ComCon2/0062.99/CloseInform-057/99

Действия КОМКОНа-2 по выявлению Резидента

Оперативно-розыскные мероприятия по агентуре ВСЦ были начаты в конце 70-х — начале 80-х гг. на основе сугубо умозрительных исходных предпосылок: * На Земле, либо других колонизированных мирах присутствуют законспирированные агенты, либо агенты влияния одной или нескольких ВСЦ. Агенты могут оказаться как нелегалами (этнический представитель ВСЦ-ИВУ, выдающий себя за человека, голована, земное животное и т.п.), так и человеком (голованом, земным животным и т.п.), по убеждению, либо по принуждению выполняющим указания ВСЦ-ИВУ. * Считалось установленным, что ВСЦ-1 (Странники) имеет на Земле агента, способного оказывать влияние на глобальные решения. Рабочее название данного агента — Резидент. * Согласно выводам аналитиков нашего ведомства, задачей Резидента является, главным образом, коррекция дальнейшей истории человечества. Соответственно цель Странников — направить эволюцию нашей расы по маршруту, который ВСЦ-1 считает оптимальным (оптимальным для себя или для нас — не установлено). Другая возможная задача Резидента — информирование ВСЦ-ИВУ о событиях на Земле должна быть признана несущественной, поскольку столь древняя цивилизация должна иметь более надежные средства для сбора информации. * Безусловно, действующие против нас ВСЦ наладили каналы связи, неподконтрольные земным средствам обнаружения и перехвата. Так, несмотря на принятые меры, не удалось выявить, а тем более запеленговать сигналы, поступавшие на «детонаторы» в момент инициации Подкидышей. Серьезные вопросы вызывает также практическая одновременность (с разницей не более 2 часов) рождения всех 13-ти обитателей саркофага-инкубатора. При естественном протекания

процесса разброс сроков рождения составил бы дни или недели. Таким образом, весьма вероятно, что развитие зародышей контролировалось из внешнего источника.

Результаты за период 78-99 гг.

В данный период возглавляемые мной подразделения ЧР и ЧП продолжали разработку главного подозреваемого — Суок. Постепенно накопились сомнения, перешедшие в уверенность: она Резидентом быть не может. После бурного, но короткого периода сотрудничества с группой «Вертикаль» Суок практически отошла от активной общественно-политической деятельности. Более того, она не имела ни социального статуса, ни доступа к секретной информации, представляющих интерес с точки зрения ВСЦ-ИВУ. Некоторое время мы полагали, что многочисленные связи, которые она заводила в процессе беспорядочной личной жизни, позволяют Суок оказывать влияние на своих сожителей (президент КОМКОНа-1 Г.Комов, начальник исследовательского центра «Яйла» А.Бернадот и др.), однако эти подозрения не подтвердились. Суок-Глумова, в силу ограниченности ее возможностей, не могла быть ценным агентом.

Затем в поле зрения появился Наследник Тутти (см. мой рапорт от 19.05.99, файл [bwi://ComCon2/7138.99/SuperHomo-N](#)), с маниакальной настойчивостью рвавшийся разоблачать активность ИВУ и, в первую очередь, Странников. Оперативные результаты НТ представляли несомненный интерес, хотя, как стало ясно весной с.г., не имели ни малейшего отношения к истинным проявлениям деятельности Странников. При этом все без исключения происшествия неустановленной природы он безоговорочно признавал результатом целенаправленных действий ВСЦ-ИВУ. Своим энтузиазмом, перерастающим в мнительность, НТ сумел заразить и пустить по ложному следу многих сотрудников отдела.

Сейчас можно предполагать, в качестве рабочей версии, что НТ, выполняя указания Резидента, пытался навести земные власти на популяцию люденгов. Впрочем, с равной вероятностью допустима обратная версия: НТ невольно оказался под слишком сильным впечатлением от неподтвержденной теории А.Бромберга («Монокосм»).

Так или иначе, более 20 лет оперативные мероприятия не приносили желаемого результата.

Решение задачи

Настоящий след удалось взять совершенно случайно.

В начале апреля с.г., находясь на Саракше, я решил прояснить для себя старую историю с Абалкиным-Гуроном и спросил Колдуна, замечал ли он признаки экстрасенсорных свойств у землянина, который работал в Стране Мутантов вскоре после Пандейского путча (58-й год). Ответ полностью изменил точку зрения на ситуацию: по словам Колдуна, один из членов той группы действительно был слабым экстрасенсом, однако при своем блиц-визите на Землю 25 марта с.г. Колдун снова зафиксировал биополе этого человека и обнаружил заметный рост паранормальных качеств. Поскольку Гурона к тому времени заведомо не было в живых, стало ясно, что Колдун имеет в виду вовсе не Абалкина а другого члена группы, т.е. речь может идти либо о Геннадии Комове, либо о Марте Раулингсон. Проверка установила, что 25.03.99 член Коллегии КОМКОНа-1 М.Раулингсон на Земле отсутствовала, но зато Г.Комов в момент прибытия рейса с Саракша находился в зале ожидания космопорта Мирза-Чарле. Таким образом, личность Резидента была установлена с достоверностью 92-97%.

Теперь многие давно известные факты хорошо укладывались в рамки новой версии, получив строго логичное истолкование.

Прежде всего отметим феноменально медленное старение Комова. Резиденту почти 180 биологических лет, однако он выглядит человеком среднего возраста в самом расцвете сил. Тот же Бромберг и Рудольф Сикорски моложе его на четверть века, а состарились куда сильнее, хотя не подвергались ежегодно многократной деритринитации всех видов. Парадокс легко объяснить, если допустим, что Странники перестроили генотип своего помощника, сохранив при этом внешние параметры фенотипа.

Вполне соответствует задачам пособия ИВУ широко известное участие Комова в

сомнительных акциях: способствовал утечке информации о Подкидышах (37), выступил против фукамизации (61), устроил Глумову в самый важный отдел Музея внеземных культур, хотя именно она сорвала ему важнейшую операцию (60), он же возглавил кампанию за ликвидацию Комитета Галбез (66-69).

Становится понятно, почему Комову так везло с находками экстра-класса: ведь именно он открыл цивилизацию Леониды, саркофаг с Подкидышами (37), третью ветвь Древней Расы на Ковчеге (60). Очевидно, Странники буквально подбрасывали ему эти открытия. Кстати, во всех перечисленных случаях Комов действовал отнюдь не в интересах земной науки. Так, он сорвал возможность найти базы Странников, в годы, когда еще действовали Нуль-Т-артерии Саулы и Надежды. После обнаружения инкубатора Комов послал техника, который неизбежно способствовал бы (через Бромберга) разглашению тайны. После этого он сразу предположил (или знал заранее), что Подкидыши могут стать посредниками между людьми и Странниками. Общеизвестно, что Комов всегда благоговел перед Странниками, словно старался им угодить. Теперь он принял все меры, чтобы создать тепличные условия для Подкидышей и довести до логического завершения эксперимент Странников.

Затем в ходе операции «Ковчег» Комов встретил еще одного потенциального посредника — Малыша, однако сознательно сорвал намечавшийся Контакт. Причина очевидна: Комова интересовала исключительно связь со Странниками, тогда как на Ковчеге живут существа, которых Странники изолировали, а потому и Комов не собирался способствовать их общению с другими цивилизациями. С этой целью он с самого начала взял исключительно жесткий тон при общении с Малышом. Прекрасно зная характер Глумовой, Резидент рассчитал абсолютно точно: возмущенная столь неэтичным отношением к ребенку, Суок совершила известную хулиганскую выходку, на неопределенный срок исключившую любые контакты между людьми и ковчегийцами.

Крайне негативную роль сыграл Комов и в истории с метагомами. Нельзя исключить, что именно он — явно или косвенно — управлял действиями Наследника Тутти с целью преждевременного разоблачения Номо Ludens. В разгар этой работы Мировой Совет поставил Комова во главе сектора КОМКОНа-2. Для фигуры его уровня такое назначение выглядит слишком мелким, но Комов охотно согласился. Крайне сомнительно, что он хотел собственноручно разобраться с люденами, или надеялся войти в руководство Вышестоящей Организации. Руководители Тайной Коллегии все равно не признали его своим и на заседания не приглашают. Однако, в итоге КОМКОН-2 признан потенциальным источником утечки секретной информации, а потому практически был выведен из иерархии Вышестоящей Организации. Тем самым произошло выгодное лишь ВСЦ-ИВУ ослабление земных спецслужб.

Выводы:

Можно считать доказанным, что Геннадий Комов, президент КОМКОНа-1 является искомым Резидентом по крайней мере с 30-х годов. Для подтверждения, либо опровержения подобных подозрений следует осуществить доскональное обследование его физико-биологических параметров по специальной программе «Пришелец-90». Предлагаю Тайной Коллегии, либо одному из ведомств немедленно выйти с подобным предложением на соответствующую комиссию Мирового Совета.

Конец файла

21. Страницы из дневника.

Охота, отнявшая столько сил и времени, завершилась. Однако не было ни малейшего удовлетворения, а только горечь и обида. Не на Резидента, нет, скорее на нечто большее. В конце концов Комов искренне и некритично верил суперразуму, а потому ревностно служил делу, которое считал правым. Возможно, он не ошибался, но мы исполнили свой долг как могли и как считали нужным. Так уж устроена эта Вселенная — правда многолика и хорошо замаскирована, а раскрывается лишь спустя много поколений. Как обычно, потомкам

предстоит разбираться, кто был прав, после чего исправлять ошибки пращуров.

Совсем иначе восприняли мы ту подлую шуточку, которую с нами сыграла родная мамка-Природа. Не слишком приятно узнать, что рядом вдруг возникло новое племя — существа, внешне от нас неотличимые, но по сути своей более совершенные, умные и могущественные. Понятное дело, никто из нас не виноват в собственной анахроничности, и моя реликтовость — результат случайного сочетания генов. Рано или поздно такое должно было случиться. Эволюция не считается с чувствами шашек, расставленных на большой клетчатой доске. Правила игры просты до гениальности идиота: кому-то посчастливится выйти в дамки, но подавляющее большинство будет съедено. На смену австралопитекам пришли питекантропы, на смену неандертальцам — кроманьонцы. А теперь вот и Номо псевдоразумному наступает *lupus est*.

Поначалу казалось, что отныне и до окончательного нашего вымирания, как вида, людей будет точить комплекс вселенской неполноценности. Они (то бишь метагомы) владеют телекинезом и телепортацией, а мы никогда этому не научимся. Мои потомки, подобно Странникам, обречены слоняться между галактическими скоплениями лишь по старинке, в чреве звездолетов, а внуки Тойво Глумова или Дани Логовенко смогут мгновенно перемещаться в любую точку бесконечности. Наверное, впервые я перестал жалеть, что не обзавелся детьми.

Впрочем, я не стал обращаться к кибермедику или, тем более, к профессору-психотерапевту. От хандры же избавился на десятый день после Большого Откровения, то бишь вечером накануне чрезвычайной сессии Мирового Совета. Мысль была простая, но толковая: «В конце концов можно ведь с комфортом путешествовать на эпсилон-Д-кораблях!» Потом уже я стал развивать эту философию: мол, мы же не завидуем птицам, которые умеют летать, натужно размахивая оперением — не завидуем потому, что люди гораздо быстрее, дальше и выше делают то же самое при помощи птерокаров и авиеток. На душе сразу стало легко.

Идиотский фрагмент. Наверное, придется стереть.

24 мая Тайная Коллегия передала Мировому Совету всю информацию на Комова. Получился большой и шумный скандал. Сенаторы не хотели верить, что среди них затесался пособник потенциального противника, однако улики выглядели слишком убедительно. Особенно напоминание о возрасте Резидента, который внешне казался бодрым дяденькой не старше шестидесяти-семидесяти лет. Сам Комов даже не пытался ничего отрицать, а парировал наши доводы встречным обвинением: дескать, обломки Галбеца придерживают закрытую информацию, не передают в Большой Информаторий, а это уже явное злоупотребление. А все разговоры об угрозе со стороны ВСЦ, сказал он, необходимы всяким там Тахоргам, Циклонам и Парадоксам, чтобы воссоздать прежнюю монстроидальную организацию Галбезопасности.

В чем-то Комов был, безусловно, прав, однако тактически его демарш выглядел бледно. Тахорг повторил обвинительную аргументацию и, сославшись на полузабытые законы, принятые еще во времена Жилина, потребовал провести экспертизу. Текста законов никто, разумеется, не помнил, поэтому пришлось обратиться за разъяснениями в закрытый сектор БВИ. Оказалось, что при отсутствии убедительных доказательств подобная экспертиза возможна исключительно по личному согласию подозреваемого. Комов сгоряча отказался, чем сильно испортил и без того неблестящее впечатление о своей персоне.

Правда, третий вице-президент, ближайший дружок Комова, заикнулся было: мол, хранение секретных досье — дело не вполне этичное, к тому же противоречит основополагающим принципам вроде свободы информации. Сделав удивленное лицо, Тахорг поинтересовался: «Вы действительно хотите, чтобы мы открыли ВСЮ накопленную за три столетия информацию? Мы готовы. Но готово ли человечество к подобному потрясению?»

Это заявление вызвало общий шок: сенаторы очень ярко представили, что где-то в архивных дебрях хранятся компроматы на каждого из них. Окончательно деморализованные

слуги человечества прекратили сопротивление и подняли руки вверх — в смысле, без возражений голосовали за все законопроекты, предложенные Тайной Коллегией. Решение о роспуске Галбезопасности было признано вредной ошибкой, которую надлежит срочно исправить. Тахорга назначили председателем комиссии по восстановлению Вышестоящей Организации. Потом, выдержав положенную приличиями паузу, Мировой Совет большинством голосов запретил рассекречивание внутренней служебной информации, передав этот вопрос на усмотрение Комитета Галбез, который должен быть восстановлен в кратчайшие сроки.

Другими постановлениями сенаторы выразили Комову недоверие, хотя формальных обвинений решили не предъявлять. Ветеран космической науки отправился на заслуженный отдых и получил отставку со всех официальных постов. Ему оставили только почетную синекуру — руководство комиссией «Метагом». Президентом КОМКОНа-1 стал выдающийся представитель «молодой школы» ксенологии доктор Мерлин Кондратьев. Закрывая сессию, президент Мирового Совета, злоупотребив пафосом, сказал, что теперь КОМКОН-1 должен извлечь урок из прошлых ошибок и заняться своими прямыми обязанностями — налаживанием контактов с братьями по разуму. Главная задача — форсированно готовить полномасштабный контакт с цивилизациями субкосмического уровня. Мы должны перехватить инициативу у ВСЦ, — заявил глава Совета.

Сразу после заседания мы отправились в институт теорпроблем социальной прогностики, превратившийся в штаб комиссии по восстановлению. Тайная Коллегия автоматически превратилась в новую Коллегию Комитета. Как сказал Тахорг, «тайное просто обязано стать явным».

Первым делом из управлений Галбеза были уволены все люди со стороны, наводнившие наши ведомства за последние годы. Бутон, бывший Следопыт средней руки, беспрекословно сдал мне текущие дела, и я вернулся в бывший кабинет Павла Григорьевича. Начался чудовищный аврал, и только за полночь я вспомнил, что следует снять со стены у входа бронзовую плиту с неприличной надписью «Комиссия по контролю за развитием научно-технологических процессов». Никакого КОМКОНа-2 больше не существовало — мы снова стали Главным Управлением Контрпроникновения.

Несколько раз пыталась выйти на связь Габриэль, но я выключил браслет — не было времени даже перекусить. Всю ночь мы готовили предложения и редактировали давно заготовленные документы, которые должны были к середине следующего дня восстановить структуру и дееспособность ведомства. Лишь под утро рассвирепевшая Габи прорвалась в мой кабинет, сверкая глазами неизвестного науке цвета, однако я сумел успокоить страсти, пообещав, что в самом скором времени она вместе со мной отправится на Саракш. Кстати, вопросы реорганизации главка и установления отношений с властями Саракша мы прорабатывали параллельно.

Примерно полчаса я отдыхал, слушая, как Габи строит планы круиза по трем континентам (кажется, больше всего ей хотелось побывать в мемориальном доме Верблибена на острове Хаззалг), но потом спохватился и намекнул, что жду важного посетителя, с которым придется общаться без свидетелей. Сделав понимающее лицо, Габи испарилась, а вскоре пожаловали гости: Тахорг, Умбриэль, Парадокс и Тарантул. Впрочем, последний отныне фигурировал в официальных документах под своим настоящим именем — Мерлин Кондратьев.

Вся компания выглядела не совсем естественно. Похоже, забыли подкормиться спорамином после затянувшегося до утра аврала. Тахорг осведомился, как продвигается реорганизация главка, кого я назначаю на управления, сектора и прочие подразделения. Я честно доложил, что временно оставил за собой управление по региону Урал-Север, а заодно посетовал на нехватку надежных кадров. Тема оказалась болезненной — все сразу заговорили о том же. После двух погромов, учиненных с подачи Резидента, из Конторы были изгнаны тысячи квалифицированных специалистов, которых на скорую руку заменяли выпускниками университетов, а то и вовсе отставными Следопытами и Прогрессорами.

Отсюда и то качество работы, которое ужасало нас, профессионалов, уже второе десятилетие.

— Оздоровление — всегда цейтнот и катастрофа с кадрами, — изрек Умбриэль.

— Вытянем на перекрестном опылении, — отмахнулся Тарантул, то есть Мерлин. — Как со мной сделали.

В переводе на человеческий язык эта тарабарщина означала примерно следующее: «Нам приходится восстанавливать Галбез в нечеловеческих условиях, когда катастрофически недостает подготовленных работников, а также времени — как на подготовку нового состава, так и на чисто организационные мероприятия. Поэтому придется решать проблемы, назначая надежных людей на руководящие должности в наиболее пострадавшие ведомства, вроде того же КОМКОНа». Что ни говори, а служебный сленг творит чудеса. Всего-то две-три короткие фразы, а какую содержат бездну информации, обильно сдобренной эмоциями!..

— Вчера дело прошло так гладко, что у меня даже возникли смутные подозрения, — сказал вдруг Умбриэль. — Неужели вся история с Резидентом и метагомами была грандиозной провокацией управления "Т", затеянной ради возрождения Вышестоящей Организации?

— Не может быть, — подумал вслух Парадокс. — Когда это начиналось, Комитет еще существовал.

Тахорг укоризненно потребовал, чтобы мы перестали шутить. Потом, поглядев на часы, добавил:

— Резидент заставляет себя ждать. Уже на минуту с небольшим опаздывает.

— А если до вечера не придет, пошлем опергруппу? — осведомился я.

— Он обязан явиться по вызову руководства.

Признаюсь, я даже немного удивился:

— Мы стали его руководством?

— Вот именно, — Тахорг плотоядно потирал руки. — Своими интригами Резидент сам выстроил себе ловушку. Теперь он — всего лишь отставной руководитель столичного управления службы "К" и обязан прибыть в Главное Управление, чтобы сдать дела своему преемнику. То есть, тебе.

Тарантул задумался, потом проговорил с сомнением: дескать, было бы разумно навалиться на Комова часа два назад, когда тот точно так же сдавал КОМКОН (оскорбляющее числительное «первый» более не употреблялось ввиду исчезновения «второй» Комиссии) ему, Кондратьеву. «Придет как миленький, — мстительно сказал Умбриэль. — А здесь мы будем играть на своем поле!»

— Сволочь он, — сказал Мерлин. — Успел стереть большую часть документов. Гигабайт на сто, не меньше.

— Не думаю, чтобы он держал в служебном киберблоке что-нибудь ценное, — сказал Тахорг. — Несомненно, интересующие нас материалы записаны у него дома. Точнее — были записаны. Сейчас Комов, если не дурак, упрятал файлы глубоко-глубоко.

Мы принялись строить планы насчет повального обыска во всех местах, где жил и работал Резидент, но ясно было, что такая операция не принесет много пользы. К тому же, как вовремя напомнил Умбриэль, Странники могли снабдить своего агента аппаратурой, изготовленной по технологиям ВСЦ. Такой киберблок нам в жизни не взломать.

— Между прочим, коллеги, у меня завелись новые соображения, — сообщил вдруг Парадокс. — Наверняка я лучше других понимаю психологию Резидента. Сам бывал в его шкуре, когда резидентствовал на Беллерофонте. Поверьте моему опыту и интуиции — у парня не все ладно по линии тайной службы. В последние годы Резидент допускал ошибку за ошибкой, словно перестал получать продуманные инструкции от ВСЦ. Обычно у нас такое случалось, если прервется связь с земным нелегалом — даже самые надежные помощники из числа аборигенов сразу теряют голову. Начинают творить черт знает какие глупости и быстро проваливаются.

Мы начали вспоминать похожие примеры из своей практики, так что разговор принял характер состязания по части черного юмора. В разгар этого турнира служба охраны (наконец-то взяли под контроль окрестности!) сообщила, что Комов прибыл на ближайший к моей резиденции узел Нуль-Т и теперь идет пешочком в сторону главка. Я приказал пропустить его, а народ обменялся многозначительными взглядами и надел ментозащитные шлемы.

Шагнув сквозь мембрану входа, Комов неприязненно оглядел собравшихся, однако не стал нарушать этикет и церемонно приветствовал каждого из нас. Сорвался только однажды — пожимая руку Мерлину, буркнул:

— Кажется, сегодня мы с вами уже здоровались...

— Никогда не вредно лишний раз поздороваться с хорошим человеком, — вежливо отозвался бывший Тарантул. — То есть, я хотел сказать, с братом по разуму.

Комов сделал каменное лицо и начал снимать пароли с секретных разделов киберпамяти. Большой пользы от его помощи не было — мои технари еще ночью взломали все коды и переписали информацию на другие терминалы. Меня интересовало, не попытается ли Резидент утаить от нас какие-то разделы. Думаю, бывший шеф сектора об этом догадывался, но виду не подавал. Во всяком случае, он добросовестно раскрыл все виртуальные блоки, то есть никаких по-настоящему секретных сведений здесь не хранил.

Пока мы старательно ломали оперетту, делая вид, будто занимаемся серьезными вещами, мои коллеги затянули неторопливый разговор. Как и советовал наш главный следователь, роли были расписаны и отрепетированы, так что неподготовленный слушатель уверился бы, что солидные люди ведут спонтанную беседу, экспромптом выдумывая реплики. За несколько минут было сказано главное, и я увидел, как точно выверенные фразы без промаха достигают цели — пару раз лицо Комова искажали болезненные гримасы.

Умбриэль тоже заметил его мимику и меланхолично обратился к бывшему президенту бывшего сектора:

— Согласитесь, Геннадий, Древняя Раса вела себя не слишком красиво. Втянули вас в авантюру, а потом сделали ручкой.

У Комова снова дернулась щека, однако он сдержался и продолжал отмалчиваться, будто речь шла вовсе не о нем. А я поспешил высказать внезапно родившуюся мыслишку: дескать, вызванный Большим Откровением комплекс неполноценности не имеет под собой оснований.

— В конце концов, — сказал я, — Странники каким-то образом сумели привить Резиденту массу экстрасенсорных качеств. Значит, и обычные Хомя Сапиенсы не обречены оставаться свалкой генетического мусора. Глядишь, мы тоже получим такие способности — не от природы, так от биоинженерии.

— Не обязательно, — сказал Мерлин. — Может быть, наш заклятый приятель имел врожденные задатки, как те же людены. Потому и выбрали его Странники...

Тут Комов наконец взорвался и прошипел:

— Прекратите этот бред! Все ваши обвинения подтасованы, у вас нет ни одной прямой улики. Вы просто расправились со мной, чтобы отомстить за ликвидацию Комитета.

— Откуда ты знаешь, что у нас нет прямых улик? — молниеносно парировал Тахорг. — Может быть, мы их придержали до лучших времен? Или, может, ты согласишься пройти тотальное обследование?

Комов презрительно ответил, что отказался от хромосомного анализа исключительно из принципа, поскольку был оскорблен безумными подозрениями и обвинениями. Попутно он отпустил очень ядовитую шпильку относительно психопатов, страдающих патологической формой Странникофобии.

— Прекратите дергаться, Резидент, — снисходительно посоветовал Парадокс. — Странники использовали вас, а потом выбросили, как стрелянную гильзу, когда в вашей помощи отпала необходимость. С тех пор Рейнджеры дважды ставили вам детский мат. Я имею в виду истории с кампанией против биоблокады и ваши неумные призывы к людеям

покинуть Землю.

— Во-первых, Рейнджеры здесь ни при чем, меня обыграли сами людены, — возбужденно парировал Комов. — А во-вторых, почему вы считаете ошибкой мою роль в выдворении с Планеты этих жертв технологической эволюции?

Напрасно он заговорил об этом — только накликать очередной удар по собственному самолюбию. Засияв торжествующей ухмылкой, Тахорг изрек:

— Ошибка была воистину роковой. Если прежде людены кучковались, прежде всего, на Земле, то сейчас расселились по всей Периферии. Представьте себе, Резидент пять сотен сильнейших экстрасенсов, равномерно распределенных в радиусе сорока парсек. Причем каждый метагом дьявольски обозлен на сверхцивилизацию, агент которой заставил их изменить привычный образ жизни. Теперь уж ни один Странник не посмеет приблизиться к Планете — людены моментально обнаружат его и вкачают по первое число... Что же до Рейнджеров...

В доступной форме, с пересказом поучительных историй, мы растолковали ему суть доисторической аксиомы: в нашем деле профессионал всегда побеждает дилетанта, но никак не наоборот. Иными словами, не обладающие специальной подготовкой метагомы ни за что не сумели бы так ловко провести Комова, имевшего хоть какой-то опыт тайных операций — пусть даже в рамках Следопытских и Прогрессорских мероприятий.

— Совершенно очевидно, что из-за спины метагомов откровенно торчат ушки одной из ветвей Древней Расы, — подытожил Тарантул.

Вообще-то мы слегка блефанули: наши доводы содержали известную долю некорректности, поскольку это старое правило знавало весьма печальные исключения. Однако сейчас абсолютная точность была бы только во вред делу. Мы почти дожали Резидента, и он начинал понимать, что против него работал не только Галбез, но также кое-кто посolidнее. Наверное, ему было обидно: потратить столько сил на ликвидацию Комитета, чтобы создать тепличные условия для агентуры Рейнджеров, которые его же, Резидента, и обвели вокруг пальчика...

— ...совершенно необоснованная уверенность, что сверхразум должен ошибаться, — Умбриэль продолжал отыгрывать сценарий. — Может, наш главный Следопыт попытается убедить меня?

Главным теперь стал не Комов, а Кондратьев, и это обстоятельство было очередным щелчком по самолюбию Резидента. Мерлин же достал карманный киберблок и после недолгих поисков нашел подходящую цитату в допотопной, изданной чуть ли не в середине XX века, монографии «История религий»:

«Способность к заблуждению не следует рассматривать как механически уменьшающуюся в ходе технико-экономического или интеллектуального прогресса общества. Чем дальше, тем все более сложные задачи ставил перед собой человеческий разум и тем более высокого уровня достигали и его заблуждения».

— Вот вы и ошиблись, решая не слишком сложную задачу, — злорадно произнес Комов. — Не там искали агента ВСЦ. Лучше подумайте, каким образом ничем не примечательный полицейский комиссар Роберто Мария Родригес вдруг заделался великим диктатором. Кто давал ему столь умные советы, что простой коп за считанные десятилетия вывел из тупика целую цивилизацию?

— Хотите сказать, что Родригесу помогали извне? — Тахорг задумался. — Не могу исключить. Кто, по-вашему, это был — Рейнджеры или Странники?

— Ну, поскольку Посещение устроили Рейнджеры, то и Родригесом они же управляли, — почти уверенно изрек Парадокс.

Дискуссия вспыхнула, как сухой бамбук под выхлопом плазмострела, и опять-таки казалась спонтанной, хотя таковой безусловно не являлась. Матерые галбезовцы, проявляя хорошо поставленное актерское мастерство, непринужденно вывели нить беседы в новое русло: теперь мы говорили о том, что в общественном менталитете возродилась свойственная деградирующим культурам тяга к богостроительству и богоискательству.

Впрочем, сейчас было все равно, что говорить — лишь бы усыпить бдительность допрашиваемого.

Разумеется, Комов снова поддался на примитивно замаскированную провокацию и принялся горячо возражать: мол, распространенное в обществе почтение к Странникам не имеет ничего общего с религиозным фанатизмом. Мы же упрямо талдычили свое: люди запутались в проблемах непростой эпохи, а потому втайне надеются, что явится из подпространства сонм авторитетных носителей сверхразума и в одночасье избавит человечество от накопившихся осложнений.

Резидент запальчиво назвал нас глупцами, но вдруг застыл в напряженной позе, точно прислушивался к звукам, которых мы не способны были заметить. Я понял, что Комов сломался — он обнаружил «подслушку», но было слишком поздно исправлять роковую ошибку. Он проговорил упавшим голосом:

— А вот это было умно... Я имею в виду ридера за стеной. Наверное, вы правы — дилетант всегда проигрывает профессионалам.

— Не переживайте слишком сильно, — мягко посоветовал Парадокс. — В конце концов проиграли-то вы не врагам. Пора бы понять, что мы с вами — союзники. Мы добиваемся одной цели, но разными способами. В таких случаях разумнее объединить усилия.

— Что вы знаете о моих целях? — пробормотал Комов.

— Сейчас узнаем больше, — отрезал Тарантул.

Полуматериальная радужная пленка, затянувшая дверной проем, снова лопнула, впустив в мой кабинет Сашу Солембу, который недаром считался самым сильным телепатом Ойкумены. Признаюсь, я немного побаивался, как бы Резиденту не вздумалось затереть память ридера, однако обошлось — сломленный нашими общими стараниями Комов прекратил сопротивление.

В тот момент мы наивно полагали, что хорошо представляем себе, чего хотят Странники и зачем они держат на Земле своего агента влияния. Однако Солемба поведал нечто иное, о чем никто из нас даже не догадывался. Оказывается, пресловутые ИВУ вовсе не собирались учить человечество, как нам следует жить. Напротив, ВСЦ хотели подсказать нам, как не следует жить.

— ...И Странники, и Рейнджеры за свою слишком долгую историю допустили слишком много ошибок, приводивших к социальным и прочим катастрофам, — монотонно журчал голос Солембы. — Теперь они пытаются предостеречь молодые цивилизации от повторения этих опасных решений. Беда лишь в том, что обе ВСЦ по-разному оценивают некоторые события. Из-за этого тайные представительства сверхцивилизаций постоянно вступают в конфликты...

Саша рассказал, что на первых порах в число прочих задач Резидента входило замечание следов — Комов должен был всеми силами предотвратить непосредственный контакт человечества с ВСЦ. Однако в середине 60-х Рейнджерам удалось на время прервать канал связи между Резидентом и Странниками. И тогда Комов бросился на Саулу и Надежду, рассчитывая проследить трассы подпространственных тоннелей.

— В те дни фигурант хотел только одного — снова встретить Ментора, который приобщил его к культуре Странников, — по-прежнему без эмоций говорил ридер. — Мы не способны понять, какое это наслаждение — общаться с высшим разумом.

— Прекратите эту пытку, — взмолился вдруг Резидент. — Вы уже знаете больше, чем вам нужно.

По лицу Комова было видно, что продолжение разговора ему неприятно. Тахорг сделал знак рукой и попросил Сашу надиктовать все, что он сумел прослушать. Затем шеф принялся распределять между нами задания. Мы надеялись, что Резидент проявит хоть минимум благоразумия и добровольно пойдет на сотрудничество. Увы, этого не случилось.

— Наш поединок еще не закончен, — буркнул Комов.

— В каком-то смысле... Но лично я предпочел бы в следующий раз вести переговоры

не с вами, а с вашими... — Тахорг сделал паузу, подбирая подходящее определение. Кажется, он искал наименее обидный синоним слова «хозяин»... с вашими старшими друзьями.

Скорчив презрительную гримасу, Комов поднялся из кресла, явно собираясь уходить. Я сказал ему вслед:

— Неужели вам не хочется узнать имя своего главного оппонента?

— Вы имеете в виду себя, или своих... — Комов тоже помолчал, явно пародируя недавнее раздумье Тахорга... или своих начальников?

— Нет, я имею в виду резидента Рейнджеров. Может быть, поработаем вместе?

Комов ответил с жалостью в голосе:

— Ни черта вы не понимаете. Как просто было бы жить, заключайся проблема в одних только Рейнджерах!

— А кто еще?

Не ответив, Комов направился к выходу. Помнится, я подумал, глядя в его ссутулившуюся спину: «Он вернется». И действительно, Комов вернулся с полдороги. Видно было, что старик буквально кипит от злости. Он заговорил голосом, полным яда:

— Ваша контора всегда любила присваивать своим безобразиям красочные названия. Любопытно было бы узнать, как вы назвали акцию по моему устранению. Может быть, «Граф Монте-Кристо» или «Осиновый кол»?

Тонко улыбнувшись и даже не стараясь скрыть торжествующих интонаций, Тахорг любезно сообщил:

— Наши покойные учителя Экселенц и Тирекс очень любили Дюренматта. И операцию против вас называли «Судья и палач».

Комов дернул щекой и ушел, пробив плечом мембрану. Равнодушно пожав плечами, Тахорг сказал:

— Вернется. Смирится с поражением и вернется. Наверняка он понимает, что мы — не враги. Ни ему, ни его любимым Странникам.

Конечно, он вернулся, хотя это случилось много позже. А в тот момент у меня не было уверенности, что Комов согласится работать с Галбезом. Могло бы случиться иначе.

Если на других мирах проваливается земной агент из числа аборигенов, мы иногда вытаскиваем своего неудачливого помощника. Нельзя было исключить, что Странники тоже захотят изъять Комова с Земли. Тогда мы уже догадывались, что где-то в Галактике есть планеты, на которых Странники и Рейнджеры расселяют младших братьев — планета, на которой живут генерал Родригес, капитан Репнин и тысячи других людей, саракшианцев и прочих носителей разума, которые понадобились ВСЦ для каких-то недолгих экспериментов, а затем были эвакуированы в целях сохранения секретности...

...Я не слишком внимательно слушал, как коллеги обсуждают перспективы открытого контакта с гуманоидными расами Саракша, Беллерофонта и Гиганды. Кажется, они обращались ко мне, но ответа не дождались. Я рассматривал голограмму внешнего обзора, на которой Комов, не оборачиваясь, тяжело плелся в сторону станции Нуль-транспортной. Усталый сутулый старик, в одночасье потерявший все, что создавал на протяжении долгих десятилетий. Было невероятно жаль человека, к которому я никогда не испытывал неприязни, а тем более настоящей ненависти, но которого раздавил и сломал, потому что так было нужно.

Месяц с небольшим назад, когда ситуация стала кристально ясной, я отчетливо понял, что Резидент не капитулирует, но будет драться до конца. И тогда я нанес точно выверенный удар по его ахиллесовой точке, которую не смогли защитить ни воды Стикса, ни всемогущество сверхразума. Короткий доверительный разговор, тонкая игра на болезненном самолюбии чрезмерно амбициозного инспектора — и Тойво, поддавшись порыву, присоединился к людеям, а Резидент потерял единственного родного человека в этом враждебном мире. Такого потрясения он выдержать не смог и сломался, став легкой добычей монстра, внезапно восставшего из саркофага Галбезопасности.

Никогда и никому я не расскажу о поступке, который совершил во имя абстрактного

принципа целесообразности, а теперь не могу разобраться, как следовало поступить, исходя из не менее абстрактных принципов этики. О людях моей профессии знают не больше, чем мы сами того хотим, а я вовсе не желаю, чтобы потомки знали слишком много. Родригес был прав, а потому никто не увидит этот файл — я так решил...

Слишком уж жалок был уходящий по улице Резидент. Я смотрел ему в спину, и на душе было беспокойно. А заикленное сознание бестолково гоняло по извилинам строку из Верблибена: «Из мрака вышли и во тьму обречены вернуться».

Баку

Сентябрь, 1997 — сентябрь, 1998.